

ЭТАПЫ
НРАВСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ РАЗВИТИЯ

ПРЕДМЕТ НРАВСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

Приступая к изложению материала, необходимо определить сам предмет нравственной психологии, его главное содержание.

Нравственная психология — наука, которая раскрывает психологию человека с позиции его нравственного развития. Своим содержанием она открывает путь к формированию нравственных оснований в человеке.

Нередко задают вопрос: "А почему именно нравственная психология, почему не психология нравственности?" Для современной психологии более характерно нравственность сделать именно предметом. Психология как наука имеет область своего изучения человека, его внутренние душевные движения, способности, возможности. При таком понимании и нравственность должна стать предметом психологического исследования. Так оно, видимо, и происходит в традиционной психологии, и ученый, называющий себя психологом, вполне может заниматься нравственностью как предметом.

Когда нравственность становится понятием, с ней можно делать многое: анализировать, синтезировать, расчленять на составляющие, наблюдать ее эволюцию, движение, структуру.

Однако в самом человеке существует нравственное как его собственная жизнь, как то, что движет его внутренним поступком, определяет его чувства, характер его мыслей.

можно собственное нравственное сделать предметом исследования. И здесь два пути. Один из них — умом или рассудком распознать происходящее в собственной душе. Второй путь — из глубины души ее разумной силой охватить взором движения сердца. Здесь душа саму себя познает в живом дыхании нравственного в ней. Из этого же, от души к душе, можно вслушаться в нравственное другого, почувствовать человека внутренним чутьем или с первой встречи иметь впечатление о нем. Такая психология исходит из нравственного, а не из рассудка, и психологией нравственности никак не может быть, хотя предметом ее будет нравственное другого.

Такое нравственное не может быть только предметом интеллектуального изучения, ибо полностью описать его невозможно. Полностью его может исследовать только сам человек, ибо только он может знать в себе то нравственное и то сокровенное, что происходит в глубине души как истинный поступок, как красота его внутреннего переживания, как опыт обретения в себе нравственного.

Только встретившись с собственным сокровенным, с возможностью внутренней, нравственной красоты, которая потенциально или реально, но непременно существует в каждом, человек может преобразоваться в нравственного. В этом — принципиальная разница между психологией нравственности и нравственной психологией.

В психологии нравственности возможен исследователь, который напишет диссертацию о нравственных качествах и свойствах, возможен докладчик, который будет говорить о высотах нравственного поведения и действия. При этом и исследователь, и докладчик могут быть людьми глубоко безнравственными.

Если такая ситуация возможна в области изучаемой нравственности, то в нравственной психологии это немыслимо изначально. Ибо человек, возрастающий в нравственной психологии, непременно встречающийся с собственным нравственным, не может попирать это нравственное в себе. Непременно соглашаясь с нравственным в себе, в своих действиях, поступках и сердечных расположениях, он будет исходить из нравственного. Отсюда в нравственной психологии происходит постоянное изменение самого человека для обретения нравственной красоты.

В психологии нравственности такое изменение вовсе не обязательно. Там достаточно знания о нравственности, умножения этого знания и возможности передачи, пересказывания этого своего знания другим людям. При этом становиться самому нравственным не требуется. Неудивительно, что в психологии нравственности возможно бесчисленное множество преподавателей этики и нравственности, которые в своей реальной жизни вовсе не исполняют того, о чем они говорят.

В области же нравственной психологии обретение нравственной красоты начинается с самого исследователя, с самого говорящего. И если педагог или воспитатель сам не обретает в себе источников нравственной красоты, не реализует в своих силах души и в сокровенных движениях их, то подлинно нравственное воспитание подопечных для него невозможно.

Однако для многих подобное лицемерное состояние души обычно воспринимается как нормальное. И поэтому у такого преподавателя ученик будет схватывать прежде всего его душевную неправду. Но рано или поздно он поймет, что все это — одни лишь красивые, но пустые слова. К сожалению, именно поэтому сегодня для многих школьников лицемерие становится нормой поведения. На словах — одно, а на деле — совершенно другое.

В нравственной психологии и педагогике такое рассогласование слова и дела невозможно. Цели и задачи нравственной психологии и педагогике в том, чтобы соединить внутреннюю жизнь человека со словом, которое он произносит. И если он словесно учит детей каким-то нравственным поступкам, соответственно, он должен учить этому и своей реальной жизнью.

Опыт работы с учителями и вообще с человеком обнаруживает, как далеко не просто реализовать в себе этот образ нравственной красоты. Оказывается, требуется специальная внутренняя работа, которую человек должен регулярно исполнять для того, чтобы восстановиться в нравственной красоте, которая когда-то была им потеряна. В этом смысле мы можем сказать, что область нравственной психологии и педагогике является областью инаучной. Что это значит? Значит ли, что это нечто, противоречащее науке? Нет — это нечто иное. В чем же иное? Иное в смысле — иная область, иная сфера действий. При этом все научное принимается в область ино-научного особым образом.

Наука рассматривает предмет самостоятельно от исследователя. Сам ученый не отвечает за изучаемый объект, как бы себя этот объект ни повел. Например, атомные исследования и родившаяся из них бомба. В нравственной психологии ученый (психолог) и предмет изучения составляют неразрывное целое. Нравственное как предмет всегда остается в нравственном исследователя, будь то ученый, педагог, врач, любой человек. Или то же самое можно сказать по-другому.

Нравственное, обращаясь к любому предмету, не оставляет его в произвольном движении. Оно ответственно за развитие предмета, к добру или ко злу пойдет оно, к устройению или хаосу, к тьме или свету. Предмет в поле зрения нравственного не может созерцаться безотносительно от его природы — доброй или злой. Поэтому что-либо в предмете, будучи злым по природе, не может быть едино с нравственным. Оно будет отторгнуто. Только все доброе в предмете будет воспринято нравственным как сродное его природе и составит утешающее или удовлетворяющее одно с ним.

Другое различие научного и инаучного заключается в том, что наука занимается однотипными повторяющимися явлениями.

В инаучной области не одинаковое, а как раз наоборот различное является предметом внимания прежде всего.

Всякий человек является личностью, несет в себе оригинальное, уникальное, непохожее на других людей. И в этом его внутренняя красота — красота человека, изначально сотворенного в любви, человека, который именно в этой своей неповторимости может быть любим.

Мы знаем, что предметы ремесла, которые непосредственно сделаны руками человека, не похожи друг на друга. Казалось бы, внешне вазы, которые сделал мастер, одинаковы, но взглядишь в каждую — и увидишь, что одна отличается от другой. Особенно у выдающихся мастеров, которые с великой любовью делают любую вещь, будь то ваза, меховое или вязаное изделие, — они несут на себе отпечаток особой любви, особое состояние мастера, в котором он выполнял и творил именно данный предмет. И в этом — уникальность вышедшего из-под рук мастера.

Подобным образом руками Творца создается человек, его бессмертная душа. Конечно же, в каждой душе есть все то, что роднит ее со всеми остальными людьми, что свойственно ему как человеку, что вообще свойственно всем людям. Но особо любимым делает его то, что выделяет его среди других. По-этому встреча с уникальностью, неповторимостью другого составляет для любви особую радость. Именно такой характер отношения человека к человеку является ведущим в нравственной психологии и педагогике, именно в этой области нравственной психологии является инаучной — ибо здесь значима встреча с уникальным другим человеком, ученика, воспитанника.

Напротив, все злое в человеке — в родителях, в педагогах, учителях, вообще во взрослых людях — гасит все уникальное, пытается разнообразие превратить в единообразие, свести все к одинаковости, нивелировать личный облик ребенка. Педагогика, которая идет к такому единообразию, является ложной, не нравственной.

Наконец, третье различие науки и инаучной области заключается в разнице мышления. Научное мышление, обращаясь к бытию мира (миробытию), воспринимает его в виде некой статической картины мира. Таковы классические философские системы (Платона, Гегеля), таков и естественнонаучный подход. Вместе с тем в XX веке начало развиваться новое направление мышления — экзистенциальное, где понятие "бытия" вытеснено понятием "существование — экзистенция". Протоиерей Михаил Дронов в своей работе "Экзистенция и опыт в православном мышлении" ("Альфа и Омега". М. 1998. № 4) пишет: "Бытие непостижимо и вечно, а опытное переживание собственного существования познается в каждое мгновение, здесь и сейчас... Экзистенциальное мышление представляет реальность в виде потока явлений как непрерывный динамический процесс, внутри которого обнаруживает себя познающий его субъект...". Здесь экзистенция как сумма внутренних и часто очень запутанных ощущений, т.е. субъективная эмпирика — постоянно меняющаяся стихия, — противопоставляется "вечному и непостижимому" бытию. И далее: "Смысл жизни заключается в самой жизни, а не в выводах, соделанных из нее. Он — в переживании самого течения жизни. Поэтому к жизни надо относиться как к непрерывно воспринимаемому опыту, а не как к решению задачи, совпадающему или не совпадающему с ответом в конце учебника". Экзистенциальное сознание, пытаясь преодолеть статичность и материалистическую тяжесть бытия, склоняется в субъективную подвижность и

надмирную возвышенность личного внутреннего мира человека. При этом отлагается необходимость канонов, догматов, правил, тех самых выводов, в которых фиксируется и удерживается от воздействий стихий исторического времени личный опыт чистоты, правды и истины. Личный опыт становится самоценным и достаточным. Он не требует ни с чем сверки. Он оправдывается уже тем, что доставляет человеку, его переживающему, чувство полной, счастливой и вполне уверенной жизни. В философии это привело к материализму. В современной западной психологии — к подсознательному и мистическому миру, где добро и зло перемешалось и перепуталось. Один из ведущих философов XX века Ханс-Георг Гадамер, возвышая значение личного опыта, пишет: "Диалектика опыта получает свое подлинное завершение не в каком-то итоговом знании, но в той открытости для опыта, которая возникает благодаря самому опыту". "Опытен в собственном смысле слова тот, — делает вывод Гадамер, — кто помнит о человеческой конечности, тот, кто знает, что время и будущее ему не подвластны... Познание того, что есть на самом деле, — таков, следовательно, подлинный результат всякого опыта, как и всякого стремления к знанию вообще" (Гадамер Х.-Г. "Истина и метод". Цит. по: "Мир философии. Книга для чтения". М. 1991. С. 579).

Память о конечности земной жизни и в особенности опытное чувство и знание, что время и будущее нам не подвластны, ведет человека либо к отчаянию, либо к упованию. Если в конечность и неподвластность земного бытия не войдет надмирная сила и личной любовью не возьмет в заботу и попечение каждого отдельного человека, тогда ему останется после смерти или какое-то место в памяти потомков, или небытие.

Выход из этого лично неразрешимого тупика начинается с того момента, когда во внутреннем опыте сознания или чувства человек слышит явственную потребность обращения к невидимому Богу, существование Которого с возрастающей ясностью он все более прозревает в своей душе. С этого времени внутренний опыт перестает быть субъективным. Вместо него начинает быть синергия человеческой воли и благодати Бога, где благодать ведет человека так, как ей угодно.

Экзистенция освещается религиозностью. Человеку требуется вырваться из собственного существования в новую жизнь — жизнь в Боге. И уже об этом религиозном опыте протоиерей Михаил Дронов в своей работе пишет так: "Опыт религиозный — не "научный" факт, воспроизводимый в эксперименте и поддающийся описанию математическим языком: он всегда уникален, неповторим и не фиксируется в качестве объекта "научного" наблюдения".

В то же время, добавим мы к приведенным словам, религиозный опыт переживаний — это движение, борьба, восстание из человеческого в Божие, от человека с его поврежденною и изуродованною душою навстречу Богу. Тогда религиозное мышление, выходящее из такого опыта, не есть выявление научной истины и не исследование самосуществования (экзистенции). Оно становится обращением к откровению, пережитым святыми отцами Церкви, и одновременно фактом личного участия человека в евхаристическом таинстве церковного богослужения.

В таком случае нравственная психология и педагогика уже опирается на начатки религиозного мышления, которое пробуждается в душе человека, ищущего правды и истины в Боге.

Нравственная психология и педагогика выделяет в человеке три начала: телесное, душевное и духовное. Каждое из этих начал может совершенствоваться, человек может стремиться к идеалу, восстанавливая в себе образ Божий, а может падать, деградировать, низвергаться в пучину зла. Известно также, что воспитанный ребенок или воспитанный человек — это человек, в котором реализуется некоторая красота как в душевном, так и в духовном.

Сегодняшний мир почти не знает области духовного, так как эта область непосредственно связана с религией. Ничего не подозревая об этом, большинство людей духовное отождествили с искусством, хотя известно, что искусство, культура есть всего лишь проявление вовне того, что является подлинно духовным.

Известно, что культура, особенно сфера искусства, получила свое интенсивное развитие в те исторические моменты, когда духовное в человеке начинало интенсивно падать. Упадок духовного в народе привел к тому, что лучшие из представителей сферы искусств стали пытаться доносить смыслы духовного, а значит, религиозного, до конкретного человека языком душевным. Душевым языком изложено классическое искусство: литература, живопись, музыка. Именно оно доносит до современного человека смыслы религиозной истины, смыслы духовного, сокровенного, проникновенного, того, что духовный человек узнает через религиозный опыт. И если поначалу человек слышал и внимал призывам художников, писателей, музыкантов по восстановлению внимания к духовному, то затем он сделал для себя их произведения единственным началом духовного и поставил их на место первоисточника. В дальнейшем, по мере оскудения духовного общества, он стал отвергать и произведения самих классиков по причине непосильности и ненадобности для себя раскрываемого ими "слишком глубокого" смысла.

Сегодня это оскудение настолько велико, что современная молодежь просто отвергла все классическое. Оно ей скучно. Современному человеку нечем оживить то, о чем повествует Достоевский, о чем говорит Гоголь, что открывает в своих картинах Левитан, в музыке — Чайковский, о чем пишет в своей поэзии Пушкин. Восстановление внимания к духовному в сегодняшнем человеке — одна из самых трудных областей нравственной психологии и педагогики.

Известны три закона, о которых мы будем упоминать в наших книгах: закон оскудения, закон опережения и закон хранения душевных сил или образа истины. Без знания этих трех законов настоящая педагогика невозможна, потому как невозможно объяснить причины происходящего сегодня с подростками, особенно с юношеством. Без этого невозможно понять, что происходит в развитии современного человека, почему сегодняшняя культура находится в таком упадке, в чем

причины неспособности людей потерпеть друг друга, почему в современной школе делается такой акцент исключительно на знаниях.

Современному психологу и педагогу трудно до конца понять действие глубинных механизмов, определяющих отношения между взрослыми и детьми, между детьми-сверстниками, между старшими и младшими. Ибо за той внешней суетой, которую мы пытаемся оправдать "объективной необходимостью" и "здравым смыслом", почти невозможно уловить и понять глубинные течения и движения, происходящие в человеке. В этом причина тех промахов, которые мы совершаем в межличностных отношениях, и тех тяжелых результатов, которые являются итогом многих лет безнравственного воспитания.

Как же вернуть сегодняшнего молодого человека к культуре, к классическому искусству, к мыслям о духовном, к стремлению обретения в себе духовное? Это, наверное, те проблемы, которые сегодня встают перед каждым вглядывающимся в будущее педагогом, воспитателем, родителем... кто душой и сердцем болеет за происходящее в нашем мире. И такая внутренняя позиция педагога и воспитателя является началом и основанием его нравственного самоопределения. Без нее обретение основ нравственной психологии и педагогики невозможно.

Познание этих основ возможно только там, где человек ищет нравственное. Там, где этого поиска нет, такое познание невозможно, ибо эти предметы — деятельные.

Нравственная психология и педагогика могут стать достоянием педагога или родителя только через опыт собственной нравственной жизни, и поэтому вне такого опыта постижение этих дисциплин фактически невозможно. Нельзя только по содержанию учебника по нравственной психологии и педагогике считать себя знающим предмет. И, услышав несколько лекций по этому предмету, нельзя полагать, что теперь имеешь о нем представление, ибо представлять его нельзя, им нужно жить, его нужно опытно исполнять. И поэтому способ обучения в нравственной психологии и педагогике совершенно иной, нежели тот, который присутствует и доминирует в современной школе.

На пути к формированию нравственного облика мы встречаемся с таким явлением, как эгоистическая натура человека, основание которой лежит в его эгоидре. Каждый ребенок с рождения имеет в себе это ядро эго.

Долгое время существовало представление о том, что ребенок рождается как *tabula rasa*, т.е. чистая доска, а значит, все злое, что в нем проявляется, приходит извне, от окружающих людей. Но любой родитель, имеющий по меньшей мере двоих детей, видит, что злое в ребенке проявляется задолго до того, как последний повстречается с ним в социальных условиях. Дети, еще находясь в колыбели, уже проявляют одни — каприз, другие — упрямство, третьи —

злость, четвертые — мстительность. Эти черты характера, которые более ярко покажут себя во взрослой жизни, свойственны им уже с рождения. Это говорит лишь о том, что эгоистическое ядро в ребенке закладывается еще в утробном возрасте.

Рядом с совестью, формирующей в нем образ нравственного поступка, существует ядро эго, которое в свою очередь формирует в нем безнравственное и ищет в окружающей среде примеры и образцы такого поведения. В первую очередь на формирование личности ребенка влияют родители, потом воспитатели, а затем — окружение, в которое он попадает сначала ребенком, потом подростком, а затем и юношей. В результате эгоистическое становится постепенно доминирующим.

В современной жизни нравственное не хранится в окружающих нас традициях, обычаях, в становлении человека. Оно не хранится в укладе, в образе жизни современных людей, оно в основном расточается, попирается и уничтожается. Ввиду того что эгоистические ценности, материальное благополучие, известность в мире или значимость в социуме стали ведущими, современный человек даже не подозревает о существовании в себе образа внутренней нравственной красоты.

Поэтому неудивительно, что эгоистическое ядро так ярко проявляется у детей современных родителей. Оно прежде всего выражено в их агрессивности, затем в их устремленности к материальным благам, наконец, в их желании соперничать, опережать и становиться над другими.

Внешне такая картина и такая ситуация сегодняшнему педагогу понятна. Но причины, которые лежат во внутреннем, подсознательном механизме отношений между людьми, вряд ли известны большинству. Механизм эгоистических отношений между людьми, который сегодня определяет формирование разных группировок, среди подростков в особенности, для многих — загадка.

Для сегодняшнего педагога являются тайной сложные отношения, которые возникают в коллективе детей, подростков, взрослых людей. Для их разрешения необходимо раскрытие этой тайны.

Не может быть действенной педагогики, если педагог не владеет знанием о механизмах психопатических отношений человека с человеком. Равно как совершенно невозможно консультировать родителей и помогать им налаживать семейные отношения с детьми, не зная этих механизмов.

Одним из самых значимых сегодня действий в школе и в детском саду является обучение. Учебный процесс в школе, казалось бы, достаточно отлажен, методик много и возможности достаточно большие. Однако опыт показывает, что основа нравственного — силы души ребенка — в современной школе практически не используется. Силы души проявляются при высвобождении ребенка навстречу окружающему миру. Если взглянуть на современную педагогику с позиций нравственных сил, то мы обнаружим, что учебный процесс может получить совсем другое основание, другую широту и глубину. В таком случае то, что сегодня ребенок узнает о мире в словесном представлении, может превратиться для него в реальное открытие реального мира. И тогда радость от встречи с жизнью мира становится непередаваемой. Мы знаем это по своему детству. Если вспомнить наши детские переживания встреч с природой, то, безусловно, по чистоте и глубине они несравнимы с тем, что мы чувствуем, повзрослев.

В большинстве своем рассказы, прочитанные человеком в детстве, не остаются в его памяти, а вот впечатления детства вспоминаются спустя и десять, и сорок лет. И даже на смертном одре человек вспоминает до деталей ту пронзительность жизни, которая была дарована ему в детстве. Возможно ли в школе на уроке переживать аналогичное? Да, возможно. Но для этого должна быть открыта совсем другая сфера души ребенка, и в нравственной психологии и педагогике (мы по опыту знаем) это происходит.

Становление самого педагога, внутреннее высвобождение в себе резервов нравственной широты и красоты позволяют и ребенка повести за собой в эту сферу сокровенной глубины, той тайны жизни, в которой реально возможна встреча.

Дополнение священника

Попробуем найти ответ на два вопроса.

Какие отношения с психологией могут быть у церковного человека?

В какой мере христианин может прибегать пусть к нравственной, но все же психологии?

Думаю, что ответ здесь очень простой. Психология в переводе есть наука о душе. Пока она вглядывается в строение души и в реальные движения или процессы, которые в ней происходят, и на основании изученного выстраивает те или иные действия с душой, она мало чем отличается от химии или физики, которые тоже имеют дело с реальными явлениями химического и физического мира. В психологии открывается нам мир психических, или душевных, явлений. И здесь современная психология немало потрудились. Так очень глубокие исследования проделаны по изучению таких психических явлений, как внимание, память, эмоции, восприятие, ощущение. Непревзойденные исследования проведены в области мышления, сознания, творчества, обучения, труда, общения. Если эти явления действительно существуют и психология открывает

нам реальные события нашей душевной жизни, то мы можем пользоваться ими так же, как пользуемся электрическими приборами, легковыми машинами, искусственным шелком.

Нет зла и тем более греха в автомобиле. Зло появляется в нас, когда мы начинаем пользоваться им из гордости или тщеславия, или иной корысти. Равно нет греха в том, что мы будем развивать в себе и детях память, внимание, усидчивость, мышление, пользуясь методиками, основанными на фундаментальных психологических исследованиях. Грех начинает быть там, где развитие всего перечисленного будет совершаться по страсти.

Почему же церковный человек так боится психологии и страшится "запачкаться" ею так же, как ересью? Потому что есть области в современной психологии, такие как сознание и подсознание, в которых она изучает психические явления, игнорируя учения о грехе, о добродетелях, о богодарованных силах души либо отчасти признавая сказанное (например, западная психология) и признавая реальность Бога. При этом ученые-психологи, которые занимаются изучением душевных явлений, сами не имеют аскетического опыта, оставаясь в помраченном сознании вне благодатного освящения.

Отсюда в одних случаях игру страстей описывают как норму, в других как неизбежную реальность, в которой нужно научиться искусству общения, самопрограммирования и прочее. Для такого психолога нет отношений с благодатью, с церковными Таинствами, со Христом, пострадавшим ради спасения человека. Для классического психолога нет спасающей человека Церкви. В результате безблагодатная психология ни к какому спасению привести человека не может.

Как теперь ответить на второй вопрос: в какой мере христианин может прибегать к нравственной психологии? В той мере, в какой она помогает ему восстать над явными, но мало сознаваемыми действиями греховного или падшего человека в нем, которыми душа его непреодолимо схвачена и он порой годами внешне церковной жизни не может из них вырваться.

В своем внутреннем мире воспитанный в безбожном сознании современный человек настолько отделился от Бога, что многие греховные явления в самом себе он просто не распознает, в силу этого отождествляется с ними и схваченный в их образ действий, чувств, поступков устремляется в церковную жизнь лишь частью, часто малой частью своей души, полагая при этом, что он искренне присутствует в ней всей душой.

Так один, обладая большими интеллектуальными дарованиями, изучил все богословие и теперь может читать лекции и учить других, нисколько не переменившись в нраве. Мы узнаем это по той тонкой иронии, сарказму и насмешке, которые едва приметным, а то и явным образом пронизывают его слово, надмевают над жертвами его обличения и ни капли сострадания,

милосердия не выказывают в нем. Напротив, в его речи слышен холодный, тонкий и очень умно исполненный убийственный расчет.

Мы можем встретить женщину умную, пишущую, деятельную в Церкви, наделенную немалым даром слова, но в ее тоне будет выдавать себя женский нрав, способный уязвляться, зло-памятствовать, не прощать и мстить или выпячивать себя, тонко тщеславиться, гордиться.

Очень много нераспознанного в нраве происходит в супружеских, родительских отношениях, во взаимоотношениях прихожан и в любых межличностных пересечениях. Не всякий человек имеет желание освободиться от вредных свойств своего характера, глубину которых он и не подозревает. Но в том, кто начинает мучиться от самого себя и от того, что становится причиной соблазна и напряжения для окружающих его людей, — в том начинает быть живая потребность совлечь с себя худое. Веры ему недостает, чтобы в едином порыве вырваться из тисков своего сознания навстречу Богу и остаться с Ним, не возвращаясь к старому. Он будет идти в этом обращении к Богу медленно, шаг за шагом открывая себя и отрываясь от своего худого.

Путь этот как "обыкновенный порядок стяжания дара возбудительной благодати" в отличие от "чрезвычайного (т.е. сильного и моментального) действия благодати Божией" подробно описывает святитель Феофан Затворник в своей книге "Путь ко спасению".

Увы, во все это время его постепенной перемены будут страдать от него ближние, для которых он по евангельскому завету в притче о милосердном самарянине ближним для них не станет; немало будет страдать и помрачаться его собственная душа, о чем он, охваченный самооправданием или уверенностью в себе, порою даже не будет подозревать, и потому замечания или открытые обличения со стороны людей о его худом нраве будет отвергать, а то и возбраняться в ответ со всею крутизною задетого самолюбия, чувства несправедливости, обиды, брезгливости и прочего.

Во всех таких и подобных случаях знание о действиях в нас падшего человека может помочь как в сознании себя и возможности отделить в себе худое от доброго, так иногда по действию благодати Божией пережить покаяние и по разрешении от грехов и причастии Тела и Крови Христовых совсем исцелиться от худого. Нечто подобное испытала инокиня одного из монастырей, которая по прочтении данных книг 1-го издания пережила глубокое покаяние, две недели по ночам плакала Гос-

поду, затем приехала в Волгоград, прожила неделю, здесь исповедалась, причастилась и утешенная вернулась обратно.

Нравственная психология и педагогика предназначены как для людей нецерковных, или только начинающим свой путь в Церкви, так и для церковных. Немалую пользу извлечет из нее любой человек, негорделивый и незаносчивый в своей церковности, для которого труд над нравом уже начал быть. Ему в таком случае много могут помочь, с одной стороны, знания о греховных сетях в человеке (механизмы страстных отношений, их источник и причины), а с другой — возможности нравственного порядка жизни, его условий и тех внутренних оснований, из которых он может обретаться.

Нравственная психология и педагогика одних подводит к церковному порогу и дальше передает уже в ведение Церкви, других, уже церковных людей, возвращает к себе в той части их души, в которой остаются нераспознанные и непреодоленные навыки, привычки греховного порядка жизни либо они преодолеваются, но человек не может взамен им обрести добрые навыки и привычки, обычаи и традиции, потому что за время безбожия они ушли из реальной жизни или забылись в нашей памяти. Теперь их нужно восстановить, и нужен образ правильного поведения, образ церковного уклада, охватывающего не только жизнь в храме, но особенно вне храма. Жизнь эта опирается на богослужение, Таинства Церкви, от них берет начало и охватывает в укладе всю храмовую и внехрамовую жизнь.

Что есть уклад? Это церковный характер исполнения всех отправлений жизни. Основание уклада — вера и пронизываемые ею все сердечные расположения и действия человека, как внутренние, по силам души, так и внешние. Внешний порядок жизни, исполненный правильными, т. е. церковными, сердечными расположениями, складывается в обычаи и традиции. Помимо этого в уклад входит еще распорядок жизни — годовой, недельный, или седмичный, и дневной. Уклад, выписанный на бумаге, называется уставом.

В задачу нравственной психологии и педагогики входит восстановление потребности человека в укладе. С этой позиции она по исходному содержанию своему сугубо церковна. Но, имея задачи предогласительного и огласительного характера, имеет своим предметом естественные свойства и проявления души, в которых должно восстановиться всякому человеку, приходящему к общению с Богом в Православной Церкви. В том числе и новонаначальному, т.е. до сегодня пребывающему в Церкви без систематического оглашения. Многие из таковых сегодня не имеют цельных представлений и опыта церковного человека. Много обрывочного и случайного и в знаниях, и в опыте. Восстановить этот пробел хотя бы отчасти и есть задача настоящей книги.

Часть I

ОТ ЗАЧАТИЯ ДО РОЖДЕНИЯ

КЕМ ЯВЛЯЕТСЯ РЕБЕНОК ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ?

Отрадно отметить, что все больше и больше современных семей устремляется к устройению своей жизни на началах православной церковной традиции.

Однако с прискорбием наблюдается отсутствие подлинно благодатных плодов этого благого стремления сегодняшних православных родителей. Почему мы не можем до конца осознать, что же происходит в наших отношениях с детьми, почему мы не слышим воли Божией, не имеем в чувствах простоты и ясности, которыми и достигается поставленная нами цель?

Устройство нового порядка жизни

Чтобы дело церковного воспитания детей в семье устроилось, нужно обрести в себе правду и мир. Правду — в осознании своих отношений с детьми, мир — в благодатном настроении смиренного сердца.

Осознание себя незримым образом связано с сердечным настроением человека. Оно происходит по велению сердца и само по себе умножает это настроение. Освящаемые благодатью Божией два этих делания — осознание себя и настроение сердца — приходят в неслиянное и взаимопроникновенное соединение. Важнейшим условием для достижения этого становится отложение гордости и обретение смирения. В исполнении того и другого известны два пути, один из которых — путь душевный, совершаемый силами человеческими, другой — церковный, когда действием благодати Божией в человеке открывается и осознание себя, и настроение сердца. Однако в первом и во втором случаях плоды будут совершенно разными. Нужно сказать, что душевный человек не может узнать плодов церковного пути. Его самосознание и чувство сердечного настроения имеют мало общего с благодатными дарованиями. Последние же даются по мере церковного изменения всего порядка жизни внешнего и особенно внутреннего порядка жизни человека. Откуда же может явиться новый порядок жизни?

Минимум из четырех действий: из чтения церковных святоотеческих книг, из встреч с церковными людьми, из обращения к освящающим средствам Церкви, особенно Таинствам, и, наконец, из собственных трудов каждого из нас по обретению христианского нрава. Исполняющий все четыре действия и будет находиться на пути воцерковления, т.е. благодатного преобразования всей жизни. В четвертом действии — в трудах над самим собой — обретается важный для каждого родителя

момент — осознание себя в отношениях с детьми. Одно осознание открывается после чтения педагогической статьи и размышления над ней, но совершенно иное — когда размышление наше освятится благодатью Божией посредством освящающих действий Церкви.

Возможно ли пережить опыт осознания, не читая педагогических книг? Возможно. Но для многих из нас путь такого обретения правды и мира в отношениях с детьми будет очень долгим и кружным. Слишком далеки мы сейчас по маловерию своему от сколько-нибудь значительной меры участия в нас благодати. С оскудением духа человек начинает нуждаться в слове, посредством чего ему открывается знание о себе самом и о возможностях внутреннего делания, через которое он приготавливает себя к усвоению призывающей и содействующей благодати Божией.

Уяснив значение осознания себя родителем, со смирением выясним, кем же является для каждого родителя собственный ребенок? Рассмотрим худшие случаи.

Ребенок нежеланный

Явился на свет по неосторожности или невоздержанности. Это происходит в семьях, где один или оба родителя сторонятся детей. Одни — из страха, что ребенок осложнит жизнь. С рождением первого ребенка родители во многом себе отказывали, что-то откладывали до тех пор, пока он подрастет. Появление еще одного младенца не только укрепит уже сложившиеся самоограничения, но и повлечет за собой новые, дополнительные расходы. Одно дело управиться с одним, совсем другое — с двумя, тремя детьми. Где взять силы? Иной думает: "Попросить сил можно у Бога. Рассудком я это понимаю, веры не хватает. А как без веры у Бога что-либо просить?". В душе рождается страх за себя, из которого потом, неосознаваемо для человека, враг плетет тонкую паутину трудных отношений с ребенком — отчаянных, малодушных, бессильных и ожесточающих настроений в самих родителях.

Другие родители не хотят иметь ребенка, боясь, что дитя не получит в достатке еды, одежды, обуви, не сможет выучиться как следует, по скудости материнских и отцовских сил получит мало внимания и любви. Здесь, как и в первом случае, маловерие не располагает сердце в смирении перед Богом. Такой страх рождает отвержение, нежелание ребенка. По рождении дитяти родителями руководит бессознательное чувство обреченности его на нужду, лишения или несостоятельность. Отсюда — жалость к ребенку, вина перед ним или чувство обремененности ребенком, тяжести от необходимости его воспитывать. Враг в таких случаях сеет в отношения между родителем и ребенком много лжи, из которой затем оба долго не могут выпутаться.

Третьи не хотят ребенка, потому что много чего любят в жизни. Ребенок своим появлением свяжет и ограничит их. Отказываться от многого ради ребенка не хочется. К тому же, такие родители не очень любят или совсем не любят детей.

Ребенок желанный

Зачали, родили, теперь кормим, одеваем, любим и участвуем в нем. Но не всегда родители осознают при этом, кем является для них ребенок. Они могут желать его воцерковления, страдать из-за его отказов пойти на службу, гневаться, досадовать, что ребенок избегает церковных Таинств или домашних молитв, однако восприятие собственного дитяти в действительности лежит у таких родителей далеко за церковной оградой. О каком восприятии мы говорим?

Ребенок — плоть от плоти моей и потому мое продолжение

Это первое восприятие. В данном случае собственные жизненные ценности родитель непременно хочет вложить в свое дитя. Дитя — продолжатель его дела, обычаев, традиций. В таком восприятии при всей праведности внешней стороны заключена внутренняя неправда, так как внутренне родитель живет не по благодати Божией и не к ней призывает он своего ребенка. Он призывает его к внешним церковным действиям, не более. При этом Богообщение и участие благодати в себе и в ребенке он, не ведая того, подменяет собою, своими чувствованиями, своим разумением. "Люди сии чтут Меня устами, сердце же их далеко отстоит от Меня" (Мк. 7,6). Поэтому родитель искренне печалится, недовольствуется, гневается, когда ребенок с ним не согласен, невосприимчив, настаивает на своем, упрямится. Возможно, что совсем недавно такой родитель был неверующим, а то и убежденным атеистом. Теперь он переменялся в своих взглядах, но не изменился в своем отношении к ребенку. Он вполне искренне требует от сына или дочери следования за своими крутыми поворотами в жизни. Он ищет и хочет единогодушия с ребенком, чувствуя в этом важную опору для собственной жизни, остро переживая всякий разлад, и, как

ему кажется, потерю дитяти, которое не хочет воцерковлять-ся. Тем не менее родитель требует, настаивает на вхождении ребенка в церковный порядок жизни.

Родитель не подозревает, что вся энергия попечения о ребенке исходит из скрытой в душе неправды отношения. Он принимает свое чадо не как создание Божие, а только как свое собственное творение. Вместо поиска единогодушия, совершающегося в Святом Духе, он ищет единогодушия в обращении их обоих к Богу, обращении чувственном, замкнутом друг на друге.

Вместо возрастания ребенка в угождении и служении Богу и ближним, родитель желает угождения себе, своим нормам жизни, собственному усвоению жизненного порядка.

Не имея уважения к свободе ребенка, он подменяет любовь к нему любовью к собственным жизненным ценностям.

Отсюда все сильнее растет нечувствие жизни своего чада. Вместо угождения Богу в воспитании ребенка взрослый пребывает в сбывающихся или несбывающихся переживаниях своих самоугождений, саморазумений и самохотений как в воспитании, так и в развитии ребенка. Вместо пребывания в Духе Божиим родитель пребывает в душевных чувствованиях. Поэтому его настроение постоянно меняется: то он унывает, то завидует, глядя на других детей, то обижается, то раздражается, то гневается, то на него нападает дух жалости, праздности или осуждения, то дух иронии, уничижения и т. д.

Ребенок — мое оправдание перед людьми

Во втором случае ребенок рождается как общественная необходимость, потому что так принято в обществе, так нормально. Когда же он узнает, что рожать детей — это заповедь Божия, то радуется тому, что общественная норма подтверждается, подкрепляется заповедью. Такой родитель, став церковным, как бы опирается на заповедь Бога. Но ложь этой опоры обнаруживается сразу, как только речь заходит о втором, третьем ребенке. Родитель категорически не хочет еще детей, потому что в обществе сегодня более второго, максимум третьего, иметь не принято. Это наследие доцерковной жизни родителей, которое еще долго будет сказываться в их церковных отношениях с детьми. Вне Церкви такое восприятие ребенка является всеобщим. При этом родители могут быть заняты самыми разными делами, а ребенка имеют как дань общепринятой норме. Одет как все, питается не хуже других, занятиями, принятыми в обществе, вполне загружен: школа, кружок, студия, репетитор. Но в силу того, что родитель относится к ребенку как к еще одной данности его положения в обществе, личные отношения с собственным чадом могут не сложиться. А если потребность в душевном общении удовлетворяется вне семьи, то необходимость подобных отношений почти исчезает.

Но если положение родителя в обществе из-за поступков сына или дочери начнет колебаться, дитя сразу же становится объектом пристального внимания недовольной родительской души. Наведя "порядок" (способы у каждого свои), родитель быстро успокаивается и возвращается в привычный характер отношений. Если к восприятию ребенка как общественной необходимости прибавляется родительское чувство, то наиболее сознательные папы и мамы вполне цивилизованно наставляют и вразумляют свое дитя, приводя его к общественным нормам, ибо посредством ребенка поддерживается имидж самих родителей.

Несдержанные и вспыльчивые родители могут приводить дитя в значимую для них норму очень разнузданно и вольно. При этом само чадо может ничего не значить для матери и отца. Дитя—

часть их имиджа, и потому должно все делать хорошо! Что оно при этом переживает, их вовсе не интересует. Ребенок должен хорошо учиться, должен поступить в институт, устроиться на престижную работу; не иметь нареканий от учителей, начальства и властей; должен уметь зарабатывать деньги; иметь семью, машину, дачу; должен уметь обходиться с людьми и т.д. При исполнении всех этих условий родитель, кроме ориентации ребенка на вышеперечисленные земные ценности, никаких личных отношений с ним, как правило, не имеет. Дитя для него мало чем отличается от модной одежды, машины, дачи, породистой домашней собаки и прочих социально значимых атрибутов.

При таком положении отношений в семье неудивительно слышать откровения подростков об их родителях: "А я папе нужен как придача к его машине", или "Я маме нужна, чтобы показывать меня в обществе подруг".

Иногда личное отношение к ребенку проявляется особо, в случае если родитель видит чадо наследником своего имущества или трудов. Личное отношение связано с желанием иметь продолжение своих ценностей или профессиональных дел в детях. Тогда можно наблюдать разницу между "имиджем" и "продолжением" себя в детях. Идеалы и ценности, которые родитель несет в себе и вкладывает их в свое дитя, могут сильно расходиться с общественным мнением. Если мода меняется, то меняется и имидж. При этом способность ребенка лавировать в таких переменчивых нормах домашними ценится особо.

При продолжении себя в детях, напротив, ценится устойчивость в воспринятых от родителя нормах. Родительская норма ставится выше общепринятой. И в основе этого — превосходство над людьми. Семейное воспитание не идет дальше установления норм, по которым поддерживаются отношения между обществом и семьей. Ревность о воспитании и обеспечении внешнего может быть большой, о воспитании внутреннего — очень малой. Так, родителю может быть совсем неважно, правдив ребенок или нет, важно, чтобы он добился успеха в обществе любыми путями. Совсем неважно, совестлив он или бессовестен, важно, чтобы всегда выходил победителем в жизненных схватках.

Увы, как не сразу загрязненная вода становится прозрачной, так и приход родителя в Церковь не сразу освобождает его от перечисленных несправедливых восприятий своего ребенка. И если он сам еще как-то может расстаться с заблуждениями и пересмотреть необходимость следования тем или иным мнениям и нормам общества (и возраст, и прожитая жизнь, и неофитское возбуждение духа застилают прежние ценности жизни), то в отношении к своему ребенку он полон беспокойства. И, будучи уже по внешнему поведению человеком церковным, он готовит свое чадо к служению обществу, или собственному благополучию ребенка в земной жизни, стараясь не посрамиться перед людьми, в том числе и перед верующими. Бывает, что родители готовят сына к духовному семинарист-скому образованию из-за тщеславия в среде церковных людей. Вместо нравственного и духовного воспитания ребенка с ревностью следят за развитием его способностей (тантов), посредством которых укрепляются тщеславие и гордость. Вместо развития милосердия, приучают к корысти, чувству выгоды; вместо воспитания трудолюбия,

движимого чувством нужды ближних ("трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся", Еф. 4, 28), дитя приучается к занятиям по интересам.

Сам же родитель вместо отношений с Богом ищет оправдания у людей, вместо страха Божия ходит в страхе перед человеческим мнением и отношением. Иногда (как и светский человек) подкупает церковное начальство, наущничает, доносит на других детей, чтобы выгородить своего, сеет пересуды, завидуя другим родителям, состязается с ними, радуется собственному превосходству. Многие верующие родители следят за внешностью детей, чтобы те были не хуже других, радуются комплиментам в адрес своего ребенка. Домашние любят устраивать дни рождения своего ребенка, а дни Ангела превращаются не в прославление святого, а в прославление их возлюбленного чада. Детей начинают захваливать, просят петь, читать стихи и всяким образом красоваться перед гостями. Некоторые церковные мамы паче смерти боятся, чтобы дитя не ушло в монастырь или же, напротив, желают пострига своему чаду, чтобы затем хвалиться им и тщеславиться перед людьми. Большинство родителей, не имеющих духовного разума, боятся искушений и скорбей для ребенка.

Ребенок — моя опора в старости

Рассмотрим третье восприятие. Некоторые родители воспитывают в детях чуткость к нужде, способность попечения и заботы, верность, преданность лично им. "Ты мой кормилец, моя опора в старости", — не единожды скажет мать своему сыну. Не один раз она выразит удовлетворение, когда сын ей поможет. "Я довольна, что ты сделал так, — скажет она ему, — потому что так же ты будешь помогать мне и в старости моей". Это удовлетворение родителя сегодняшним днем простирается на старость и становится той чувственной установкой в душе ребенка, которая воспринимается сыном или дочерью как долг перед матерью. Но еще в большей степени эта установка ожидания запечатлевается в душе матери. При этом она исходит не от материнской беззаветной любви. Очень часто из этого ожидания, как плесневые грибы в сырую погоду, могут выползть различные родительские переживания — неуверенность в сыне или дочери, подозрение в предательстве, черствости. При малейшем намеке на недостаточную чуткость, невнимание возникают обиды и ожесточения, ведется постоянный контроль уровня заботы, расположения к матери, отцу.

Родители могут проявлять капризы, недовольства, демонстрировать болезни и немощи, культивируемые с одной целью — удержать внимание и заботу ребенка на себе. Или наоборот — постоянно дарить дитя дорогими подарками, деньгами, обременять излишним вниманием, происходящим из беспокойства о своей участи в старости. Если же родителю случится остаться в старости одному, а еще хуже — в доме престарелых при живых детях, его душа наполняется растерянностью, недоумением, потом обидой, унынием и горем, а затем отчаянием или ожесточением, переходящим в равнодушие и душевную пустоту. Непросто и нескоро будут затягиваться раны и не всегда приведут они к возрастанию веры в Бога, чтобы через нее прийти к смирению и тишине.

В то же время у сына или дочери чувство долга, душевно связывающее их с родителями, носит вполне естественный характер. Но поскольку это чувство не освящено Богом, оно остается обычной человеческой привязанностью.

Лишь по мере того, как сознание примет попечение о родителях как свою обязанность перед Богом, чувство долга начнет меняться в своем качестве. Сын (или дочь) начнет ухаживать за слабеющими родителями не потому, что он многим обязан им, а по причине обретаемой в Боге свободы заботы и попечения, которые будут складываться не по мере родительского участия в нем, а по свободно раскрывающейся, Богом освящаемой любви к родителям. Импульс именно такой возможности духовного развития и должны задать родители своим детям. Тогда родительское почитание Бога может стать основой сыновнего почитания родителей.

Чтющий Бога имеет Его благословение не только во внешних событиях, но прежде всего в настроениях своего сердца. "И в сердце всякого мудрого вложу мудрость, чтобы они сделали все, что Я повелел тебе" (Исх. 31, 6). Тогда отношения с детьми будут складываться из сердечных настроений. По этим отношениям будет совершаться и воспитание детей. Не имеющий благодатных настроений сердца, т.е. внутреннего благочестия, может ли дать доброе воспитание детям?

Если родителям спросить самих себя: "Чем дорог мне ребенок?", то можно получить самые разные ответы. Из того, чем ребенок дорог родителю, и складывается ядро отношений с ним. Матери, к примеру, ребенок дорого достался: очень болел, для отца этот же ребенок дорог, потому что любит отца. Пройдет время, и в отрочестве и юношестве отношения их могут полностью расстроиться. Не удержится любовь к отцу на все годы жизни, остынет дитя, а возможно, и само будет нуждаться в любви старших, их чуткости и заботе. Тут и обнаружится, что отец-то по-настоящему никогда не любил сына. Ему было приятно, когда сын проявлял к нему свою любовь, — тем и был дорог ему сын.

Разобраться, чем же дорог для родителя ребенок, и поправить свое отношение к нему легче, пока он пребывает в младенческом возрасте. Чем позже это произойдет, тем хуже. Под давлением трагических событий может произойти полное расстройство отношений с ним. Как показывает жизнь, гораздо легче наладить их, пока ребенок еще маленький и покрывает свою любовью к родителям многие неправды их отношений.

Ребенок дорого достался

По материнской любви мать вложила всю себя в дитя, чтобы он выжил. Верующая мать радуется, чтобы ребенок жил Богу. Она приняла благословение от Бога на рождение ребенка и теперь будет растить и развивать его для Бога.

Неверующая мать или мать, которая по рождении ребенка пришла в иступленное чувство привязанности к нему, ничего о Боге не ведает. Все желания ее сливаются только в одно — чтобы ребенок жил! В этих желаниях нет Бога, в них есть только собственно сам ребенок. В ее порывах нет веры, кроме веры в свою собственную преданность чаду. Даже если в критический минуты для ребенка мать обратится в молитве к Богу, это будет вопль, пребывающий в одном ряду с обращениями к врачу. Лишь дыхание веры придает этому воплю новое свойство. Но как часто после отклика Божия и выздоровления ребенка мать возвращается к прежней привязанности к нему. Дыхание веры остывает под грузом чувственности. Мать видит жизнь ребенка только в рамках его земного существования. Чем сильнее эта привязанность, тем безотчетнее мать предается ребенку. Движимая телесными недугами дитяти, она забывает на время о будущем, для которого его нужно воспитывать.

Если ребенок в детстве много болеет, в материнской душе развивается сильный навык реагировать на его малейшее расстройство. Скоро она перестает различать, где у ребенка каприз, а где он действительно нуждается в ее участии. Развивающаяся в ней чувственная чуткость к ребенку приводит к разворачиванию собственных страстей и греховных привычек.

Мать теряет всякую здравость в своих отношениях с ребенком. Она становится вспыльчивой, раздражительной, либо до крайности строгой, требовательной, либо, напротив, обидчивой, унывающей; или, того хуже, — заискивающей и угождающей, ведь ребенок для нее — центр жизни... Возникает чувство тупика. Душа, увлеченная этим всеильным и чувственным угождением ребенку, теряет жизненные ориентиры и постепенно все глубже и глубже отдается этим неправильным отношениям, пагубным для обоих. В центре такого развития отношений лежит зависимость матери от телесно-чувственного довольства ребенка.

По мере накапливающейся усталости она невольно начинает обращаться к себе, к своему удовольствию тоже телесно-чувственного характера. Не имея веры и растеряв остатки нравственных сил души, она или утрачивает всякую надежду на возможность перемены, или с силою своего властного и своевольного характера (если он у нее такой) все берет в свои руки и ведет так, как сама считает правильным. Печальные плоды этого "как сама знаю" проявятся в их отношениях через 15—30 лет. Чем еще может быть дорог ребенок?

Ребенок — мое утешение

Так случается, если родитель сам в детстве недополучил родительской любви и внимания. Потребность в душевном тепле и участии сопровождает его повсюду, и в своих отношениях с людьми он вольно или невольно ищет их душевного внимания к себе. Дети же по своей нравственной природе способны покрывать этот недостаток. Беззаветной преданностью

родителям, простотою и детскою чуткостью, лаской и участием они сильно помогают им, а своею беззащитностью пробуждают невольный отклик и живую заботу о себе.

Родитель сильно привязывается к ребенку. Даже супружеские отношения не дают такого утешения, какое он получает от ребенка. Дитя становится неразрывной частью души родителя, так что он без ребенка уже не может ни дня... При таком отношении не меньшую привязанность к родителю обретает и ребенок, особенно к матери. Это ей очень нравится, и поэтому она всею душою поддерживает в ребенке такую зависимость от нее. Очень много современных отцов имели значительную недолюбленность в детстве. Поэтому некоторые из них жестоки, эгоистичны. Они без оглядки заняты делами, работой, различным предпринимательством, а между всем этим дают себе отдых в праздных увеселениях и блудных вольностях.

Другая часть отцов, тоже значительная по числу, находит успокоение в пьянстве, "утешении" более сильным, чем ребенок. Склонность к алкоголю исходит из той же потребности в душевном внимании и любви. Часто эта потребность, накапливаемая с детства, столь велика, что, однажды ощутив тонизирующее действие алкоголя, они все более и более отдаются ему и, наконец, приходят в такое состояние, когда без алкоголя уже не могут. И даже родившийся ребенок не в силах покрыть эту нужду. Бесы, скрывающиеся за пьяным настроением, дают душе то, чего она жаждет — чувственную самоуспокоенность. Если с потерей хмеля эта удовлетворенность теряется, пьяница вновь прибегает к новой порции алкоголя, и вражье утешение придает ему временное и обманчивое ощущение полноты жизни. По этому чувству на первых этапах алкоголизма он бывает ласков и привязчив к своим детям и домашним. Однако постепенно развивающееся пристрастие и получаемое при этом утешение напрочь отвращают от супруги и детей. Сегодня это пристрастие совершенно губит Россию. Беда в том, что с недавнего времени стало возрастать и число матерей, которые вслед за отцами увлеклись этим же "утешением" и обрекли детей на безутешное сосуществование с собою. Если увидеть в этой беде и в чрезмерной чувственной привязанности к детям одну причину — безверие и недолюбленность в детстве, то откроется печальная участь детей, рожденных как теми, так и другими родителями. При этом нельзя наперед сказать, какие из этих детей будут сильнее удалены от Бога: выросшие при пьяных родителях или пережившие на себе чувственную привязанность трезвых родителей.

Блудное пристрастие

Еще одной ценностью, по которой ребенок дорог родителю, может быть блудное пристрастие к ребенку. Сегодня немало матерей, в одиночестве воспитывающих сыновей, явно или скрыто страдают этой болезнью. Неудовлетворенность мужем или его отсутствие пробуждает блудную страсть к собственному сыну. Выражается она в чувственной нежности к нему, в привязчивой сладости общения с ним, иногда в кокетстве по отношению к нему, не замечаемом самой матерью. Она может

ревновать его к другим детям, в крайностях может совсем не допускать к нему людей, удерживая его при себе.

Если второй ребенок — дочь, то она будет испытывать постоянную обделенность любовью. Даже если внимание и забота о ней будут большими, тем не менее ощутимую разницу отношения к себе и к своему брату со стороны матери дочь явно будет переживать и страдать от этого.

Невнимание сына может порождать материнские капризы, истерики и сцены, которые станут устраиваться с целью добиться проявления сыновних чувств. Нередко страсть обнаруживает себя в притяжении к одежде сына, его нижнему или постельному белью, запаху его тела. В своих крайних проявлениях это приводит к тому, что мать спит в одной постели с семи- и даже одиннадцатилетним сыном. Мальчику самому это нравится. Постепенно в нем развивается глубокая чувственная зависимость от матери, неустойчивость настроения, импульсивные проявления блудной страсти в разных ее формах, слабость воли, избирательность в общении : легко в женском обществе, трудно в мужском. Одновременно начинает проявляться блудное тяготение к мужчинам, юношам, мальчикам, тоже попавшим в детстве под женское влияние.

Воцерковление матери может ослабить такой характер отношений с сыном, но, к сожалению, ей не сразу открывается все безобразие этих отношений. Напротив, они слишком дороги ее сердцу, слишком много жизненной полноты она в них обретает. Поэтому мать различными мыслями оправдывает себя, откладывая момент отказа от сладострастного утешения, получаемого от различных проявлений привязанности к сыну, а то и вовсе вытесняет из сознания наличие этой проблемы.

Ребенок — утешение в перенесенных душевных потрясениях

Есть еще одно дорогое родительскому сердцу восприятие ребенка, когда ребенок становится утешением в перенесенных душевных потрясениях.

Когда-то родители пережили некое потрясение, и теперь они стараются любыми силами оградить своего ребенка от чего-либо подобного, т.е. ни в коем случае не позволить ребенку так же страдать. Это характерно для целого поколения родителей, перенесших войну и голод. Дети и

внуки у них всегда должны быть накормлены. Собственные пережитые невзгоды они переносят на ребенка и полностью посвящают себя ограждению детей от этих "невзгод". Часто при этом чувство меры теряется, родители руководствуются лишь памятью собственных переживаний. •

Если такие родители воцерковляются, то пост для своих детей они запрещают или сильно послабляют, так что дети и не знают, постятся они или нет. Если родитель испытывал какое-то время скудость в одежде, он будет наряжать ребенка как на смотрины. Переживший нужду в друзьях, товарищах, теперь сделает все, чтобы для сына или дочери был полон дом друзей. В ход пойдут различные средства привлечения: богато накрытый стол, необычные игрушки, забавы, которые будут устраивать родители. Далеко не всегда приходящие дети становятся друзьями сыну или дочери, часто как раз наоборот. Только об этом родитель знает меньше всего. Слишком он увлечен своим "служением" ребенку. Таких перекосов в наше время происходит достаточно много. Они сильно вредят правде воспитания детей.

Ребенок — профессионально-педагогическое приложение родителя

Ребенок является педагогическим или, того хуже, профессионально-педагогическим приложением родителя. В этом случае ребенок для родителей все равно, что помидорный куст на огороде. Как с куста родитель хочет иметь хороший урожай и ради этого пробует разные способы и варианты его выращивания, так и с ребенком он поступает как с предметом своих педагогических экспериментов. По прочтении очередной книжки о воспитании детей он испытывает новые идеи на своем ребенке. Однажды его увлечет идея развития памяти у ребенка, в другой раз захватит идея трудового воспитания, в третий — идея воспитания воли посредством закаливания... Родитель при этом готов заниматься ребенком все свободное время. Кого и что он любит? Своего ребенка или свои педагогические опыты над ним?

Проверить самого себя по этому вопросу просто. Нужно вспомнить минуты, часы пребывания с ребенком вне своих педагогических экспериментов. Это время может припомниться пустым, даже холодным по душевному чувству. В такие минуты родитель не знает, что с ребенком делать, о чем говорить. Пребывание с ним томительно и тягостно...

Нечто подобное может проявиться в отношениях с ребенком при его воцерковлении, когда родитель, сам движимый призывающей благодатью Божией, ведет дитя в церковь, переживая свое осознание значимости воцерковления, не разбираясь, что переживает при этом ребенок. Тогда вся горячность переживаний за его отказ от богослужения или исповеди, за его рассеянность на молитве есть не что иное, как реализация очень хорошей, но всего лишь идеи воцерковления своего чада. За нею, за этой идеей, лежит душевная пустыня отношений непосредственно к ребенку с жалкими и чахлыми кустиками каких-то отдельных живых чувств, не имеющих никакого отношения к воцерковлению. Зато в пространстве самой идеи — буря

переживаний, убеждение, что ребенка необходимо и важно воцерковить, и к сему сильнейшее хотение — воцерковить непременно! На поверку за всем этим скрываются пламенная любовь к идее воцерковления, убежденность в необходимости церковной жизни, и отсутствие любви к самому чаду, а вместе с этим — отсутствие или скудость веры в Живого Бога, Промыслом Своим приводящего к Себе всякого человека, нечувствие Бога, Его милости, Его всемогущества, премудрости и всеведения, скудость любви и попечения не только о родителях, но и о детях. Результатом такого "воцерковления" часто бывает отпадение детей от Церкви на очень долгое время.

Так ли ведет себя живая родительская любовь к ребенку и живая вера в милосердие, всемогущество и премудрость Бо-жию? Нет. Подлинная родительская любовь исполнена скорбью к Богу о своем чаде, осознанием смиренного бессилия перед Богом. Из этого-то чувства она находит те слова, и тот тон, и ту меру, которые точно по настроению ребенка коснутся его сердца, положив начало или изменив его отношение, воодушевив, озадачив, остановив, то есть совершив с ним нечто, что может совершить с человеком только любовь. Подлинная любовь сможет переменить его, не вызвав на себя никакой агрессии или обиды, но, напротив, в самой перемене дать пережить живительную сладость, свободу, которую дарует перемена и чувство благодарности.

Когда родитель видит в ребенке только продолжателя своего дела, своей профессии, происходит неправда родительского отношения к ребенку. Могут спросить: "Что же в этом плохого?". Ничего плохого нет. Но нужно вспомнить, что мастер или учитель, которому мы отдаем на воспитание своего ребенка, имеет целью только научение его той или иной профессии. Обязан ли он иметь при этом еще и родительское попечение онашем дитяти? Нет, не обязан. Если мы, будучи родителями, уподобляемся такому мастеру или учителю и ничего иного кроме продолжателя своего дела в ребенке не видим, значит, ничего родительского в нас нет. В таком случае сыновняя и дочерняя потребность наших детей удовлетворения иметь не будет. С годами, не получая в этом своего утешения, сердце родителя накапливает различные обиды, малые или большие досады, лежащие на ребенка тяжелым грузом.

Как следствие этого у одних детей развивается меланхолия, вялость к жизни и затаенная тоска по родительской любви, у других — сердце охладевает, особенно к старшим, ожесточается, становится равнодушным к родителям, черствым к своим учителям, наставникам. Теряется чувство благодарности, доброй памяти о тех, кто принимал участие в их жизни. Такие дети по достижении двадцати или сорока лет вряд ли вспомнят добрым словом своих учителей. Подобное отношение у них и к своим родителям.

Вышеописанный характер воспитания накладывает на духовную жизнь ребенка тяжелый отпечаток. Угасание и потеря сыновнего чувства становится величайшим препятствием к их воцерковлению, к обретению нравственности, т.е. Христова нрава. Нрав Христа — это нрав Сына Божия по отношению к Своему Отцу. При правильном развитии человек проявляет малую часть этого сыновнего нрава, нрава Христа в Его младенчестве. Ребенок живет почти все свое детство,

всцело поглощенный этим чувством. А затем, возрастая в этом чувстве, склоняясь верою к Богу, приходит он к духовному наставнику, к духовному отцу.

В Таинствах Церкви и молитвах, смирением обретаясь во Христе, он усыновляется через Него Богу Отцу. Этот порядок усыновления имел в виду Апостол Павел, когда говорил: не духовное прежде, а душевное, потом духовное ' (1 Кор. 15, 46). Об этом же говорит заповедь Господня о почитании ро-

дителей, но невозможно чтить родителей, которые не дают своему дитяти родительской любви. Неоткуда ребенку иметь поддержку в своих сыновних и дочерних чувствах, если только Сам Господь не восстановит утерянное силою Своей благодати.

Именно по причине утраты навыка подлинной любви со стороны родителей и ответного почитания со стороны детей сегодня происходит разрушение семьи, потеря домашнего тепла, семейного уюта и покрова, которые являются величайшей трагедией людей, трагедией общества и Церкви. Остальные бытующие в семьях варианты восприятия детей родителями обозначим вкратце.

Другие варианты восприятия детей родителями

Ребенок — предмет родительских развлечений и увлечений. Одно из ныне распространенных развлечений родителей — разного вида издевательства над ребенком. Отец обзывает дитя и тешится его реакцией. Бывает, получает несказанное удовольствие от искренней болезненности ребенка, проявляющейся в ответ на очередное уничижение. Получая такую реакцию, горький родитель, смакуя, снова и снова повторяет оскорбления, придумывая новые, более обидные, чтобы задеть глубже и унижить сильнее, доставляя себе потеху между другими заботами дня.

Есть отцы и матери, которым ничего не стоит избить ребенка. Они делают это каждый день или не реже, чем раз в неделю.

Одним доставляет удовольствие кормить ребенка, другие родители любят одевать дитя, третьим нравится повозиться с ребенком, поиграть с ним; четвертым — поласкаться. И все это при том, что на большее участие в ребенке ни сил, ни времени у родителя не хватает. Родитель в ребенке видит лишь предмет своего развлечения и ничего больше.

Ребенок — отрада для родителей. Не балуется, не капризничает, послушлив, любит своих родителей, хорошо учится, все его хвалят. Родитель доволен. Нет никаких хлопот, напротив, дитя — отрада и утешение. Мир может нарушиться, если кто-либо из них начнет воцерковляться — ребенок или родитель. Тогда обнаружится, что в таком восприятии ребенка есть немало самодовольства, скрытой родительской гордости или беспечности, или праздности, или душевной лени, а в целом, по большому счету, присутствует лишь нелюбовь к ребенку, незнание его внутреннего мира, неучастие в нем.

Ребенок — наказание.

"Не знаю, за что" или, напротив, "знаю". Сколько, бывает, услышит дитя горьких вздохов от матери или отца. Часть этих вздохов может быть на грани отказа от него, другая — с укором и даже упреком. Родитель может отчаиваться, унывать или, наоборот, раздражаться и ожесточаться на ребенка.

Ребенок — напоминание о ненавистном супруге, неудачном браке или о ком-либо из ненавистных родителей. Тогда ребенку приходится терпеть унижение, отвержение, гонение.

Ребенок — компенсация за отсутствие мужа, жены или несостоятельность в жизни. Привязанность и привязчивость к ребенку в этом случае могут значительно нарушать весь строй развития детской души, замыкая дитя на родителей, расслабляя его волю, погружая в "душечковую" чувственность сердца и помрачая разум установками себялюбия и эгоизма.

* * *

Мы рассмотрели наиболее характерные случаи восприятия ребенка родителями и вытекающие из этого отношения. Видно, как многопланово захватывается детская душа в сети греховных, неправильных, порою скорбных отношений сначала с родителями, а по мере возрастания — и со всеми другими людьми. Этот же характер отношений ребенок, взрослея, несет че-

рез всю дальнейшую жизнь. Несет активно, многие годы не сознавая себя и не отдавая отчета в своих действиях. И только сама жизнь повторяющимися ошибками и сбоями, отношением и оценкой окружающих людей будет медленно открывать глаза на собственную неправду.

Увы, не скоро душа начнет слышать слова Евангелия, а, услышав, не сразу разберет, что Господь призывает нас не просто к перемене жизни, но к перемене нашего нрава, к перемене того, что усвоилось еще с пеленок в отношениях с собственными родителями. Это поле родительского груза нужно будет перепахать, удалив все каменистое, глиняное, мусорное. Затем песчаную материковую породу необходимо многими годами удобрять, пока она не превратится в чернозем. Этот-то труд с помощью Божией и совершает человек в Церкви.

Значение времени внутриутробного развития

Зарождение новой жизни — великая Божия тайна

Разговор о рождении и воспитании ребенка начнем с внутриутробного развития. Момент зарождения жизни нового человека есть величайшая тайна, которую невозможно ни описать, ни уразуметь. Несмотря на то что такие науки, как физиология или эмбриология, достаточно подробно описывают весь процесс, вплоть до клеточного и молекулярного уровней, остается совершенной тайной, почему это происходит именно таким образом? Ибо ни биология, ни биофизика не могут объяснить тех явлений, которые совершаются при слиянии двух начальных родительских клеток, их постепенного умножения и образования из них, в конечном итоге, маленького человека. Тем паче остается величайшей тайной процесс формирования души ребенка, души целостной и живой, и сразу по рождении вполне проявляющей в себе основные начальные человеческие свойства.

Следуя церковным традициям, благочестивые родители уделяли особое внимание всем периодам внутриутробного становления ребенка, то есть полагали основание своего спасения как родителей и как чад Христовых в воспитании ребенка для Небесного Царствия с самого момента зачатия. Более того, родители памятовали о благословении Господнем, которое было дано Еве: "Умножая, умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей" (Быт. 3, 16). Адаму же было сказано: "В поте лица твоего будешь есть хлеб" (Быт. 3, 19).

В этих благословениях, данных Богом, каждый верующий родитель слышит возможность обрести спасение. Именно че-

рез исполнение этих постановлений Господних и даруется нам обретение райских обителей. Скорбь в ношении ребенка, муки рождения, воспитание дитяти, добывание хлеба насущного в поте лица служат человеческому спасению. В этом — главное основание отцовства и материнства, которое усваивает себе христианин.

Опыт Церкви показывает, что момент зачатия, где две души — отцовская и материнская, соединяются ради появления на свет еще одной души, имеет важное значение. В рождающуюся душу Бог вкладывает дух — личное начало будущего человека. Как однажды Бог сотворил Адама, так и ныне творит Он начало каждого человека. "И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни и стал человек душою живою" (Быт. 2,7). Только теперь, в отличие от создания Богом Адама, в сотворении ребенка участвуют еще и родители. Этот самый момент является одновременно приобретением от родителей некоторого резерва жизни, ее начального характера, который вкладывается в будущего ребенка; поэтому имеет огромное значение, в каком настроении пребывают родители в этот момент, каковы их чаяния и какое у них физиологическое состояние. "Маной помолился Господу и сказал: «Господи, пусть придет опять к нам человек Божий, которого посылал Ты, и научит нас, что нам делать с имеющим родиться младенцем» (Суд. 13, 8). И родился Самсон".

Беда сегодняшних детей в том, что рождаются они от родителей, никем не наученных, более того, нередко развращенных и не подозревающих горьких последствий своего беспечного образа жизни.

«Пьяницы рожают пьяниц»

Например, известно, что зачатие, совершаемое в пьяном виде, сильно сказывается на физиологическом состоянии ребенка. В большинстве случаев дети, зачатые в таком виде, раз-

виваются в утробе матери ненормально: происходит много различных сбоев в физическом развитии ребенка. Известно, что на молекулярном, тканевом, телесном уровне происходят различные недостатки, сбои, искажения. В результате этого дитя развивается неестественно, ненормально, рождается больным.

С древних времен известны вредное влияние пьянства родителей на развитие детей и пагубные последствия зачатия в нетрезвом состоянии. Греческая мифология назидательно повествует, что богиня Гера родила от совершенного умом и телом, но опьяневшего царя богов Зевса сына Гефеста. В результате он родился кривобоким, хромоногим, слабым телом и при этом имел неуравновешенный характер.

Основоположник медицины Гиппократ, клятву которого до сих пор принимают врачи всего мира, указывает, что виновниками эпилепсии, слабоумия и идиотизма у детей являются родители, которые употребляли спиртные напитки в день зачатия.

Аристотель писал, что женщины, предающиеся пьянству, рожают детей, похожих в этом отношении на матерей, а известное изречение Плутарха "Пьяницы рожают пьяниц" стало крылатым.

Сегодняшняя статистика доказывает, что дети-идиоты зачаты родителями после употребления спиртного. Специалисты говорят, что пагубное воздействие на зачатие оказывает даже небольшое количество алкоголя в крови. Поэтому даже однократное употребление алкоголя в день зачатия может вызвать непоправимые последствия. Можно отметить, что число детей, зачатых родителями после употребления спиртных напитков (или когда мать употребляла спиртное в первые месяцы беременности), с каждым годом растет.

Известно, что помимо спиртного состояние глубокой депрессии (если кто-либо из родителей находился в таком состоянии в момент зачатия) сильно сказывается на состоянии души будущего ребенка. Закладывается склонность к тоске, к различным обидам, вспыльчивость, капризность. Из всего этого можно заключить, что момент зачатия является чрезвычайно значимым.

Зачатие здорового ребенка. Церковь и семейное благочестие

Если мы обратимся к опыту святых угодников Божиих и благочестивых родителей, то увидим, порой, неожиданный, необычный и неприемлемый для современного человека обычай — сугубо приготавливаться к зачатию ребенка. Существовали семьи, в которых дитя зачиналось после специального молитвенного приготовления. Родители брали на себя тот или иной молитвенный подвиг, полностью вычитывали для этого Евангелие или Псалтирь, испрашивали благословения, постились, причащались и после этого, благословясь, сочетались, дабы дитя было обретено для Царствия Небесного.

Надо полагать, что благочестивое настроение родителей, призывание помощи, благодати Божией имеют отпечаток на развитии ребенка. В детскую душу с первого мгновения полагается особое

благословение Господне. Псалмопевец и пророк Давид говорит: "Вот наследие от Господа — дети: награда от Него — плод чрева" (Пс. 126, 3). Вспомним здесь и о Самсоне: "В то время был человек из Цоры, от племени Данова, именем Маной; жена его была неплодна и не рождала. И явился Ангел Господень жене и сказал ей: «Вот ты неплодна и не рождаешь; но зачнешь и родишь сына: итак, берегись, не пей вина и сикера и не ешь ничего нечистого; ибо вот, ты зачнешь и родишь сына, и бритва не коснется головы его, потому что от самого чрева младенец сей будет назорей Божий, и он начнет спасать Израиля от руки Филистимлян»" (Суд. 13, 2-5).

Сам Ангел из попечения о будущем младенце и о всех детях вообще показывает нам одну сторону подготовки к зачатию — воздержание от вина и пост.

Молитве о даровании чада научают нас праведные Иоаким и Анна: постом и усердными молитвами, в горести души своей и в скорби сердца просят они Бога, да дарует им чадо. Вспомним еще, что оскорбляемый Иоаким к молитве своей присоединил сорокадневный пост.

А вот мать пророка Самуила Анна, жена Елиана, молится Богу. "И была она в скорби души, и молилась Господу, и горько плакала, и дала обет, говоря: «Господи (Всемогущий Боже) Саваоф! Если Ты призришь на скорбь рабы Твоей и вспомнишь обо мне, и не забудешь рабы Твоей и дашь рабе Твоей дитя мужеского пола, то я отдам его Господу (в дар) на все дни жизни его (вина и сикера не будет он пить) и бритва не коснется головы его»" (1 Цар. 1.10-11).

Такие обеты давали родители о чадах своих прежде их рождения. Сколько слез пролито женами Ветхозаветных времен, дабы разрешилось чрево их: и Сарра, жена Авраама, была бесплодна, и Ревекка, жена Исаака, и мать Иоанна Крестителя Елисавета, и мать Пресвятой Богородицы — Анна.

В Новозаветное время — это Марфа — мать преподобного Даниила Столпника, Анна — мать преподобного Стефана Нового, которая имела уже двух дочерей, но очень хотела сына и вместе с мужем много времени скорбела к Богу, благоварила нищим, усердно молилась, пока однажды не услышала ответ Матери Божией, благословляющей ей зачатие ребенка. Отец преподобной Евфросинии Александрийской (память ее 25 сентября) вместе с женою много молился, чтобы получить благословение Божие на рождение своей дочери, много раздал милостыни нуждающимся, пока в одном из монастырей не получил утешения о том, что родится у него дочь. Так святые угодники Божий относились к зачатию ребенка, полагая в этом событии важнейшее основание характеру всей будущей жизни чада.

Особым образом к рождению ребенка относится Сам Господь. На протяжении всей истории народа Божьего мы наблюдаем особый Промысел Божий о рождении очередного праведника в народе Своем. Со тщанием Господь приготавливает родителей, чтобы через них без вреда

совершилось дело рождения избранника Его, и ребенок с самой утробы возрастал бы как чистейший сосуд Духа Божия. Для этого Он удерживает неплодство родителей до глубокой старости, давая время не только для изживания страстей, но и для совершения слезного труда в испрашивании и приобретении внутреннего, сердечного благочестия.

Грех или добродетель будет доминировать в новорожденном?

Из всего сказанного мы не должны выносить неутешительный приговор по поводу ныне рожденных детей, по отношению к которым, конечно же, ничего из описанного не соблюдено или соблюдено очень мало. Велика милость Божия и силен Господь: даже из семьи, которая не имеет благочестивых корней, можно восставить ребенка к богоугодной жизни. Тому немало примеров в житиях святых, рожденных у крайне нечестивых родителей, в семьях язычников и даже преступников. Поэтому пусть ничто из прочитанного здесь не будет поводом к унынию и отчаянию, но все — к благоразумной пользе. Тем, кто собирается родить ребенка, — к благочестивому приготовлению, тем, кто уже родил, — к рассуждению о причинах характера детей, покаянию, исправлению ошибок и дальнейшему воспитанию.

Мы же вернемся к содержанию разговора и посмотрим в ребенка. В нем, как и во взрослом человеке, можно различить телесное, душевное и духовное. В то же время можно увидеть, что в нем есть падшая, греховная натура, которая передается родительской душой ребенку по роду, а есть Богодарованное, т.е. личный дух дитяти. В момент зачатия одна из составляющих зарождающейся личности ребенка получает сугубую поддержку и подкрепление. Через греховное состояние родителей или крайнюю страсть, например пьянство, ссоры, блуд, импульс к жизни может получить сторона греховная. От доброго расположения родителей и от их желания ребенка и любви к нему импульс к жизни получит Богодарованная природа души. От благословения, испрошенного у Бога, к жизни обретется духовное личное начало в ребенке. Таким образом, родители могут поучаствовать в формировании ребенка при зачатии по-разному. Одни — своей падшей натурой, и этим они положат в ребенке начало его падшего развития, и оно будет преимуществовать над его Богодарованными возможностями. Вторые — по-доброму отнесутся к будущему чаду, и, будучи, возможно, людьми неверующими, благочестиво зачнут ребенка и дождутся его с любовью и благоговением. Тогда душа дитяти будет укреплена нравственным или душевным попечением родителей, и благодаря этому Богодарованное будет преимуществовать в данном ребенке и в дальнейшем. Если же родители верующие, они испросят благословения Божия, и Господь, благословляя, укрепит и подаст жизнь духовному началу в ребенке, укрепив в нем Богодарованную природу.

В истории Церкви известны случаи, когда супруги уговаривались между собою, чтобы сочетаться только ради рождения дитяти, поэтому всякий раз особо приуготовливались к этому. Вне этого смысла они не соединялись. Конечно, для нас это кажется странным, невозможным, может кто-то и вовсе этого не воспримет. Но тем не менее ревность о Боге и благочестие православных людей проявлялись да и ныне проявляются именно таким образом.

Надо помнить, что по человеческой немощи Господь заповедал иметь брак для двух целей: первая — деторождение, вторая — гашения разжигания. "Жена... спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием" (1 Тим. 2, 15) и "Лучше вступить в брак, нежели разжигаться" (1 Кор. 7, 9).

Чудо творит душа

После зачатия ребенка начинается его развитие. В утробе матери происходит удивительный процесс. Начальная клетка делится на 2, каждая из них — пополам, потом образуется 16, 32, 64, получается некий шар клеток, однослойный, внутри — полый, наполненный жидкостью, а снаружи как мяч. Затем этот шар клеток становится двухслойным. При этом вначале все клеточки совершенно одинаковые. Затем верхний слой начинает постепенно умножаться, преобразовываться в наружные органы, в части тела, в кожу, в мышцы, в скелет, в костный и головной мозг. А внутренний слой клеток начинает превращаться во внутренние органы — печень, селезенку, сердце, кровь. При этом в каждом слое начинается движение клеток. Чтобы образовалась рука, должны появиться кожа, мышцы, каждая мышца имеет мышечные волокна, внутри образуются сальные железы, кровеносные сосуды, нервные волокна. Клеточки должны сформироваться так, чтобы между ними образовалось множество капилляров, сосудов, узлов, сплетенных в сложную сеть по всему организму. Затем формируются кости. Кость сама по себе имеет достаточно сложное строение. Все это определенным образом располагается относительно друг друга и образует совершенный орган, например человеческую руку.

Конечно, тайна развития эмбриона, развития человека в утробе настолько неопределима, настолько неведома и глубока, что всю современную науку объяснить ее невозможно. Различные попытки материалистического объяснения физическими взаимодействиями молекул и тканей между собой никакого удовлетворительного объяснения дать не могли. "Как ты не знаешь путей ветра и того, как образуются кости во чреве беременной, так не можешь знать дело Бога, Который делает все" (Еккл. 11, 5).

Церковь знает, что эта тайна совершается благодаря действию души в теле ребенка. Это душа управляет телесным развитием, это она учиняет такую последовательность формирования человека. Под ее созидательной властью, данной ей от Бога, из этих клеток творится образ каждого органа, каждой ткани, каждой части тела.

Душа имеет в себе вложенный от Бога образ, и благодаря этому все люди имеют одинаковый вид — у всех есть руки, голова, глаза, печень, кровь и прочее. Образ, вложенный в Адама при творении, един. Он-то и продолжает передаваться из поколения в поколение, и по этому образцу совершается всякий новый человек. Дух человеческий при этом освящает душу, благословляет ее благословением Господним и имеет силу от Самого Бога. "Светильник Господень — дух человека" (Притч. 20, 27), "Господь, образовавший дух человека внутри него" (Зах. 12, 1).

Итак, человек получает дух, зачинается и развивается внутриутробно по непостижимому Божественному действию. Дальнейшее его становление в немалой степени зависит от родителей, потому что человеку Господь дал силу и власть "плодиться и размножаться, и наполнять землю, и обладать ею" (Быт. 1, 28). И по совершенной любви Своей Он дал свободу распорядиться этой силой и властью так, как сам человек того пожелает. Имеющий сыновнее чувство будет ходить по стопам отца, и любящий ни в чем не поступит вопреки любимому. Но если человек попирает свое сыновнее чувство и изменяет любящему его, тогда в нем начинаются 'самовластные стремления', по которым нарушается весь порядок его жизни и развития. Власть человеческая, потерявшая связь с Богом, становится причиной глубоких нарушений естественного порядка становления ребенка.

Почему непослушны нежеланные дети?

Выше мы говорили о значении приготовления родителей к зачатию, теперь остановимся на влиянии отношения отца и матери к внутриутробно развивающемуся ребенку — желанный он для них или нежеланный.

Согласно множеству наблюдений педагогов и психологов, обнаружено, что почти все нежеланные дети в конечном итоге страдают различной степенью непослушания. По некоторым сведениям до 90% таковых детей оказываются преступниками разной степени и разного масштаба. Одни преступают юридические законы, другие до этого, может быть, и не доходят, но преступают закон той среды, в которой они воспитываются: законы школы, правила поведения в обществе. Третьи даже в этом как-то еще сохраняются, но зато нарушают нравственные правила жизни в своей семье. В большинстве своем они капризны, неуравновешенны, неустойчивы, непослушливы, упрямы, прихотливы. Такие дети могут быть очень привязчивы к родителям, иногда до такой степени, что порой вызывают раздражение, возмущение, досаду на них.

Почему так происходит? В Богодарованной природе ребенка силы души во внутриутробный период, с одной стороны, направляют развитие тела, с другой — сами нуждаются в питании и формировании. В утробе матери душа ребенка не только формирует тело, но и сама формируется. Резерв для телодвижения она имеет изначально, а вот для собственного образования черпает силы, с одной стороны, от духа, а через него — от Господа, а с другой — от родителей (их душевного внимания, любви). Но с умножением греха в человечестве сила духа каждого отдельного человека угасает. Умножается в нем маловерие и неверие, человек отпадает от Бога. Дух его теряет освящение Господне. В таких случаях формирующееся дитя, связанное узами духа (наследство, доставшееся ему от родителей), частично или полностью лишается отношений с Богом. Изнемогающий дух, не получая благодатной поддержки, не может питать силы души. Ребенок обращается тогда ко второму источнику питания — к любви родителей. И тут встречает отторжение — он у них нежеланный. Богодарованная душа ребенка не получает поддержки — ни первой, ни второй. Силы души истощаются. Но тогда с властью начинает развиваться в нем страстная эмоциональность или покровы сердца, подавляющие и рассеивающие силы души. Прежде всего — верхний покров — доминирование плоти (св. Феофан Затворник). Уже не только дух и душа руководят телесным развитием ребенка, но тело все более начинает подавляться по

словам преп. Андрея Критского "самовластными стремлениями". Чем более преобладает плоть, тем более ребенок впадает в зависимость от физиологических, физических и биохимических воздействий. Малейшие нарушения материальных условий (ненормальное питание матери, нагрузки, состояние организма, особенно болезни) непредсказуемо влияют на ребенка. Раздираемый страстной эмоциональностью, зависимый от прихотей тела и не получающий любви, не поддерживаемый в силах души, ребенок начинает задыхаться в утробе, становится беспокойным, толкается, крутится и нередко обвивается пуповиной. Результатом физической неуравновешенности могут быть преждевременные роды, нарушения в развитии тела, органов, мозга, нервной, эндокринной и иммунной систем, лимфы, крови.

Когда закладываются психопатические отношения в семье

В душевном развитии ребенок, не получив родительской любви, будучи нежеланным матерью или отцом, несет глубокий дефицит любви. И эта потребность возмещения, восстановления недоданной любви побуждает его привлекать внимание родителей к себе действиями не сил души, которые подавлены, а действием страстной эмоциональности. Если же родитель не любил ребенка и не хотел его, значит, по отношению к данному ребенку у него силы любви не проявляются. Дитя, жаждущее любви, не может пробудить родительскую любовь, потому что ее нет.

А что же есть в этих родителях? В некоторых случаях — досада, в других — раздражение: "все-таки родился, приходится растить", в иных случаях — глубокая обида на свою "неудачную" судьбу, а по отношению к ребенку отвержение, неприятие. Ничего другого у него в душе нет.

А ребенок ищет любви! Но, желая любви, он сталкивается с аналогичной недостаточностью душевных сил в родителях и с подобной же реакцией их страстной эмоциональности. Начинаются отношения психопатического круга, в котором ребенок не может не привязаться к родителям. Он ищет хоть какого-то общения с ними! Например, один родитель может общаться с ребенком только с досадой. И тогда ребенок, ожидая родительского внимания, его обращения к себе, обнаруживает, что если он досадит родителю, тогда они будут вместе!

Другой родитель способен только на раздражение, у него к ребенку больше ничего нет. И дитя, вызвав родителя на раздражение, получит его внимание к себе. Вот так, методом проб и ошибок, ребенок обретает пути и способы для общения со своими родителями. Родитель может его бранить, кричать, но при этом внутреннее ребенка его страстная эмоциональность, жаждущая родительского участия, будет тем самым удовлетворяться. Внешне все выглядит неприятно, больно, иной раз даже до полусмерти. А внутреннее ребенка, его искаженная душевная природа тем не менее получает удовлетворение, потому что родитель рядом, потому что родитель худо ли, бедно ли, но с ним. Дитя в утешение может, как бы, сказать себе:

— У меня есть мама, она занимается мною. Правда, таким странным, неприятным для меня образом: раздражаясь, придираясь, крича и срываясь, но она со мной. У меня есть папа, который тоже занят мною. Правда, приходится после его побоев восстанавливаться, отлеживаться, но он занимается со мной.

И неудивительно, что при таковых родителях нежеланный ребенок от рождения и до семи лет усваивает такой искушающий образ отношений с людьми. Он постоянно вызывает раздражение, досаду и этим добивается родительского участия, постепенно забывая заложенные в нем другие, Богодарованные образы отношений с людьми. Его душа не развивается в своем естественном общении с ними. Она усваивает и формирует в себе только такой способ, который задан ему родителями.

Естественно, что такой ребенок, попадая в общество, в круг других людей, старается делать то же самое. Внутренне он желает, чтобы им были заняты, а внешне достигает этого, вызывая досаду или раздражение. В этом он мастер! Он так точно, так хорошо это делает, что порой окружающие люди, такие же неуравновешенные, не способные держаться в добре, быстро реагируют на искушение и отвечают ребенку тем, чего ищет его страстная эмоциональность. На самом же деле душа его жаждет внимания, участия, но по своей жизни знает, что достигнуть этого можно только таким образом, какой он получил в семье. Неудивительно, что если ребенка научить общаться по его естественной душевной потребности, научить быть добрым, отзывчивым, то можно постепенно реанимировать, восстановить нормальную жизнь его души.

В утробе и в первые годы после рождения ребенок закрепляет тот или иной способ общения. Например, возьмем случай с желанным ребенком. Дитя родилось, и родители расположены к нему только одним образом — всеотдающим служением, раболепием. Мать лелеет малыша, угождает перед ним и во всем ему потакает. Что он ни попросит, материнское сердце тут же выполнит. Она лелеет своего малютку, обволакивает его морем ласки, сюсюкает. Отношения такой матери со своим чадом могут быть только чувственными. И, чтобы общаться с матерью, завладеть ее вниманием, ребенок будет пробуждать именно такие ее чувства. Поэтому сначала он будет просто просить то, чего ему захотелось, затем, возможно, будет добиваться этого капризами, истериками. Чем сильнее мать потакает прихотям, тем становится все более раболепной, служащей ребенку. По-другому она сначала не умеет, а потом уже и не хочет. И настолько при этом чувствует себя настоящей матерью, что даже не осознает неправды подобного образа общения с ребенком, ведь другого способа она не знает. В результате ребенок превращается в полного царька в доме.

Любой ребенок нуждается в родителе и хочет быть с ним едино. Поэтому он подсознательно ищет средство, которое принудит родителей заняться им. Только эта занятость будет разной. В одном случае — доброй, в другом — злой, в третьем — благочестивой, т.е. благословленной.

В ожидании ребенка: участие отца

Но вернемся к внутриутробному развитию. Мы говорили о том, как много для формирования ребенка значит желанный он или нежеланный. Нередко думают, что это относится только к материнскому желанию ребенка. Нет, не только! Влияние отца на развитие ребенка не меньшее, чем влияние матери. Отцовская и материнская души, вызвавшие в этот мир душу ребенка, не отчуждаются от нее после зачатия. Ребенок, формирующийся в утробе, продолжает быть в таинственном, незримом общении с душами отца и матери.

О том, что существует незримое общение душ, мы с вами знаем по очень простому примеру: если некоторое время пристально смотреть в затылок другого человека, то он поворачивается. Что это? Может, из глаз идут какие-то импульсы, и поэтому человек чувствует на затылке чужой взгляд? Нет. Через взгляд передается особое внимание, идущее от души к душе, это внимание слышится человеком, и он оборачивается.

Бывают случаи, когда мать, отправив ребенка куда-либо — в армию или оздоровительный лагерь, начинает вдруг тревожиться. А потом выясняется, что беспокоилась она не зря: в тот момент у ребенка были какие-то трудности.

Известны случаи, когда родители остро переживали момент гибели своего ребенка, каким-то неожиданным, навалившимся внутренним чувством горя, как бы "потерей себя". Дети знают свои сыновние чувства, когда скучают по родителям, и в этих переживаниях как эхо слышится и чувствуется ответная тревога их родителей. Известно много подобных случаев, и, наверное, каждый имел опыт такого общения душ, которое не знает ни преград, ни пределов.

Участие отца в становлении души ребенка чрезвычайно важно. Со стороны матери дитя приемлет жизненные силы вообще для любви к жизни, или жизнелюбия. Чем больше мать внимает становлению своего ребенка, тем больше жизнелюбия будет в нем на протяжении всей его последующей жизни. Со стороны же отца дитя получает способность к покрову — к покровительствующему, заботливому и участливому отношению к людям.

Если девочка не имела отца или же отец не обращал на нее внимания, будучи погруженным в собственную жизнь, вероятнее всего, она не будет иметь способности к заботе. Чертам ее характера будет свойственна холодность, равнодушие, черствость по отношению к другим. Образа заботы, идущего от отца, она не получила. Тем паче мальчик: если он не имел отцовского отношения к себе, то в дальнейшем не сможет быть ни покровом, ни главою семьи и не станет проявлять заботу о близких.

Мы знаем, что Господь, сотворив человека, определил главным в доме быть Адаму, т.е. свойства главы семьи даровал мужу. Каковы эти свойства? Муж и отец по отношению ко всем домочадцам должен быть точно таким же, как Господь по отношению к Своей Церкви. А Господь по отношению к Церкви есть Любовь, Покров, Защита. Защита от вражьих сил, от нападений, как внешних, так и внутренних. Внешних — неблагоприятных обстоятельств, демонических наваждений, нападений, а внутренних — брани страстей. Таким же образом и муж, отец в доме должен быть защитой как в телесном, душевном, так и в духовном. В телесном он буквально обеспечивает защиту от врагов, поэтому он — воин, защитник Родины, своего дома от всяких бандитов, воров. Он должен быть кормильцем семьи, т.е. приносить продукты и деньги в дом, пахать землю, выращивать скотину. Жена же должна приготовить пищу из того, что он принесет в дом. По душевным свойствам он должен быть покровом, хранить домашних своим сердечным отношением, милостью, терпением, участием в их жизни. Его обязанность — хранить в мире своих детей и супругу, спасти их от страстных переживаний, от душевных немощей, от капризов, упрямства, истерик. Пока полнокровный отец в доме, никто не может прийти в состояние каприза, обиды, плача, потому что он утешит, направит, благословит, подскажет. Он же и запретит, накажет и заставит. И никакая чувственность не будет иметь при нем силы. Если отец внимает ребенку еще в утробе, заботится о нем, то этим он укрепляет его. Любовь к ребенку будет сказываться и в его особом попечении о беременной своей супруге.

Образ отца в Священном Писании

Образ отца предстает перед нами со страниц Священного Писания. "Поразил Господь дитя, которое родила жена Урии Давиду, и оно заболело. И молился Давид Богу о младенце, и постился, и, уединившись, провел ночь, лежа на земле (2 Цар. 12, 15-16).

Иаир, увидев Его, падает к ногам Его и усиленно просит Его, говоря: "Дочь моя при смерти; прииди и возложи на нее руки, чтобы она выздоровела и осталась жива" (Мк. 5, 22-23).

"Господь положил закон в Израиле, который заповедал отцам нашим возвещать детям их, чтобы знал грядущий род, дети, которые родятся, и чтобы они в свое время возвещали своим детям, — возлагать надежду свою на Бога, и не забывать дел Божиих, и хранить заповеди Его" (Пс. 77, 5—7).

"Я избрал его (Авраама) для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя ходить путем Господним" (Быт. 18,19).

"Отец мой учил меня, и говорил мне: да удержит сердце твое слова мои; храни заповеди мои, и живи" (Притч. 4, 4).

"Кто любит сына, тот с детства наказывает его" (Притч.

13,25).

"Наказывай сына своего, доколе есть надежда" (Притч. 19, 18).

"Наказывай сына твоего, и он даст тебе покой и доставит радость душе твоей" (Притч. 29, 17).

"Есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?" (Евр.

12,7).

"Если же кто о своих, и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного" (1 Тим. 5, 8).

"Что слышали мы и узнали, и отцы наши рассказали нам, не скроем от детей их, возвещая роду грядущему славу Божию и силу Его, и чудеса Его, которые Он сотворил" (Пс. 77, 3-4).

"Положите сии слова Мои в сердце ваше и в душу вашу.., и учите им сыновей своих.., дабы столько же много было дней ваших... я предлагаю вам благословение, если послушаете заповедей Господа, Бога вашего..." (Втор. II; 18,21, 27).

Во всех приведенных словах перед нами встает образ мужа, отца, образ главы дома своего. Отцовская любовь и забота — основа становления у ребенка будущего отцовства и материнства

Что же сегодня может проявить отец к своему ребенку? Каким же должен быть современный отец по отношению к своему сыну или дочери? Какие душевные качества необходимо ему проявлять?

Минимальное — это внимание к ребенку, память о нем. Больше — это сердечное отношение: размышление о ребенке, сердечное чувствование, участие в нем, где бы отец ни находился — на работе ли, с друзьями, близко ли, далеко ли, — это не имеет значения. Наконец, самое глубокое

— это молитвенное памятование о ребенке, когда родитель обращается к Богу. Отсутствие такового попечения приводит к угасанию некоторых душевных проявлений у ребенка.

Там, где отца в доме нет или он присутствует номинально, а его отцовского внимания к ребенку нет, девочка, подрастая, правильного отношения к мальчику, юноше, мужчине не приобретает. В детстве такие девочки иногда дерутся с мальчиками, задевают их. Вырастая, такие девушки, к сожалению, не могут построить правильных отношений с мужчинами. Они либо предъявляют претензии мужчинам и по этой причине ссорятся с ними, либо боятся их: "не умею общаться, не знаю, как отвечать". Их сковывают внутренний страх и боязнь. Общение с мужчинами для некоторых девушек, выросших без отца, становится тяжелым испытанием. Когда такая девушка выходит замуж и муж становится близким человеком, эта боязнь снимается, но настоящие человеческие чувства могут так и не появиться. Такие женщины могут до конца своих дней так и не узнать внутренней природы души своих мужей. Из этого скедует, что их женская природа не реализовалась, ибо подлинно женская природа непременно обращается к мужской и узнает ее. Подобные по проявлению отношения к противоположному полу приходится наблюдать и у мальчиков, недополучивших правильного отцовского воспитания.

К сожалению, мы видим, что значительная часть населения, вступающего сегодня в брачные отношения, пребывает в состоянии, когда в должной степени не познается ни мужская природа, ни женская. Большинство принимает страстную природу отношений за мужскую и женскую, полагая, что блудная страсть в женщине — женская природа, а в мужчине — мужская. Это неправильно. Тайна мужской и женской природы лежит во внутриутробном благословении родителей будущему ребенку и оттуда открывается в великодушии и покрове отцовства в мужчине и в благодарности и кротости материнства в женщине.

Кто питает детскую душу?

Если так много требуется ребенку от отца, что же должна проявлять в отношении к нему мать?

Материнское внимание дает ребенку жизнелюбие и жизнеспособность. Очень важно, чтобы мать постоянно памятовала о своем малыше размышлением и молитвой к Богу, содержала его в своем чувстве, будучи сама исполнена благодарности Богу за него. Такое общение матери с младенцем и младенца через мать с Богом имеет большое значение. В этом случае душа материнская питает детскую душу. Жизнеспособность такого ребенка намного больше, порой даже на несколько порядков, по сравнению с теми детьми, которые не имели такого, в Боге благословленного, материнского общения с ними. Из этого общения матери с чадом берет свой исток материнская молитва. Эту тайну молитвенного единения с ребенком знают церковные люди.

Молитвенное единение составляет живую Церковь, единство Церкви. Молитвенное единение матери со своим малышом позволяет им быть малою семейною Церковью. Может возникнуть вопрос: разве может молиться Богу сам ребенок? Да, может. Многие матери знают, как во время Богослужения малыш по-особому затихает в утробе, как радуется он, играет, после того, как мать получит разрешение грехов на Исповеди или когда подходит к Чаше. Чрезвычайные случаи духовной живости детей мы знаем на примере Предтечи Господня Иоанна, который разыграл в утробе навстречу своему Господу. Или другой пример — с преподобным Сергием Радонежским, когда он трижды вскричал из утробы во время Богослужения, после чего мать его Мария возблагодарила Бога за ниспосланное благословение на ее младенца.

Минимальное, что может духовно соединить ребенка в утробе с его матерью, — это осознание ею, что дух, вложенный в дитя Богом, имеет всегда совершающееся Божье благословение.

Сверх того, Господь благословляет ребенка непосредственно по молитве, по прошению матери. Небесная Церковь, святые угодники общаются с душою ребенка своим таинственным духовным общением тоже по призыву родителей — отца и матери. Одно дело, когда родители сами обращаются к Богу за своего ребенка, другое — когда они призывают Небесную Церковь, по молитвам которой низводится благодать Божия, которая непосредственно укрепляет дитя.

Узнает ли Христа душа внутриутробного младенца?

Если мать исповедуется, причащается, она вместе с малышом воцерковляется, сама обретаясь и его обретая во Христе. Это освящение, совершающееся прежде, чем ребенок крестился, имеет большое значение. Нередко думают: если ребенок не крещен, а мать при этом причащается, то спасительная благодать малыша не касается. Некоторые полагают, что только одно крещение открывает действие спасительной благодати на человека, и поэтому не знают, нужно ли молиться за некрещеного младенца. Некоторые сомневаются в том, что материнское причащение имеет большое значение для малыша, находящегося в материнской утробе.

Если бы все эти сомнения были верными, не было бы целого Богослужения за и для некрещеных — Литургии оглашенных, не было бы в ней молитвы верных об оглашенных, и днями Великого Поста Церковь не молилась бы о готовящихся к просвещению (т.е. Крещению). Но так как все это есть, то приведенные сомнения здесь происходят от незнания церковной жизни или от досужих вымыслов.

Давайте возьмем самый простой пример. Если человек выпьет таблетку яда, не подозревая, что это яд, произойдет ли отравление? Да, по причине действия самого яда. Если материальное, вещественное по своему свойству так действует на человека, несмотря на сознание безвредности принимаемого им, то неужели Причастие не имеет силы действовать? Что он принимает? Известны случаи, когда люди по недоразумению принимали Причастие, будучи некрещеными, и последующий ход их жизни показывал, что это имело для них решающее значение.

Природа человеческого духа и природа Бога сродны, и по этой сродности человек в Причастии неизбежно будет преображаться, будет причащаться Божества. Если мы, взрослые, это не всегда ощущаем глубоко и явственно, значит, дух наш не открыт в своей сродности природе Бога. Он схвачен узами (самоугодия, мира и дьявола) и закреплен в этой схваченности нашей волей, а значит, нашим согласием с таким положением дел. Отсюда по разности природы нашего духа и благодати Божией не происходит нашего причастия к Преображению, к славе Бога в нас.

Но не всегда так обстоит дело с младенцем. Во-первых, никому из родителей неизвестно духовное дарование младенца, а значит, они не знают меры свободы его духа и соответственно его соприродности Богу. Жития святых, при всей видимости ряда закономерностей, все же явно показывают нам полную непредсказуемость духовных дарований рождающихся детей.

Внутриутробное развитие ребенка — это время особой живости духа, которое распространяется на внутреннее формирование ребенка, так как из трех составов — тела, души и духа — именно дух имеет наибольшую полноту внутреннего действия. Тело еще только формируется под влиянием души, и душа, хотя и имеет резерв сил и образа для управления телесным развитием, в своих отношениях с миром, ближними и Богом нуждается в научении и воспитании и пребывает еще в самом зачаточном образе. По причине ли греха это происходит или по причине вложенной Богом способности к развитию, мы не знаем. Дух же ребенка таинственным и непостижимым для нас образом содержит в себе и сам вовлекается в невидимое нам Таинство — рождение дитяти, направляя и душу в ее действия, и тело в его образовании. При этом нелепо будет полагать, что в этом Таинстве, может быть, самом глубоком из всех явлений естественной природы Господь оставляет дух ребенка на самопроизвольное существование или отдает его во влияние родителей, Сам никак в нем не участвуя. Слишком велико и слишком значительно происходящее в утробе.

"Мы не даем названия "человек" отдельно душе или телу, — говорит св. Григорий Палама, — но тому и другому одновременно, ибо весь человек был создан по образу Божию". Владимир Лосский считает: "Люди (по учению св. Григория Паламы) обладают большей полнотой бытия, чем ангелы, именно по причине своей телесности: человеческий разум (дух человека) — это животворная сила, пронизывающая тело, как Божественные энергии, которыми Бог пронизывает все, поэтому люди — более совершенный образ Бога. Тело человека, если оно пребывает в согласии с душой, должно быть способно к "духовным расположениям". "Если тело, — говорит св. Григорий Палама, — призвано вместе с душой участвовать в неизреченных благах будущего века, оно, несомненно, должно быть причастно им в меру возможного уже и теперь... ибо и у тела есть

опытное постижение вещей божественных, когда душевные силы не умерщвлены, но преображены и освящены".

Эти слова "уже" и "теперь", несомненно, относятся к любому периоду пребывания человека на земле, и тело ребенка в утробе матери развивается правильно до той поры, пока оно открыто к духовным расположениям, идущим через душу от духа дитяти. Нарушение этого богоустановленного хода развития возможно не иначе, как через осквернение и поражение тела и души ребенка родительскими грехами.

Если мать причащается Тела и Крови Христовой, действие Духа Божия и благодати Христа в Причастии не может не касаться души и духа ребенка. Освящая и преображая мать, Христос не может оставить безучастным дитя, с которым мать составляет единое тело. Дитя непременно освящается, очищается от скверны греха, исполняется сил в собственном духе. Дух ребенка образует и направляет и его душу, и его тело. Опыт Церкви показывает неизбежность благодатного действия материнского Причастия на развитие ребенка.

К этому добавим, что Промысел Божий, сугубо совершающийся над младенцем в крещении, начинается не с крещения, а с приготовления к этому таинству в зачатии и рождении. Для человека, верующего в Бога Вседержителя, естественно считать, что действие Духа Божия в отношении ребенка начинается еще во внутриутробном состоянии посредством причащения матери.

Обратите внимание на то, что происходит в душе человеческой. Как бы ни была она подавлена и искажена, извращена грехом, она все же остается личностью. Человеческий Дух имеет личные свойства, личное отношение к своему Богу. Неужели

Господь эту душу, Им возлюбленную, не признает, войдя в тело матери? Конечно же, признает. Неужели между ними не произойдет общения? Конечно же, произойдет. Неужели это общение как-то не скажется на жизни человека? Скажется.

Другое дело, что сам человек своей свободной волей или сочетается с Богом и возрастает в совершенного человека, или сочетается со грехом и отпадает от Бога. Но момент Причастия имеет особое значение, поэтому, когда мать причащается в период внутриутробного развития младенца — это имеет прямое отношение к нему.

Значение для младенца причащения отца

Имеет ли значение для младенца причащение отца? Оказывается, да. Ведь посредством Причастия отец становится церковным, т.е. духом обретается едино с матерью, а своей любовью и участием вовлекает дитя в Богообщение, и ребенок не может не услышать этого.

Апостол Павел говорит, что через верующего супруга освящается неверующий. Это освящение происходит именно благодаря душевному общению и участию в ближнем, любовь освящает и преображает. Тем паче отцовская любовь к своему чаду освящает ребенка. Что значит: любовь освящает и преображает ближнего? Например, ближний закапризничал или разгневался, а другой с любовью заговорил с ним и утешил. Слова ли имели значение, которые он при этом говорил? Да, они тоже имели значение, но больше, чем слова, подействовали его отношение, любовь, участие в ближнем. Глядишь, каприза как и не бывало, гнев вдруг растворился, а ближний облегченно вздохнул и почувствовал, что теперь ему как-то свободно дышится, и от этого стал радостным. Даже не верится, что минуту назад он был подавлен, капризен, а вот поговорили с ним по любви, освятили его любовью, и он преобразился, смягчилось лицо, высохли слезы, утешилась душа и появилось чувство радости. Радость приходит тогда, когда душа обретает свободу, поэтому любовь, проявляющаяся в участии, всегда освящает и всегда преображает, в этом ее сила, которая реально действует на душу другого человека. Поэтому, даже если ребенок еще не родился, а отец любит его, он тем уже благословляет своего будущего младенца. Эту тайну знают как благочестивые, церковные семьи, так и семьи нецерковные, неверующие, но имеющие добрых, хороших отца и мать. Во втором случае благословение совершается нравственным чувством родителей, которое по силе своей слабее, чем благодатно-духовное благословение.

Итак, дух ребенка питается от Бога благословением Господним, которое призывают и получают родители в Таинствах. Эти Таинства касаются и дитя. Душа ребенка питается родительским обращением к нему и благодатным освящением со стороны духа ребенка, ибо дух благодатно освящает душу и обретает ее в добро делание по отношению к телу. Тело ребенка питается от материнского тела, получает необходимые питательные вещества, и от облагодатствованной души, облекающей тело и направляющей его развитие, и от духа — просвещающего и направляющего душу и тело.

Чем страшны нераскаянные грехи рода?

К. сожалению, в сегодняшней жизни развитие ребенка не всегда происходит так ровно. Чем более нераскаянных грехов накапливается в роду, в предыдущих поколениях (в душах родителей, бабушек, прабабушек, дедушек, прадедушек), тем больший груз несет ребенок. Этот груз

повреждает душу, сковывает дух и посредством этого неизбежно несет разрушительное воздействие на душевное и телесное развитие младенца.

Каким должно быть питание будущей матери?

Немного задержимся на телесном питании матери, которое имеет немалое значение. Оно должно быть сбалансированным, регулярным, равномерным. Что это значит? Матери нужно питаться полноценным набором продуктов, ибо тело имеет определенный состав; если чего-то в этом составе недостает, то выстроить тело просто невозможно, поэтому должны быть все минеральные вещества, витамины и весь набор белков, жиров и углеводов. Равномерное — значит сбалансированное по распределению продуктов, которые вкушает мать. Если питание неравномерное, то в организме нередко происходит взрыв, а значит удар по младенцу. Например, мать в какой-то момент захотела соленого и наелась огурцов, у ребенка на это могут быть две реакции: в одном случае он после рождения будет любить соленое (именно огурцы), его постоянно будет к ним тянуть, в другом же случае, когда у матери произойдет интоксикация, у него возникнет отвращение к огурцам. После рождения дитя долго не сможет есть огурцы, и лишь, может быть, к восьми-девяти годам постепенно привыкнет. Или, бывает, мать хвастается: "Мой ребенок так любит селедку! А знаете почему? Я пока его носила с утра до вечера ела одну селедку, меня прямо так тянуло на селедку, я так любила ее!". Ну и что? Надо было воздерживаться и получать равномерное питание. Вместо этого мать устроила перекося в еде, и потому, естественно, ребенок селедку поглощает в большом количестве, а другие продукты есть не хочет.

Ритм питания должен быть достаточно ровным, в том числе при соблюдении постных дней. Не должно быть такого, что сейчас мать наелась, а потом ходит голодная. При таком питании в крови возникает то прилив, то дефицит веществ, и получается, что организм старается успеть усвоить эти вещества, использовать их для своего развития. Организм ребенка постоянно строится, он нуждается в равномерном и регулярном притоке нужных веществ, а вместо этого — сбои, как на худой стройке: то простой, то избыток кирпичей. В дни постные может измениться состав пищи, но должно сохраниться равномерное употребление ее.

Известно, что в наше время в некоторых роддомах 100% детей рождаются больными, в других — до 90%, в среднем же по стране — 80—85 %. Среди них очень много детей с сильными повреждениями организма вплоть до уродства. Например, много детей сейчас рождается с повреждением мозга, поврежденными конечностями, недоразвитыми или вообще отсутствующими органами — одна почка есть, другой нет или вместо нее — маленький комочек, неспособный быть органом. И, судя по всему, это все будет усиливаться, в некоторой степени, по причине ненормального, несбалансированного питания. Если взрослые еще как-то справляются с плохой пищей, то детский нежный организм, особенно в утробе, уже не может справиться, очень чутко реагирует на всякое ненормальное питание и сильно повреждается. Поэтому мужья

обязаны в это время обеспечивать своим женам, будущим мамам, хорошее, доброкачественное питание.

На Руси раньше питание было, естественно, качественное, и дети рождались крепкие и здоровые. Иногда приходится слышать: "Мы люди верующие, благословились, и Господним благословением дитя у нас будет крепкое и здоровое". Конечно, благословение Господне есть, но Божия благодать кашу, которую ты ешь с утра до вечера, не превратит в витамины, а витамины не превратит в минералы, потому что для совершения этих процессов Господь вложил в тело биологические и биохимические законы, а человеку положил самому потрудиться. Нужно самому пойти, добыть эту минеральную соль и дать ее женщине в пищу, ибо, если ты чего-то не добавишь ребенку, то у него может сформироваться, например, ослабленный костный скелет. Поэтому такая неразумная ссылка на благодать Божию — это потакание своей лени, беспечности, нерадению, оправдание нежелания трудиться, добывать и радеть о правильном телесном развитии младенца.

Беременность и пост

Однако, кроме телесного развития, намного важнее для всей последующей жизни воспитание тела, т.е. подчинение его душевным настроениям и потребностям, чтобы не тело владело душою, а наоборот. Становление правильных отношений тела к душе и духу и есть воспитание тела. Оно не может обойтись без церковного уклада жизни матери. Воздержание в пище, соблюдение матерью постов в среду и пятницу, многодневных постов, с одной стороны, прямо влияет на душу и тело ребенка, приучая его к воздержанию, с другой (по вере в Бога, ради Которого совершается пост) — оно привлекает к матери и к ребенку благодать Божию. Часто для новоначальных родителей телесное развитие ребенка кажется намного важнее воспитания его души, отсюда рождается волнение, страх перед необходимостью соблюдать посты. Страхи эти происходят по скудости опыта и по незнанию дела. При выдерживании однодневных постов какого-либо повреждения организму матери быть не может (а тем более ребенка), но приобретает навык умеренного питания. Все необходимое организм ребенка берет из материнского. При этом резервные возможности тела матери достаточны, чтобы питать младенца в нужную ему меру несколько дней подряд, не говоря уже об одном дне, тем более что перед и после постного дня идут дни полного питания.

А для чего поститься папе?

Приобретение умеренности в пище и отложение разгорячающих продуктов (мясного, молочного, яиц) угашают страстные движения, сближают тело ребенка с душою и высвобождают в нем силы Богодарованного стремления к духовному расположению. Еще в большей мере восстановление

Богодарованной природы человека совершается в многодневные посты. Пост матери и отца, который исполняется ими не только в соблюдении состава пищи, но, особенно, в воздержании от "любострастных стремлений" (зрелищ, праздного отдыха, пересудов, ссор, телесной близости, многозаботности, рассеянности и др.), является важнейшим условием благодатного освящения младенца в утробе. Тем более, если родители исповедуются и получают прощение грехов, соборуются, причащаются — как много невидимо снимается с младенца родительского греховного груза, как выравнивается, восстанавливается Богодарованный порядок его развития в утробе, как изглаживается из детской души все, разделяющее его тело, душу и дух, все, повреждающее ход и механизмы формирования его тела.

Когда пост для тела вреден

В то же время часто бывает, что мать в какой-то период беременности переживает сильную потребность в мясном или молочном питании, или начинается физическая слабость, или идет интоксикация организма. В этих случаях нет никакой нужды мучить себя. Нужно пойти к священнику, духовному наставнику и попросить благословения вкушать молочное в субботу и воскресенье. Если при таком послаблении поста все названные симптомы остаются, попросить вкушать молочное еще и во вторник, четверг. От мясного и яиц лучше отказаться на все время поста. Рыбу и постное масло можно вкушать, воздерживаясь только в среду и пятницу. Все сказанное не возбраняет матери нести пост по всей строгости, если она уже не второй и не третий год в Церкви, если даются силы потерпеть, если выдерживание телесного поста не ведет к нарушению поста душевного (нравственного) и духовного.

Безнравственность родителей и "трудные" дети

Вернемся к душевному развитию ребенка. Как доброе расположение к малышу оказывает благотворное на него влияние, так и различные ненормальности в душевном настроении родителей сильно его повреждают.

"Есть непостижимая для нас связь души родителей с душами детей, — пишет св. Феофан Затворник, — и мы не можем определить, до какой степени простирается влияние первых на последних; и вместе до какой степени при заразительном влиянии первых простирается милосердие и снисхождение Божие к последним. Бывает, что оно прекращается, и тогда заготовленные причины приносят свой плод. Потому дух веры и благочестия родителей должно почитать могущественнейшим средством к сохранению, воспитанию и укреплению благодатной жизни в детях".

Подобным же образом дух неверия и безнравие родителей отражаются на ребенке. Новорожденный младенец уже несет в себе от родителей греховное начало. Как Богодарованное в нем, так и греховное равно ищут в родительских настроениях образ, запечатлевая который то и другое получает свое развитие, закрепляется в ребенке, обретает силу. Вне этого запечатлевания внутренние силы детской души не скоро получают свое развитие, слабые резервы как добра, так и

зла, лукавства могут вообще не проявиться ни в детстве, ни в юности и постепенно поднимутся и явятся лишь к зрелым годам. Независимо от примера родителей в ребенке могут развиваться только сильные стороны как Богодарованного, так и противного Богу характера.

Внутриутробное развитие — это время приобретения такого резерва, частью от Бога, частью от родителей. То, что от Бога, присутствует в душе младенца неведомым нам образом, да и то, что от родителей, тоже вкладывается в душу преимущественно бессознательно. Одно только при этом нужно заметить: дурное вырастает легче и быстрее. Доброе требует сугубого труда, внимания и поддержки.

Нравственный характер в душе всякого ребенка находится в зачаточном виде и приобретает в зрелый образ только через пример нравственных действий взрослых. Поэтому душа ребенка нуждается в этом образе, она обращена к родителям.

Ребенок имеет расположение к принятию образа всякого действия, образа чувства, мысли, поступка. Это расположение имеет начальный духовный или душевный характер. Чтобы образоваться и получить возможность исполнения, необходим реальный пример, который ребенок или услышит, или увидит, или почувствует. Если этого образа-примера ему не передать, то дитя может никогда не узнать о том, что такое, например, милость или что такое жалость.

Где ребенку брать пример смирения

Например, для иного человека непостижимо, что такое смирение, так как это явление духовного порядка. Если побыть со смиренным человеком и пережить смирение в непосредственном, живом общении с ним, то это и будет тот самый образ смирения, в который душа войдет и приобретет определенные навыки. Образы духовного порядка Господь подает непосредственно благодатным касанием через людей, несущих в себе этот образ. Все, что родители переживают, является тем образом, обретая который они, в конечном итоге, сами научают своих детей общаться в отношениях реального мира.

Поскольку дитя, имея дух, душу и тело, приходит в этот мир, то оно, конечно же, нуждается в том, чтобы обрести образ обращения в нем. Ребенок за этим образом внутренне всегда тянется к родителям. Что родитель переживает, то ребенок и запечатлевает, поэтому нрав родительский сильно сказывается на нраве ребенка. Характер — явление более глубокое, он присущ ребенку уже с рождения, а вот нрав приобретается по мере запечатлений от родителей. Соответственно в ребенке может запечатлеться и укрепиться или падшая, или Богодарованная часть души.

Естественно, если родитель пребывает в падшем, чувственном нраве, то в ребенке запечатлевается и живет падшая натура. Если же родительская душа пребывает в благообразном,

добром, нравственном строе, то дитя запечатлеет нравственную сторону души. Так как общение родителей с младенцем происходит уже внутриутробно, то его потребность в отце или матери, воспринимая их строй жизни, запечатлевает и обращение ко Христу в Таинствах, в молитве. Тогда отклик ребенка на такое родительское обращение будет соответствовать его Богодарованной природе.

Но что чаще всего происходит вместо этого?

Например, мать пьющая. В то же время она любит свое дитя и нежно лелеет его. Младенец родился по своим дарованиям нравственным. Пример матери, ее пьянство, нравственное дарование в малыше не приемлет, т.е. ребенок по природе своего нравственного характера свою пьющую мать не запечатлеет. Но мать в то же время обращается к ребенку, и тогда дитя, не принимая пьющей матери по своему нраву, откликается к ней жалостью, оправданием или милостью. В этом случае рождается дитя, в котором жалость к ближним становится ведущим свойством.

Другой случай: мать пьющая, любящая дитя, а ребенок по своему характеру своенравный, злой. Такую мать он не приемлет и поэтому на нее злится. Когда мать обращается к малышу, он, не принимая ее пьющую, в ответ на ее лелеющее отношение отвечает злобой, раздражением. В утробе это выражается тем, что он начинает сильно стучать ножками, бить ручками, ворочаться. Родившись, такой ребенок будет относиться ко всякой немощи жестоко. Мать, которая и лелеет, и пьет — немощная мать. Отношение ребенка к ней будет жестокое. Он будет жесток и к матери, и ко всем людям, которые в чем-либо немощны, т.е. любая немощь будет вызывать в нем ожесточение, потому что он так откликался, так отвечал, такой образ запечатлел уже в утробе.

Существует много подобных отношений, которые еще в утробе формируют нрав ребенка. Неудивительно, что малыш, родившись, уже проявляет себя. Один начинает драться, так и норовит стукнуть или же потянуть маму за волосы, и не просто так, а причиняя ей боль, другой — наоборот, кроткий и участливый, любящий, третий — спокойно созерцающий.

Известно, что дети в возрасте до пяти лет усваивают 95% всей необходимой для жизни информации. Часть усвоенного приходится на внутриутробное запечатление и формирование.

Асфиксия любви

Дитя, будучи душевным, нуждается в тепле и любви, а если этого не получает, то в физиологическом процессе развития начинаются сбои. В одном случае это сказывается на обменных процессах дыхания, и ребенок начинает физически задыхаться, хотя его и питает материнская кровь. Мать дышит нормально и кислорода в крови достаточно, но тем не менее по причине недостатка любви малыш начинает физически задыхаться. Из-за этого он начинает ворочаться и в крайних случаях обвивается своей пуповиной. Начинается кислородное голодание.

Младенец пытается вызвать к себе внимание и делает это душевно. Но обычно нелюбящие люди черствы, они не слышат те тонкие движения детской души. И тогда, не дозвавшись душой (кричать ведь он еще не может), младенец начинает домогаться внимания телесно. Он упирается ножками, кулачками, ворочается, обматывается пуповиной, задыхается, переворачивается... В результате такого волнения ребенок рождается в предсмертном состоянии, с глубокой асфиксией, что сразу сказывается на развитии мозга. Недостаток кислорода дает недоразвитие мозга, недостаток родительской любви в конечном итоге может привести к кризису детской души. Это может сказаться в том, что ребенок настолько отчаивается, что совесть в нем закрывается, его отчаяние запечатывает, заглушает совесть. Дети с асфиксией обычно имеют те или иные физиологические дефекты и почти всегда какие-либо психологические затруднения.

Около двух третей из них имеют запечатанную совесть. В чем это выражается? В склонности к преступлениям, в различных проявлениях самоугождения, самохотений, которые они реализуют, не считаясь ни с кем.

Детское воровство — следствие родительского равнодушия

Сейчас много детей имеют непреодолимое влечение к воровству. Почти все эти дети либо рождены с асфиксией, либо пережили какую-нибудь родовую травму. Клептомания — это болезнь, очень трудно излечимая и устойчиво сохраняющаяся порой до тридцати лет. При этом взывание к совести отклика не даст, совесть запечатана. Возникает впечатление, что эти дети — бессовестные, они не слышат вашего переживания, не знают вашего горя. Украд, они не переживают за другого человека.*

Иной случай: ребенок крайне непослушлив, постоянно живет чем-то своим, отклика на взрослого нет. Здесь тоже совесть заглушена. Отсутствие отклика на взрослого, игнориро-

* Проблема детского воровства — сложная, отдельная тема, требующая подробного рассмотрения. Как правило, дети воруют, подсознательно желая компенсировать какую-то душевную недостаточность. Переживание радости оттого, что игнорирование его слов, их неприятие, непослушность — тоже признаки запечатанной совести.

Оттаивание совести

Восстановление или оттаивание совести — дело очень сложное, которое порой затягивается на многие десятки лет, требует величайшего терпения со стороны родителей и всех окружающих людей. Только особой любовью, возмещающей в детях дефицит любви, эта печать совести растапливается иногда к сорока, а иногда даже к пятидесяти годам. Но это может произойти лишь при постоянном участии кого-либо: мужа или жены, детей или престарелой матери, которая остается со своим повзрослевшим сорокалетним сыном. Если же рядом никого не будет, то он, с

запечатанной совестью, станет преступником. Согласно статистике, дети, рожденные с асфиксией или родовой травмой, составляют до 70% преступного мира.

Внутриутробное развитие имеет огромное значение. Это тайна многосложного бытия, и пребывать в ней нужно с благоговением и страхом Божиим.

Ну, а если ничего этого не было у уже родившихся детей? Возможно ли что-нибудь поправить?

В Церкви все возможно, потому что освящающая сила любви настолько велика, что в мире нет ничего выше этого. Трудов, конечно же, придется положить много, но любящий не пожалеет на это никаких сил.

"у меня наконец-то есть то, что по праву должно мне принадлежать" (если украсть удалось), сводит на нет все педагогические попытки объяснить ребенку, что "воровать нехорошо". Таким образом, проблема детского воровства в нравственной психологии и педагогике вполне правомочно сводится к проблеме недостатка любви и душевного внимания со стороны родителей в первые годы жизни, начиная с внутриутробного развития (Прим. ред.).

Роды

Анализ многих печальных случаев болезненного состояния детей, особенно телесного и душевного, привел исследователей к исходной точке — к моменту рождения ребенка. Оказалось, что этот небольшой отрезок времени, когда совершается выход дитяти из утробы матери на свет, имеет в отдельных случаях почти катастрофические последствия для всей его дальнейшей жизни.

Родовая травма

Сегодня у всех на слуху выражение "родовая травма". В последнее время оно стало применяться очень часто. Даже в тех родильных домах, где довольно хорошее современное оборудование по вспоможению в родах, фиксируются родовые травмы. В чем же причина? Почему так возросло число родовых травм в последнее время? Ответ на этот вопрос придет сам собой, если мы обратим внимание на условия, в которых происходят роды — в любви или в холодности, в

отвержении дитяти. При этом многое зависит от того, в каком состоянии пребывают мать и отец по отношению к малышу.

Рассмотрим самый крайний случай — отвержение рождающегося младенца. Когда это происходит? Если женщина рождает впервые, она боится болей. Страх перед болями, а потом непосредственное их переживание порождают в женщине глубокую занятость собою. Мать совершенно забывает о своем ребенке. Боли бывают настолько сильные, что женщина полностью поглощается ими. При этом внутренний страх подсознательно отторгает младенца как виновника, причину ее страданий. Чем сильнее страх, тем тяжелее роды. Возникает прямая связь между нелюбовью, отвержением малыша и умножением боли.

Если взять статистику, то процент родовых травм в целом по стране сильно возрос. И дело здесь не столько в том, кто принимает роды и как принимает, а сколько в том, кто рождает.

Родовая травма возникает часто не по причине внешних действий, которые приходится применять при рождении того или иного ребенка, а по причине крайней неподготовленности, глубоко неправильных настроений матери и полного отсутствия или очень слабого участия отца.

Почему мама не хочет терпеть боль?

Начнем с того, как дитя проходит через родовой канал. Физиологически — это некий мышечный коридор, и со стороны матери при этом может быть или вспоможение, или препятствие, или неучастие в ребенке. Немало матерей, которые, рожая первый раз, боятся родовых болей и мучений, наслышавшись или начитавшись о них. В этом случае само предродовое состояние тревожное, и мышечный тонус крайне напряжен, поэтому, когда начинаются роды, схватки, женщина, пребывая в испуге, может совершенно забыть о рождающемся младенце. Она переживает роды, будучи озабочена только собой, собственными болями и муками. В этом случае чаще всего таким испугом она усугубляет напряжение мускулов, родовой канал противится движущемуся по нему ребенку. Несмотря на то, что подсознание матери, подающее импульсы, обеспечивает физиологически сами роды, сознательная часть и испуганная сторона души начинают препятствовать им. Наступают внутренний конфликт и фактически борьба с ребенком, причиняющим боль. Из-за этого ребенок переживает сильнейший стресс: душевный и физический. Физический затем сказывается на его физическом здоровье, душевный — на психологическом.

Родовые травмы бывают самые различные: растяжения мышц в области шеи, в области спины, иногда происходят вывихи, что может закончиться какими-либо повреждениями мозга, которые, вдобавок, могут сопровождаться психическими отклонениями.

Продолжительные роды

Очень важный момент — продолжительность родов. Часто бывает, что родовой канал сильно сопротивляется, ребенок никак не может родиться, роды не могут произойти довольно долго. В результате младенец задыхается: недостаток крови, поступающей из организма матери, отсутствие внешнего дыхания, к которому он уже подготовлен, приводят к глубокой асфиксии. Дети рождаются синие, т.е. пережившие глубокий недостаток кислорода. Подобное часто встречается и у тех матерей, которые постоянно заботятся о себе, а не о ребенке. Удушье детей наступает задолго до родов, уже в утробе матери они начинают переживать разную степень кислородного голодания. Это может произойти или по причине пережимания пуповины, через которую происходит снабжение кровью ребенка, или по причине сдавливающих действий и различных конвульсий, которые могут совершаться со стороны матери, или же по причине нагрузок. Мать, совершенно забыв о малыше и перестав о нем заботиться, может прыгать, поднимать какие-то тяжести и тем самым наносить ему различные внешние физические повреждения. В результате дитя оказывается в физиологически крайне неблагоприятном положении.

Другой важный момент — отсутствие внимания к ребенку сильно сказывается на его душевном состоянии. Он начинает шевелиться, напоминать о себе. Но, несмотря на это, он может остаться вне внимания матери или же будет получать в ответ материнскую тревогу, возбуждение или раздражение. Ему становится неуютно, он начинает переворачиваться и в конечном итоге обвивается пуповиной. Совсем крайний случай — когда дитя переворачивается и идет вместо головы ножками вперед. Все это осложняет роды, причиняет дополнительную боль самой матери. В результате состояние новорожденного часто бывает крайне тяжелым. Дети рождаются в предсмертных агониях, нередки и смертельные случаи. Эта внутренняя борьба иногда убивает младенца еще в утробе. Рождается мертвый ребенок, хотя день-два назад он был жив, прослушивался пульс. При анализе выясняется, что умер он не во время, а накануне родов.

Когда нужно готовиться к ношению ребенка и родам?

Неправильное питание, неправильная физическая подготовка матери сильно влияют на физиологическое состояние во время родов. Мать, имеющая закаленный организм (закаленный — значит приспособленный к самым различным некомфортным условиям, неудобствам,

нагрузкам), конечно же, роды переживает физически намного проще, потому что она привыкла к разным внешним невзгодам, может потерпеть боль, отсутствие комфорта. Если говорить о женщинах прошлых веков, то рождение в поле между работой было обычным делом, настолько они были здоровыми и крепкими. Женщины могли физически трудиться до самих родов, и, несмотря на это, ребенок рождался здоровым. Мышечная система материнского живота вполне могла надежно хранить внутри его дитя в достаточно благоприятных условиях. Напряженность внешних мышц, совершающих работу, никак не сказывалась на мягкости внутренних, облегающих само дитя.

Сегодняшняя же мать физически совершенно не подготовлена. Эта неготовность дает расслабленное телесное состояние, не может защитить младенца, и всякое внешнее напряжение становится напряжением всех ее мышц — и внешних, и внутренних. Всякое усилие, которое она переживает снаружи, передается во все ее внутреннее, она неспособна удержать физическое усилие только на внешнем слое мышц. Внешнее тут же передается внутреннему.

Боксер переносит сильнейшие удары в живот, но внутренние органы не отбиваются. Почему? Потому что внешняя стенка живота имеет достаточную силу и мощь, чтобы удержать этот удар снаружи, не передать его внутрь. Что происходит у человека нетренированного? От удара все органы моментально получают повреждение, потому что удар будет передан им через рыхлые мышечные стенки живота. Любого нетренированного человека можно поразить одним толчком в грудь или живот, в то время, когда тренированный даже на сильный удар не отреагирует, ничего кроме резонанса внешней стенки не произойдет.

Так и женщина, которая крепка, сильна в работе, имеет внешнюю огражденность всего внутреннего, поэтому ношение ребенка и роды переносит легче.

Эгоизм матери во время родов

Там, где мать не внимает малышу, а больше занята собою и боится родовых мук, дитя во время родов часто оказывается просто брошенным матерью, т.е. его состояние можно сравнить с состоянием человека, вверженного в тьму кромешную.

Неудивительно, что часть детей умирает при родах или рождается в предсмертной агонии. Большинство людей во время родов испытывают огромную внутреннюю физическую муку. Причем взрослые люди, достигшие сорока, пятидесяти лет, бессознательно обращаясь к этим воспоминаниям, затем заявляют, что за всю свою жизнь не переживали подобных физических мучений, таких мук, которые пришлось им испытать во время родов. У какой-то части больных

возникает просто катастрофическое чувство совершенной брошенности, ввержения во тьму, причем во тьму крайне угрожающую и холодную в душевном смысле.

Отсюда становится понятным, почему многие дети после рождения страдают трусостью, боязнью остаться в одиночестве, сильной привязанностью к матери. Дети после таких родов не отпускают от себя мать ни на минуту, минутный выход матери в другую комнату переживается ребенком как катастрофа. Он тут же начинает плакать и цепляться за мать. Многие дети не могут из-за этого спуститься на пол, просясь на руки. Они не отпускают матери, ищут постоянного единения с ней. Из-за этого многие дети требуют от матери, чтобы она спала с ними. У некоторых мальчиков такой душевный стресс во время родов доходит до того, что они даже в семи-восемь-летнем возрасте продолжают спать с мамой. Это категорически недопустимо и по всем целомудренным требованиям должно быть запрещено. После двух лет мальчик не должен телесно находиться с матерью, его место в колыбели, а затем в кровати.

Многие дети сейчас до такой степени привязаны к матери, что не могут отпустить ее от себя. Детский душевный стресс бывает настолько глубок, что иной раз порождает различные душевные, психические повреждения. Сугубая капризность, малодушие, боязливость, крайнее самоугождение, себялюбие ребенка — все это результат стресса, пережитого во время родов. Естественно, что если во время родов младенец переживает такое, то и до родов мать, вероятно, была в индифферентном отношении к ребенку, не пеклась о нем, не ждала его. Если малыш неожиданный и нежеланный и мать вынуждена его рожать, то душевные потрясения младенца усугубляются.

Отец во время родов

Каково значение в этом случае отца? Часто случается, что при подсознательном отвержении дитя не имеет поддержки и со стороны отца. Он занят своими делами, единственное, на что он способен, это на некоторые переживания о том, что роды начались, но не более. О том, насколько это серьезно, как неблагоприятные последствия родов могут сказаться на ребенке, он не задумывается и не ведает. Чаще всего у такой невнима-

тельной матери и муж такой же невнимательный. Такой отец может и не вспомнить о том, что должен родиться ребенок, даже в день родов. Мать в роддом увезет не он, а кто-нибудь из родных. Он в это время может оказаться то ли в запое, то ли с друзьями, то ли на работе, то ли в своих увлечениях. Среди молодых людей встречаются отцы с виду интеллигентные,

образованные, но занятые своими делами: деньгами, заботами, вещами и совершенно не обращающие никакого внимания на свою семью. Дети, особенно мальчики, во время родов оказываются полностью брошенными в душевном смысле. Из этого отцовского отношения с первых дней формируются в ребенке трусость, малодушие, предательство, душевная изнеженность.

Почему сын становится наркоманом?

В дальнейшем мы увидим, что мальчики, пережившие такой физиологический и душевный стресс, находят утешение опять же в физиологических средствах — курении, наркотиках. Неудивительно, что сегодня расположенность к восприятию этих злоутешающих или ложноутешающих средств имеют преимущественно дети, пережившие трудности во время родов и брошенность во время пребывания в утробе матери. Участь таких детей еще больше усугубляется тем, что их родители не изменяются по сути своей после их рождения. Их дети обречены на ту же нелюбовь, дискомфорт, душевную неокормленность. В результате многие из таких детей составят затем преступную часть населения страны. При этом внешне преступления могут иметь вполне законный характер ("все так делают") или могут быть скрыты за вполне благополучным имиджем.

Психопатические отношения с отцом

Иногда случаются и вовсе парадоксальные ситуации. Ребенок может желать внимания от отца и, недополучив его любви, будет любыми путями и средствами привлекать к себе отцовское внимание. А так как раньше опыта отцовской любви у него не было, то образ любви в нем отсутствует. Тогда он привлекает внимание таким образом, каким отец обращался к нему. Например, отец был к нему холодным, злым, раздражительным. И ребенок будет привлекать к себе его внимание этим же. Он будет вызывать отца на раздражение, ожесточение, гневливость, обиду, истерику, при этом в своих действиях будет настолько изощренным, насколько хватит его смекалки и насколько ему понадобится внимание отца. Ребенок и не знает, чем еще возможно привлечь к себе любовь отца. Где-то внутренне он в этом нуждается, душа ждет любви, но способ, каковым он может быть в общении с отцом, у него только тот, который отец ему преподавал. В свою очередь отец просто и не подозревает о том, что ребенок, оказывается, хочет его внимания, а все вызывающие поступки сына — это незнание, как его привлечь. Другой способ ему неизвестен, поэтому он провоцирует конфликт, чтобы отец раздражился, раздосадовался. И пока педагог со стороны не увидит характер их отношений, не поймет, что ребенок все делает в действительности не от зла, а по глубине своей души, от потребности любви, до тех пор ситуация не прояснится. Только вниманием к ребенку со стороны кого-то еще кроме отца (может быть, это будет мама, бабушка, воспитатель, дедушка) можно преподать ему образ любви, и этот образ будет им

внутренне схвачен. Затем этот образ любви к отцу нужно бережно и деликатно развивать в ребенке и направлять в нужное русло.

Можно, например, спросить:

— Ты маму так любишь, как папу?

Он вдруг осознается:

Нет, не так.

А что ты делаешь, когда маму любишь?

Я ее ласкаю, целую.

А что ты делаешь, когда любишь папу?

Я его дразню.

И ребенок полагает, что он говорит то, что должно быть, потому что он другого образа любви не знает.

А ты можешь с папой поступать, как с мамой?

Не знаю.

— А ты попробуй. Попробуй быть нежным к папе как к маме.

Ребенок после этого разговора уходит и пробует изменить свое отношение к отцу. Здесь начинается научение ребенка правильному действию. Все это — коррекционная педагогика, которой надобно заниматься воспитателю и с отцом, и с ребенком. Часто отец не в состоянии учиться этому, потому что у него выработалась установка на такой характер отношений еще до рождения ребенка. И если благодаря помощи воспитателя он как-то создает это, то ему предстоит еще большой труд по перенесению на собственного ребенка своих пробуждающихся теплых отношений, ведь наверняка есть же у него теплые отношения к кому-то в этом мире. Он должен попытаться перенести их на ребенка, к которому у него, может быть, никогда их и не было. Но он этого не осознавал, не задумывался, ходил довольный своими предпринимательскими делами

или своей работой, или идеей постройки храма, или радостью от посещения богослужения. Он и не предполагал, что, оказывается, был равнодушен к ребенку. Это может оказаться для него откровением. Можно услышать такой диалог:

— Что вы ощущаете, когда ваш ребенок так ведет себя с вами?

— Я испытываю досаду, злюсь, раздражаюсь на него.

— А вы к кому-нибудь испытываете доброе, нежное чувство? К жене, например?

К матери или к дочери иногда бывает.

Вы можете это чувство перенести на своего сына?

Не пробовал.

Попробуйте... Вот сейчас можете?

И он с некоторым усилием над собой пытается это сделать.

— А теперь попробуйте в этом чувстве быть со своим сыном.

И вот он начинает это пробовать. И тут ему придется очень

много тренироваться, упражняться. Это очень тяжелый душевный труд.

Чаще всего у такого отца отношения со своими родителями были подобными: он был нелюбим собственным отцом. Нужно вспомнить, что происходило у него из-за этого со своим отцом, осознать, покаяться. Только тогда у него затеплятся более-менее добрые отношения с сыном.

Покаяние — труд души

Через покаяние Господь открывает, научает многому. Но и от человека требуется труд. Для того чтобы усвоить подаваемое Господом, повторить, закрепить, не упасть назад, требуется усилие.

Необходимо хранить себя от греха, укреплять в себе благой образ. Для этого необходимо осознать свои грехи по отношению к своим родителям, раскаяться в них. А затем нормальное состояние души, которое после очищения начнет восстанавливаться, нужно в себе поддерживать, направляя его к ребенку. Этот труд обычно занимает несколько лет.

Если выросшие дети и состарившийся отец не восстановят душевные отношения, то характер таковых отношений — совершенно неблагоприятный — может иногда сохраниться и в следующих поколениях: во внуках, в правнуках, вплоть до четвертого колена. В Ветхом Завете сказано: грех умножается до четвертого поколения, пока в четвертом поколении не придет в такую сте-

пень, что будет уже неуправляем. Ничто внутреннее уже не будет сдерживать и ничто внешнее не способно будет его остановить.

Священнику, пастырю, необходимо все это знать. Именно он должен оказывать поддерживающую помощь отцам, матерям и детям. Когда окормляешь всю семью, то ее надо постепенно, день за днем, восстанавливать. В детях — отношение к родителям, в родителях — отношение к детям. Важно, чтобы их собственный труд освящался Церковью, и тогда Господь, восстанавливая человека в его божественном, Богодарованном естестве, участвуя в человеке в Таинствах, будет умножать этот труд и будет Сам благодатно вести его по жизни.

Поначалу пастырю придется вложить в такую семью много человеческого участия, но по мере постепенного приобщения к Церкви, к ее освящающим действиям, плоды становятся все более и более явными. Тогда это человеческое участие уменьшается, а освящающее действие Божие в людях возрастает и, в конечном итоге, человек становится вполне церковным. И уже тогда он идет по жизни сам под водительством Божественной благодати. А Божия благодать, подаваемая в Таинствах и действиях Церкви, восстанавливает Божественный образ в отношениях между людьми.

О нравственной глухоте

Трудные роды

Как проявляются на детях родовые и дородовые душевные стрессы? В нравственной глухоте. Дети, пережившие трудные роды, рождаются в нравственно глухом состоянии. Когда они просто в

добром расположении, то необыкновенно нежны, чутки, внимательны. При этом их душевная чуткость настолько глубока и настолько точна, что человек, впервые встретившийся с таким ребенком, уходит в удивлении, очаровании, восхище-

нии от него, от такой необыкновенной преданности, простоты, искренности его чувств, от ласковости, чуткости, жертвенности, которую обычно проявляет такой ребенок. И в то же время наблюдается совершенная нравственная глухота к различным сколько-нибудь продолжительным нуждам этого обратившегося к ним человека. Такие дети не могут долго пребывать в добре или хранить свои обещания. По отношению к ним от взрослого можно часто услышать следующее:

— Значит, ты способен так меня подводить? Ты солгал, ты только что обещал одно, а сделал совершенно другое. Тебе было поручено это, а ты вроде забыл и сделал совсем другое. Ты только что говорил, что любишь меня, а теперь вдруг украл у меня же. Все делал для меня, а в последнюю минуту обобрал меня и уже все растратил. Как же так?..

Можно и дальше развивать этот воображаемый диалог... Но, к сожалению, в своей нравственной глухоте ребенок не слышит этих увещаний, и воззвать к нему невозможно. Это результат трудных родов, а часто и плохого ношения в утробе.

Нечуткость к чужим страданиям

Настрадавшись в утробе и во время родов, дитя имеет чуткость к страданиям, но, пережив эти страдания как абсолютное свое состояние, закрывшись от голоса своей совести, оно остается нравственно совершенно глухим. Поэтому за ваш счет такой ребенок будет покрывать все свои потребности, не отдавая отчета, что при этом происходит с теми, кем он пользуется и за чей счет себя удовлетворяет.

Сейчас много детей, которые воруют. При этом какой-либо разговор с ними, увещания ни к чему не приводят, дети как бы не слышат. Пока разговариваешь, они, чтобы их не ущемляли и не увещевали, меняют свое поведение, но только на день, на два максимум, а через день, глядишь, — опять украли. Постепенно общение с ребенком показывает, что он совершенно бессовестный, внутреннего закона, который бы ограждал и сдерживал порывы, у него вообще нет. Удерживать все внешние увещания и разумные построения ему не на чем. На какой-то момент общения с вами он ценит все ваши увещания, но на следующий день это все теряет цену, и завтра он

украдет вдвойне. Он может и раздеть вас, и унести самое дорогое. Подобные переживания особо свойственны родителям, потому что, в конечном итоге, дети, которые имеют такую заглушённую совесть и склонность к воровству, дом свой полностью разворовывают.

Обычно в своих потребностях, утешениях душевных и физиологических они прибегают к курению, алкоголю, наркотикам, в результате чего дом нищает. Но никакие беды, никакие переживания, никакие родительские противодействия — слезы матери, попреки, побои и ругань отца — ничто не может изменить его. Изнутри такому сыну или дочери нечем откликнуться на беду родителей. Сейчас нередки и крайние случаи, когда пятнадцатилетний сын просто избивает мать из-за того, что она не дает денег или не идет на другую работу, чтобы зарабатывать на его прихоти... Это результат внутриутробной асфиксии любви, которая нередко переходит в физическую асфиксию.

Такие дети в подростковой преступности составляют большинство. Это люди, потерявшие внутренние законы. Это люди, у которых крайне трагическое переживание, испытанное во время рождения, заглушило и закрыло совесть.

Божий призыв остается неслышанным

Большинство таких детей даже на явный призыв Божий к воцерковлению не могут откликнуться, не могут удержаться в церковной жизни. Призывы к церковной жизни, которые Господь иногда подает таким детям, влекут их в Церковь, и они входят в нее на какой-то момент. Но дальше благодать должна усвоиться ребенку, а усвоиться она может духу дитяти, значит, его совести. А совесть пока закрыта, заглушена, в результате благодать не усваивается, отвергается, и ребенок опять уходит в преступление.

Там, где черствость и ожесточение существуют в натуре и в нраве ребенка по родительским грехам, там нравственная глухота приводит к его ожесточению. Одни дети, пережив эту трагедию, оказываются чуткими ко всякой болезненности окружающих, а другие — наоборот, ожесточаются и бывают крайне жестокосердными, злобными. Такие дети в большинстве становятся профессиональными преступниками. Другие дети, пережившие меньшее ожесточение, идут по жизни с некоторой жестокостью отношения к окружающим людям.

Крест родовых мук и отношение к ним

Рассмотрим теперь значение любовного отношения к младенцу со стороны матери и отца. Мать верующая, церковная, со смирением неся свой крест, обретается в удел искупления. Искупление за все наши грехи уже совершил Господь наш Иисус Христос перед Богом Отцом, а вот войти в удел этого искупления (а значит примириться и с Сыном, и с Отцом) каждый человек может, исполнив наложенный на него крест. Таким крестом для женщины являются родовые муки. Приемлющая эти муки как свой крест и со смирением несущая их, освящается Богом. Господь соразделяет с нею это ее несение, благодатным Своим участием умножает и усиливает

внутренний ее покой и дает силы, чтобы пронести это, не ожесточаясь, не обижаясь, не ввергаясь в скудное, греховное состояние, а наоборот, исполняясь мира, любви, участия.

Сознание креста совершенно меняет отношение к родовым мукам: оказывается, родовые муки — это дело спасения. Неся родовые муки, мать спасается сама и тем самым приуготовляет возможность спасения для своего ребенка. Отсюда православный человек, зная, что всякий грех искупается страданиями ради очищения от греха, обращается к страданиям как к спасительному средству.

В отличие от православного себялюбца старается уходить от страданий и поэтому избегает даже самих причин страданий. Себялюбец боится смерти, боли, всякого неудобства, дискомфорта, трудных обстоятельств, тяжелой жизни — вообще всего тяжелого, трудного и от всего этого бежит. Он все в жизни устраивает так, чтобы было комфортно, уютно, хорошо, безболезненно, мирно, тихо. Православный человек знает, что грех искупается страданиями. Страдания есть то средство, коим мы можем избавиться, очиститься от греха.

Сколько нужно пострадать?

По мудрости Своей Господь знает, по каким грехам какие страдания человеку будут искупительными. Человек не может сам определить себе меру страданий. Он просто должен принять те страдания, которые Господь ему посылает. Поэтому обстоятельства ли жизни, болезни ли, другие ли тяготы Господь попускает Сам, ведая, по каким грехам человеку необходимо все это понести.

Мать, которая сознает свои отношения с Богом, страдания в родах приемлет как средство ее личного спасения и спасения ее дитяти, не боится их, она к ним расположена, принимает их со смирением, с кротостью и тем самым привлекает к себе благодать Божию, вспомоществующую и ей, и младенцу.

В ветхозаветные времена рождение каждого ребенка было надеждой на рождение Спасителя, и поэтому всякий ребенок, особенно мальчик, был сугубо любим и желанен. В новозаветное время, когда Спаситель уже родился, рождение всякого дитяти есть, по большому счету, надежда на исправление всего рода. Существуют три момента в любви к ребенку:

Естественная родительская любовь к дитяти, которая вложена в природу всякого человека Богом.

Исполнение заповеди Божьей: "возлюби ближнего своего", а нет ничего ближе своего собственного дитяти.

Надежда, что этот ребенок станет не только кормильцем в старости, но и средством исправления и душевного исцеления родителя.

Дети за грехи родителей несут те или иные страдания. Смиренное несение этих страданий и есть дело искупления родительских грехов. Потому-то для родителей важен еще один момент их спасения: дело в том, что, воспитывая ребенка, в каком бы нраве он ни родился, терпя его, смиряясь с его различными привычками или проявлениями, родитель тоже спасается. Своим общением со своим чадом он приобретает еще одну возможность спасения. Верующий человек все совершает в благословении Господнем, значит, в Его освящающем участии, содействии благодати Духа Святаго. И поэтому своею верою он пребывает в благодатном Божьем в нем участии. Поэтому мать не просто сама рождает ребенка, не просто сама берет благословение Божье на сии роды, а имеет в себе освящающее участие Божье в родах. И это участие не только в ней, но и в ее ребенке. На то были положены ее молитвы, ее просьбы о благословении, которое она получила в Церкви. Ради этого она исповедовалась и причащалась. Она возжелала стать удобным сосудом для освящающего благословения Божьего.

Естественно, что при таких условиях обеспечивается особое расположение матери к ребенку. Божественное участие в ребенке все гармонизирует, роды часто проходят быстро и легко. Легко, значит, малобольно, т.е. и мать и дитя сохраняются благодатью Божьей.

Если от Бога положено человеку в муках рожать, то мукам должно быть. Точно так же, как рождаясь в будущую жизнь, и в мученической кончине святые мученики переживали страшные страдания. Участие Бога в их страданиях вовсе не означает, что они не переживали боли. Ужасные боли остаются, но сам мученик бывает покрыт от этих болей благодатью Божьей и поэтому как бы их не слышит.

Мать во время родов всем своим существом сопереживает ребенку. Мать не занята собою, со смирением отдала она себя в руки совершающегося с ней в руки Божий, поэтому она свободна от себя самой и может быть в полноте со своим ребенком. И это ее участие в дитяти духовное, и душевное, и физическое, ее молитвенное участие, предстояние в Боге создает совершенно иные условия для рождающегося ребенка. И хотя происходят невольные муки, однако помощь младенцу со стороны матери большая и явная. Душевное участие матери в малыше большое, и благословение Божье дает ей благоприятные роды. Естественно, ребенок рождается совсем в другом состоянии и с другими последствиями.

Смирение и кротость — лекарство от греха

Чем с большим смирением и кротостью приемлет мать крест родовых мук, предстоящих ей, тем больше высвобождает она свое дитя из плена греха. В результате дитя уже не несет тех отторгающих переживаний, которые могли бы быть, если бы она отвергла свой крест. Поэтому для

женщины-христианки кротость переживаний боли является очень важным моментом и собственного искупления, и искупления ее чада.

Дети есть крест для родителей. Занятия с ребенком, внимание к нему, жертвенность ради него — это все есть мера искупления родительских грехов. Родитель этим спасается. Дитя будет до тех пор удерживаться в своем греховном состоянии или болезни, пока родители в покаянии и искуплении не очистятся от греха.

Причастие матери и ребенка

Причастие и исповедь поддерживают чистоту, непомятость отношений матери с ребенком. Поэтому рекомендуется во время ношения ребенка причащаться раз в две недели. Бывает, что состояние матери ухудшается, женщине трудно приходить в церковь, тогда нужно причащаться хотя бы один раз в месяц. А последний месяц перед родами очень желательно причащаться каждую неделю. Достаточно присутствия будущей матери на Литургии и хотя бы одного часа на вечернем Богослужении. Чем больше будет женщина в храме, тем лучше. Но при этом нужно всегда помнить о мере восприимчивости освящающих действий. У каждого она своя. Если эта мера небольшая, а дальше идет напряжение, и душа не выдерживает, и телесно трудно, мама устает, если нет внутреннего согласия присутствовать, претерпевать немощи и тяготы, то тогда присутствие на службе нежелательно. Нужно смириться и в том видеть Промысел Божий.

Современные нововведения в родах

В последнее время стали применяться различные способы по облегчению родов. Рассмотрим некоторые из них.

Последствия безболезненных родов

Прежде всего это обезболивание родов. Этот вопрос подробно исследовал Б.П. Никитин. Он изучал материалы французских медиков, которые одно время во всех роддомах ввели в практику уколы по обезболиванию родов. Результат этого довольно обширного эксперимента оказался плачевный. В роддомах резко увеличилось количество женщин, бросающих младенцев, отказниц. Многие матери младенцев все-таки не оставляли, но при этом не переживали никакой особой заботы или попечения о них. Им было свойственно нравственное нечувствие. Никитин делает вывод: при нормальных, естественно текущих родах, когда женщина страдает, происходит пробуждение материнского инстинкта, т.е. той естественной материнской любви к ребенку, той заботы и участия в нем, которые вложены в природу ее души. Когда же она рожает безболезненно, то ее участие в родном малыше как бы не пробуждается.

На этом Борис Павлович свои исследования завершил и дальше не мог пойти по причине своей нецерковности.

Обратимся к Ветхому Завету и вспомним изгнание Евы из рая. Господь положил наказание за содеянный грех: "В муках будешь рождать детей своих". С одной стороны, обреченность на мучения есть наказание Божье и отцами Церкви воспринимается, трактуется именно так. С другой — все, что ни делает Господь, все — для пользы человеческой, все для его блага. Поэтому несение мук за содеянный грех в действительности является искупительным страданием. Господь благословляет женщину понести страдания ради искупления и самой себя, и своего младенца.

Если мать проникнется чувством смирения и сознанием, что она несет на себе наказание Божие, и тем самым спасается и входит в удел искупления своими страданиями, то, естественно, она приемлет боль как необходимость, как благословение Божие. При ее согласии на эти мучения и несение креста своих мук она будет иметь от Бога благодатное участие и утешение в ходе самих родов. Неудивительно, что верующие роженицы исполнены именно таким настроением во время родов. Они реально и действительно слышат участие Бога и благословляющее Его присутствие. Отношения с Богом не прерываются, женщина всегда пребывает в уповании на Него.

Крестные муки родов и любовь к ребенку

На вопрос, что дают матери эти страдания, она отвечает: любовь к ребенку, непрекращающуюся любовь к рождающемуся младенцу, подаваемую от Бога, которую женщины нецерковные обычно теряют.

Боли бывают настолько мучительны и настолько серьезны, что в некоторых случаях женщины, не выдержав их, умирают. Там же, где мать благословлена и несет в себе церковное настроение, Господь, утешая ее, сохраняет ее в любви к Себе и к младенцу, а значит — в совершенной возможности жертвы. Она жертвует собою ради дитяти и, жертвуя, любит его, или, лучше сказать, любя, жертвует собой. Поэтому отношение к ребенку не теряется, он любим и во время родов. В итоге мы видим, что церковная мать родов не боится. Муки родовые, о которых она знает, ее не страшат. Она их ищет, потому что они — ее крест. Она осознает, что этим крестом она спасается и входит в удел крестоношения.

Еще один важный момент — благословением Божиим она сохраняется в своем отношении к ребенку, какие бы трудности во время родов ни происходили. Ее любовь, чувство, внимание к нему остаются. Поэтому дитя сохраняется в комфортных условиях, оно любимо матерью, хотя некоторая болезненность в родах все же остается, поскольку непреложны благословения Божий. Физически роды бывают более быстрыми по времени и легкими по состоянию.

Мать во время родов не теряет своего отношения с Богом, ее вера и надежда на Бога остаются и, более того, могут даже усилиться. Ее чувства благоговения, благодарности Богу умножаются. Неудивительно, что результатом таковых родов будет полное восстановление в ней материнского

чувства к ребенку. Именно с окончанием родов пробуждается в матери что-то глубокое, то, чего она в себе до этого не знала.

Когда обретается полнота материнства

При этом происходит пробуждение материнского чувства, материнского отношения к ребенку и заботы о нем. Никакими упражнениями, никаким осознанием это чувство не воспитаешь, оно, будучи изначально вложенным в душу девушки, пробуждается именно самим фактом рождения дитяти. Более того, с последующими рождениями второго, третьего ребенка глубина материнского чувства усиливается, а полнота обретается с седьмым ребенком, женщина узнает глубину заложенного в ней образа материнского отношения к нему. Речь, конечно, идет о матери верующей, которая исполняет заповеди Божий и живет в укладе Церкви.

Неудивительно, что в сказках не первый и не второй ребенок самый мудрый. Самый мудрый — третий, а в жизни, в действительности — это седьмой и дальше идущие дети после седьмого: восьмой, девятый, десятый. В старину нередко число детей в семье достигало девяти-двенадцати. Были семьи, в которых рождалось до девятнадцати-двадцати одного.

Присутствие отца при родах

Как интересное нововведение следует отметить присутствие отцов при родах. Лет восемь-девять назад это пришло в Россию из Америки, активно практикуется в Западной Европе. В Москве есть немало семей, которые были вдохновлены призывом, чтобы отцы присутствовали при родах. Мне довелось вести одну такую, приготавливающуюся к совместным родам группу, проводить с ней занятия по нравственному формированию их отношения друг к другу и к ребенку.

Трудно сказать, хорошо это или плохо с позиций церковных. Приходилось слышать разноречивые реплики разных церковных людей, которые называли это безнравственным, безобразным с точки зрения целомудрия. Мне же думается,

что в этом есть определенная польза. Отец, участвуя в подготовке к родам в течение двух месяцев, конечно же, имеет глубокую настроенность на предстоящее событие относительно будущего или уже настоящего ребенка, нуждающегося в нем. И второе: очень значима в эти дни его глубокая открытость по отношению к жене как к матери его ребенка.

В прежние века отеческое расположение к жене и к собственным чадам было большим. По мере оскудения веры наблюдается значительное оскудение отцовского чувства и чувства мужа. Большинство мужчин, даже ожидая ребенка, серьезных переживаний относительно жены и будущего малыша не имеют, в особенности нынешнее поколение молодых отцов. Несколько десятков лет тому назад молодые люди, которые становились отцами, днями и ночами беспокоились, дежурили у роддомов, дома готовили все необходимое для малыша, для жены, живо интересовались у старших и умудренных опытом людей, что и как надо сделать. В те годы это было естественно, но сейчас — редкость. За 20—30 лет произошли очень серьезное падение нравов и значительное оскудение отцовского чувства. Конечно, и сейчас есть парни, которые становятся сердобольными, заботливыми, участливыми папами, но число таковых резко сократилось. И поэтому, если мы видим, что в результате подготовительных занятий к приближающимся родам мужчина принимает живое участие, заботится о своей жене и будущем малыше — это уже очень хорошо.

Участвуя и помогая в родах, отец оказывает помощь уже тем, что находится рядом, утешает супругу, которая не остается одна со своими муками. Для многих неверующих женщин присутствие мужа есть один из важных моментов отвлечения от боли, от переживаний. Присутствие мужа позитивно сказывается на прохождении мучительных минут родов для жены. Известны случаи, когда мужчины настолько участвовали в родах, хранили, утешали, говорили добрые слова, что поддержанные этим вниманием жены легко переносили роды, а к мужьям появлялось чувство трепетной благодарности.

Мужчины, принимающие участие в родах, действительно испытывают особые переживания, особые душевные потрясения, которые достаточно серьезно и глубоко изменяют характер и нрав человека. В них пробуждается отцовское и мужнее чувство к ребенку и к жене. Причем пробуждение иными способами в такой мере обеспечить невозможно ни словесными объяснениями, ни практическими упражнениями, ничем, кроме непосредственного участия в родах. Забота о ребенке и о матери после родов проявляется в отце естественно. Именно она и хранит семью. В Москве известны случаи, когда после совместных родов семьи обрели цельность, единство, а супруги — взаиморасположенность. Нестроения, которые посещали затем такие семьи, становились предметом скорби не только для женщины, но и для мужчины.

Однако даже такой опыт не может явить той глубины преображения, которая совершается в Церкви. Этот, не более чем чувственный опыт сам по себе не есть гарантия сохранения семьи на долгие годы. Тем более, он не может заменить церковное единение, которое приходит по благодати через многие годы духовного труда.

Рождение в воде

Следующее нововведение — рождение в воде. Это новшество тоже пришло лет 20 назад и стало до того популярным, что есть целые роддома, в которых используется такой способ. Женщина рождает, пребывая в теплой ванне, дитя в этом случае из жидкой среды попадает в такую же, у ребенка не возникает стресса, потому что нет перехода из одной среды в другую. А стресс в случае обычных родов переживается действительно серьезный, потому что ребенок из жидкости сразу попадает, во-первых, в сухость воздуха, во-вторых, из температуры 37 градусов попадает в более холодную температуру комнаты. Так как все названные способы действительно новы (раньше этого не знали), отношение Церкви к ним только начинает складываться, Церковь только начинает это изучать, наблюдать, размышлять, осмысливать это. Некоторые моменты этого осмысления мы приведем. Скажем вначале о житейской, чисто практической стороне.

С этой позиции здесь все положительно — значительно ослабляется для ребенка стрессовость перехода из одной среды в другую. И женщине это дает существенное облегчение. Одно дело, когда она ощущает тяжесть собственного тела, давление испытывают все мышцы, но совсем по-другому чувствует себя женщина в воде, где многие мышцы расслаблены, и, как говорят сами устроители, роженица чувствует себя лучше, и младенцу удобней.

Последствия родов в воду проявляются потом. У таких детей интенсивно развиваются интеллектуальные способности, причем быстрее, чем тело, опережают обычных детей. Рано пробуждается речь, дети начинают говорить иногда на целых полгода раньше, намного раньше появляется сознательный взгляд, очень подвижный ум, наблюдается раннее пробуждение музыкальных, художественных способностей. Это все положительные стороны. На них-то и делают акцент сторонники родов в воду.

Рассмотрим теперь отрицательные стороны. В нравственной педагогике и психологии замечено, что при таком опережающем развитии способностей сильно отстает и даже подавляется нравственное чувство, в детях формируется нравственная глухота. Похоже, что ослабляется связь матери и ребенка, то есть наблюдается некоторый эффект, как и при обезболивании. Но если у верующей женщины умягчение болезненности происходит в умножении любви к чаду и к Богу, то в данном случае умягчение происходит в силу искусственного облегчения условий родов, и поэтому никакого влияния на отношение матери к ребенку не оказывается. Как результат обнаруживается несостоятельность материнского чувства к ребенку и наоборот — детского влечения к матери.

Опережение способностей и связанная с этим нравственная глухота известны были и раньше, до появления родов в воду. Интенсивное обучение детей с помощью специальных студий, секций, занятий развивает способности, а нравственное чувство при этом отстает. Такие школьники очень талантливы, способны, но холодны, эгоистичны и жестоки, так как за счет интенсивного развития способностей происходит сильная потеря нравственных свойств. По этой причине у многих педагогов сегодня происходит переосмысление нынешней системы воспитания, в которой все поставлено на опережающее развитие способностей. Ныне ищут способ привести развитие способностей в гармонию с нравственным развитием. Но, к сожалению, большинство родителей увлечены этим развитием способностей, потому что с их помощью ребенок легко осваивается в обществе, занимает в нем определенное место и соответственное положение.

Нравственное достоинство сегодня не в почете. И по этой же причине для многих родителей лучше рожать в воду таких вот суперразвитых детей, чем при традиционных родах взращивать в них добрый нрав и совесть. Такие родители рассуждают: "Ну и пусть наши дети будут эгоистами, холодными к матери, к жене, к Богу, к собственным детям. Важно, чтобы они устроились в жизни, а для этого надо иметь выдающиеся способности. Если это пробуждение или активизация способностей происходит во время водных родов, лучше рожать в воду".

Теоретики водных родов в качестве аргумента приводят в пример водных млекопитающих: дельфинов, китов, которые по свойствам интеллекта показывают наилучшие результаты.

Среди животных самый высокий интеллект показали дельфины, опередившие на порядок в решении задач самых высокоразвитых человекообразных обезьян. Теоретики родов в воду утверждают, что это происходит по причине рождения в воде. Действительно, такое же пробуждение способностей происходит и у человека, если он рождается в воде.

Правда, после двенадцати лет опережающее развитие явно замедляется, и дети почти выравниваются со сверстниками, рожденными не в воду. Некоторое преимущество, сохраняющееся при этом, происходит за счет уже сформировавшихся знаний, умений и навыков.

Опережающее развитие способностей

Наибольшая катастрофа при облегченных родах происходит, по-видимому, с чувством веры и способностью к покаянию. Вместо веры в Бога развивается вера в собственную достаточность. При

развитых талантах и даже при богатстве душевных проявлений — чуткости, внимания, заботы о ближнем — человек в глубине души не нуждается в Боге. Он либо не знает, зачем ему Бог, либо, если и верует в Него, то обращается к Нему и нуждается в Нем, чтобы иметь лишь дополнительное содействие своим планам и потребностям. Такая вера не ищет и не знает покаяния, более того, не нуждается в нем. В этом случае отношения с Богом чужды покаянного чувства, потребность в покаянии отсутствует. Даже если человек формально исполняет необходимый порядок церковной жизни — посещает богослужение, исповедь, причастие — ведущим чувством, определяющим его жизненные смыслы, будет устроение своих дел, а не своих отношений с Богом. Самодостаточность, а в глубине души — самодовольство, довольство своей жизнью будут характеризовать сокровенное самочувствие такого человека.

Нечто подобное с таким же катастрофическим характером внутреннего отпадения от Бога происходит с людьми, которые соприкоснулись с учением Штейнера и основанной на его антропософии Вальдорфской педагогикой. Замена покаянного чувства чувством довольства собой, эгоцентричностью развивается на фоне ярко развитых талантов. Похоже, что крайняя форма всех этих явлений развивается во все расширяющемся в своих масштабах психическом заболевании — шизофрении.

Травмы и повреждения плода

Причина повреждений плода

В наше время при столь значительном развитии медицины и различных возможностей обеспечить развитие плода и роды подобающими условиями мы оказываемся свидетелями возрастающего числа уродств, травм, отклонений от нормы. Причины этого можно проследить на всех уровнях жизни родителей — телесном, душевно-нравственном, духовном. Тем не менее ведущей причиной всех видов расстройств является отпадение от Бога, потеря церковного уклада жизни и в связи с этим явное и глубокое оскудение всех вышеперечисленных сил будущего ребенка.

Виды родовых травм

Рассмотрим основные травмы и повреждения плода, которые сегодня проявляются во время родов.

Состояние ребенка после родов может быть различным. Крайне тяжелое состояние — это предсмертное. Не все дети при этом выживают. Бывает, что малыш рождается едва живой — во время родов наносится сильнейшая душевная или физическая травма. По этой причине ребенка не сразу удастся привести в чувство и вызвать у него первый крик. Мы знаем, что с криком связано первое проявление деятельной активности-

ти ребенка после родов, т.е. он должен вдохнуть в себя воздух и издать первый крик, после чего расправляются легкие, до этого момента они опавшие, воздуха в себе не содержат. Переход из внутриутробной среды в воздушную ведет к активизации вдоха — так рождается первый крик ребенка. Малыш, переживший во время родов сильную травму или же сильно ослабленный предродовым ношением, находится как бы в беспамятстве. Перехода он фактически не осознает, чтобы его привести в чувство, требуется очень сильная внешняя встряска. Обычно это бывает резкий и сильный шлепок. Дети, пережившие очень глубокое повреждение, не реагируют ни на шлепок, ни на сильное встряхивание и умирают. Другие же, менее поврежденные, все-таки вскрикивают, и с этого момента начинается их жизнь.

Другое повреждение — это асфиксия, разные степени удушья, пережитые ребенком в утробе матери, происходящие из-за неправильного положения младенца в утробе. Когда он нуждается в материнском тепле, внимании, но не получает его, то начинает тревожить мать. Ребенок поворачивается, при этом пуповина может обвить ему грудь, потом сползти на шею и, в конечном итоге, если он много и часто ворочался, сильно сжимает горло. В результате кровообращение ослабляется, мозг питается плохо, наступает глубокое кислородное голодание, а параллельно с ним бывает и химическое, вещественное голодание: ребенок недополучает в нужном объеме необходимые ему вещества. Из-за этого удушья иногда происходит сильное повреждение мозга. Дети с асфиксией обычно рождаются с различными умственными задержками развития.

И третий повреждающий момент: при недостатке крови ухудшаются (замедляются) процессы вымывания шлаков, тех вредных веществ, которые накапливаются в организме как побочные продукты жизнедеятельности. Известно, что накопление шлаков сильно влияет прежде всего на функции мозга, ослабляет кровеносную систему, а также в целом на развитие органов ребенка. По этой причине дитя рождается синюшным, ослабленным, в полуобморочном состоянии. И тоже вскрикивает не сразу, ему требуются два-три шлепка. Иногда его тельце приходится довольно сильно встряхнуть, только после этого он вскрикивает.

Сегодня рождается очень много детей, обвитых пуповиной. Они пережили в утробе тяжелые физиологические стрессы. Некоторые дети из-за недостатка материнского внимания и совершенной отрешенности отца поворачиваются головой так, что лежат в утробе в

перевернутом состоянии. Это сильно осложняет сами роды, приводит к необходимости применять различные стимулирующие действия, уколы, внешний массаж, выдавливание. Приходится делать даже кесарево сечение. В целом, все это приводит к ненормальным родам. Кесарево сечение большого травмирующего влияния на ребенка не оказывает, он страдает не от самой операции, а от предваряющих ее напрасных потуг и невозможности рождения. Обычно после кесарева сечения ребенок чувствует себя легко, но для матери эта операция очень болезненна и может дать ряд неприятных осложнений.

Внутриутробная асфиксия

Асфиксия в большинстве своем в той или иной мере подавляет в детях совесть. С подавленной, закрытой, заглушённой совестью дети на многие годы жизни теряют чувство внутреннего нравственного закона, внутренней подсказки, как поступать. Бывает, что пробуждение совести происходит лишь после тридцати-тридцати шести лет и то не у всех. Если такой ребенок будет приобщен к Церкви, совесть может постепенно возродиться и восстановиться, но чаще всего не ранее тридцати лет.

Еще пребывая в утробе, эти дети прилагают немало усилий, чтобы привлечь материнское внимание к себе. Они слышат страдания матери во время родов, ввиду чего и сами сильно страдают. В итоге они рождаются с ярко выраженной чуткостью к матери, к ее состояниям. Они легко чувствуют настроение, состояние другого человека, но, будучи заглушены в совести, могут при этом совершать поступки совершенно противоположные тем, которых требует от них чуткость.

Нравственная верность связана с совестью и устойчивостью действий по совести, а чуткость связана со способностью различать и распознавать нужду. Поэтому чуткость — явление сердечное, душевное, а нравственная верность — явление духовное, это действие духа в совести человека. Поэтому вышеописанные дети несут в себе крайние противоречия. Умственная отсталость или задержка умственного развития при этом связана с задержкой первого крика. А задержка первого крика есть признак того, что ребенок несет в себе печать различных переживаний, повреждений, которые будут сказываться на всем его развитии. Слабое кровообращение может сказаться на гипофизе плода, что чревато различными задержками развития скелета, мышц, некоторой рахитичностью детей, истонченностью костной системы, ее слабостью, мышечной неразвитостью. Случается, недостаточность кровообращения проявляется в повреждении внутренних органов — селезенки, печени. Часто бывает, что кровеносная недостаточность и кислородное голодание влияют на развитие сердечных мышц, отсюда — предрасположенность к сердечным заболеваниям. Ребенок может родиться уже с некоторыми болезнями сердца: недостаточностью клапанов, слабостью мышцы, мерцательной аритмией, слабым тонусом сердца.

Сегодня рождается немало детей, имеющих патологию, они нуждаются в выхаживании с помощью современной аппаратуры. Такие дети неделями, месяцами лежат в барокамерах, где специальные аппараты поддерживают жизнедеятельность, а посредством капельниц вводятся необходимые медпрепараты и питание. Помимо этого, участилось количество рождений раньше положенного срока, очень много восьми-, семимесячных детей, стали рождаться дети шести- и пятимесячные.

Причины преждевременных родов

Ребенок начинает переживать чувство глубокой асфиксии любви, не кислородного голодания, а голодания любви еще в утробе матери. Постоянная потребность в материнской любви и требования, чтобы мать любила, будут вызывать активность ребенка и побуждение, призывание ее к себе. Но материнская глухота порой бывает настолько глубока, что мать может не обращать на дитя внимания, не замечать толчков, переворачиваний, различных его движений. Младенец сначала кулачками, потом ножками ударяет и даже бьет мать изнутри, но не с желанием нанести ей боль, а с желанием достучаться до нее. А мать, несмотря на это, увлечена своими семейными делами, общественной деятельностью, диссертацией. Тогда, вслед за недостатком любви, начинается голодание физиологическое. Ребенок, оказавшись обвитым пуповиной, начинает задыхаться и сам вызывает преждевременные роды, дабы вырваться наружу, потому что чувствует, что может просто погибнуть в неприветливой утробе. И хотя неверующие врачи в большинстве своем объясняют преждевременные роды чисто физиологическими причинами, в действительности преждевременные роды наступают по причине нравственной глухоты родителей. Чем больше эта глухота, тем раньше начинает страдать ребенок, тем раньше активизация к родам.

Потеря материнской любви к ребенку одновременно может сопровождаться материнской агрессией против него. Например, рождение ребенка крайне неудобно для матери, она боится родов, боится тех неудобств, которые причинит ребенок. При этом сознательно она может быть вполне согласна с тем,

что он должен родиться — ведь она понимает, что нехорошо не желать ребенка, отторгаться от него. Однако подсознательно она его не хочет и не желает. Отношения между матерью и младенцем происходят на уровне души, а не сознания, поэтому ребенок еще в утробе слышит от матери постоянное нежелание, антагонизм и даже вражду. При таком отношении материнский организм сам начинает развиваться в сторону избавления от плода. Бывают случаи, когда ребенок

рождается мертвым по причине задушенности матерью еще в утробе. Объяснить матери, что это она его задушила, невозможно, потому что она этого не осознает. Такое физиологическое уничтожение ребенка в утробе часто происходит по материнскому антагонизму. Там же, где этого не происходит, а материнская агрессия продолжается, ребенок изгоняется из утробы самой матерью, и случаются преждевременные роды.

Бедное дитя не имеет со стороны матери никакой поддержки. Нет ее и со стороны отца, потому что он вообще не ведает о том, что происходит. Он равнодушен, индифферентен, хладен, и драма, которая разворачивается между ребенком и матерью, его или не интересует, или роды не имеют для него никакого значения.

Тоска о родном человеке

Неудивительно, что большинство детей, рожденных в таких условиях, имеют особое сочувствие к матери. Это природа души ребенка. Малыш по своей нравственной открытости, которая свойственна детям и дарована от Бога, христианским образом отвечает на такую нравственную глухоту матери. То есть дитя чуткою своею душою слышит ее нравственное бессилие.

Как мы с вами реагируем, если видим, что на огороде разрастается колючий бурьян? Проще всего сжечь его и засыпать место ядохимикатами. Так обычно и делает наше падшее естество, встречаясь с чьей-то агрессией, отторжением. А христианское отношение требует от нас услышать, что под бурьяном находится невозделанная почва. Она нуждается в орошении, в культивации, и если все это проделать, разве будет расти на ней колючий бурьян? Нет, ему уже не будет места. Там начнут произрастать разнообразные огородные культуры, только почву надо удобрить. Но услышать это может только христианская душа.

Пребывающий в утробе матери младенец несет в себе христианскую, по природе своей, душу. Казалось бы, на такую мать должны родиться гнев, раздраженность и обида, но ничего подобного не случается. Ребенок все эти беды и страдания переживает только физиологически. От этих страданий, совершающихся особенно во время родов, от боли на детскую душу налагается печать пережитого, которая может заглушить совесть. В то же время по отношению к матери в ребенке развиваются участие и чуткость. Христианская душа его соболезнует материнской пустыне и жаждет оросить эту пустыню. Поэтому уже в утробе малыш сочувствует и милосердствует ей. Эта детская боль души за мать и за отца может породить потом удивительную участливость к родителям. Такие дети обычно сильно привязаны к матери, хотя с ее стороны они так и не получают любви даже после своего рождения. Часто это бывает потому, что матери ее неоткуда взять.

Когда же они попадают к другим взрослым — бабушкам, дедушкам или в детский сад — то сразу заметны. Чем? Они ласкаются, льнут ко всем, особенно к тому, кто отвечает каким-либо вниманием и чуткостью им. Эти дети сразу подбегают, прижимаются щекой, стараются, прижавшись, подольше удерживать в объятиях своих новую воспитательницу и чаще всего выются возле нее и постоянно находятся рядом с ней. Другие дети, в противоположность первым, нелюдимы, замкнуты, безответны, настороженны. Однако по мере оттаивания и расположения к взрослому, которому ребенок начинает доверяться, он постепенно привязывается и начинает проявлять сначала робкие, затем все более явные попытки участия. При этом чуткому сердцу взрослого всегда будет слышна в малыше глубокая затаенная тоска о родном человеке. Этот недостаток любви настолько глубоко и сильно заметен и у тех, и у других детей, что они на всю жизнь сохраняют эту потребность в любви со стороны других людей. Этот недостаток любви проявляется в итоге чувственным образом, потому как духовного опыта такой ребенок в родителях не знал. Он, возможно, раскроется для него позже и будет даваться ему с большим трудом.

Истоки душевной черствости

К. сожалению, такое чувственное притяжение к взрослым потом образует в ребенке характер чувственной преданности и одновременно нравственной притупленности. От недостатка любви он будет льнуть к взрослому, но ответной любви он дать не сможет. Ребенок, который недополучил любви, постоянно нуждается в восполнении душевных сил, поэтому во внешнем поведении он льнет, но по внутреннему отношению к взрослому он совершенно безнравственный. Отдать душевное от себя он не в состоянии. В этом ребенке обычно развивается ложная жертвенность, которая на самом деле вызвана корыстью. Потребность в любви, во внимании, в чуткости и есть его корысть. Ради этого такие дети могут совершать удивительные поступки жертвенности: отдать все игрушки, всю одежду — все, что у них есть, — только ради того, чтобы получить то, чего им недостает. Они готовы отдать все свое внимание, ласку, все остатки своих душевных сил ради того, чтобы иметь ответное внимание, ответную любовь. Они готовы преданно служить и выказывать всякую верность и преданность любому, кто откликнется и будет внимателен к ним, но во всем этом есть одна глубокая корысть — это потребность во внимании, в любви. Как только в этой любви будет отказано или ее будет недоставать, начнутся различные безнравственные, безобразные сцены: каприз, истерика, раздражение, негодование, обида до глубины души. Начинается буквально "истязание" взрослого, который поначалу показал, что он внимателен, любит или готов любить и вдруг перестал...

Нравственное нечувствие — причина распада семей

Печать внутриутробной жизни несет в себе такое состояние, поэтому оно самое глубокое. Оно является причиной нравственной глухоты, толстокожести большинства людей нашего времени. Нравственная малоподвижность, нечувствие, почти неспособность к подвигу, эгоизм, равнодушие имеют сокровенный характер, почти непостижимый даже спустя десять, пятнадцать лет взрослой жизни в церковном укладе. Вся трагедия заключается в том, что продолжается это на протяжении почти всей жизни человека и нередко приводит к распаду семьи, потому что он не может ее сохранить. Никто не может покрыть ему этот недостаток любви. Чувство, что жена (или муж) не любит, будет постепенно разрастаться в течение всей супружеской жизни. Как бы ни умудрялся один из супругов проявлять свою любовь, внимание, чуткость, все равно будет встречаться с укорами в холодности и невнимании — этот бездонный колодец нравственной глухоты, нечувствия ничем нельзя насытить. Только смирение самого человека и труд над исполнением заповеди Божией "возлюби ближнего", укрепленный искренним покаянием, еще как-то будет помогать в осознании и некотором исцелении. Если этого не будет, развитие характера может войти в крайние категорические проявления — месть, озлобленность, в которые впадают такие люди. Недополучив свое, они тут же приходят в крайнее ожесточение, вспыльчивость, совершают ужасные безрассудные поступки отмщения.

Господь покрывает

Единственный, Кто может все это покрыть, — это только Господь. Он поможет излечить эту глухоту и насытить душу тем, чего ей недостает. Господь в Церкви исполняет милость Свою двояким образом. Первое — непосредственно действием Духа и благодати Божией на душу такого ребенка или взрослого. В Таинстве Покаяния человеку нужно исповедать грехи всего своего детства, отрочества и юности, исповедать то, как он стяжал от людей их внимание и любовь разными правдами и неправдами своего характера. В Таинстве святого Причастия вручить себя Господу, чтобы усвоиться Ему, стать земною Его частью, в которой и через которую Господь совершал бы домостроительство Своей Церкви. Участие Бога в жизни человека может проявиться также действием благодати через церковных людей. Эти люди, освящаемые благодатью, несут в себе благодатные чувствования, благодатные отношения. Действия любящей христианской души по отношению к ребенку — это и есть добродетели, которыми верующий человек обращается к окружающим людям и это доброе, добродетельное отношение, исполненное благодатным дыханием, наполняет нуждающуюся душу. Причем именно верующий человек может по-настоящему наполнить душу такого ребенка. Почему? — могут спросить. — Ведь есть много людей неверующих, но достаточно добрых, сердечных, мягких, участливых по отношению к таким детям?" Ребенок, попадая в их среду, в их тепло, умягчается, высвобождается, распрямляется. Но при этом все равно в нем остается некоторая недораскрытость, она проявляется в капризности, упрямстве, неожиданном проступке, который он неожиданно совершит: украдет, недоделает и тем самым подведет, не доведет дело до конца. Человек душевный, не духовный, до конца наполнить эту душу любовью или понести ее немощи не в состоянии. Церковный, т.е. духовный человек, в своем нраве несет способность участия в ребенке, при котором детская душа меняется, преобразуется, отвлекается от зла и лукавства и поддержанная в добром расположении оживает душевными силами, воскрыляется в них. Напротив, дети, не получающие такого общения церковных людей и пережившие трудное внутриутробное развитие и роды, в большинстве своем так и будут ощущать недостачу чего-то, и эта неудовлетворенность жизнью в человеческом мире может преследовать их постоянно.

Воспитание жертвенности и заботы

Если ребенок имел много любви и душевного участия от родителей, он, естественно, имеет, что дать, поэтому ведет себя нравственно, заботливо, попечительно, участливо и жертвенно. Он отдает себя.

На сегодняшний день большинство детей рождается с асфиксией любви. Степени ее различны, поэтому чувство некоторой душевной недостаточности в той или иной мере существует у всех. Этим объясняются многие крайности нашего поведения, которые выражаются в разных формах истязающей привязанности друг к другу. Отсюда разные претензии, которые мы предъявляем к близким. Это следствие нашей привязанности к ним. Несостоявшиеся притязания рождают претензии, неудовлетворенные претензии рождают различные укоры, возмущения, раздражительность, разочарования, ненависть, в результате этого складывается вся драма наших отношений. Так как фактически все мы имеем ту или иную степень недостачи душевного тепла и любви, всем нам свойственны некоторые притязания по отношению к близким, которые их не исполняют. Фактически для таковых людей дружба невозможна, ее будут заменять различные привязанности. Все это происходит не только сейчас. И во времена Василия Великого род человеческий находился в таком же тяжелом состоянии. Почему Василий Великий, постригая в монашество, категорически запрещал дружбу? Потому что во всякую дружбу незримо вплетает свои корни чувственная привязчивость, некоторый недостаток любви. Отсюда естественны различные притязания, потом претензии, из этого возникают возмущения, ссоры и даже месть друг другу. Мы же привели этот пример, чтобы показать, насколько глубоко испорчена природа человека и какое значение для всей жизни человеческой имеют внутриутробные и младенческие отношения ребенка с его родителями.

Мирянину же дружба не только разрешается, но даже необходима, чтобы укрепить силы души — нравственную, попечительную, разумную. В мирской среде некоторые монашеские правила неудобноносимы. В Церкви силы души освящаются и облагораживаются. Освящаются — т.е. очищаются от большой доли притязательных отношений, из-за которых именно между друзьями происходят наиболее глубокие ссоры. Ссоры есть признак не дружбы, а притязаний друг к другу — признак страстной привязанности.

Если человек пришел в Церковь и работает над собой, он все более облагораживается. Печальнее всего, когда такая привязчивая дружба связывает людей в супружестве, из-за этого супружество нередко прекращается.

Об отложении своей воли

Большинство из нас в Церковь пришли без отсечения своей воли ради воли Божией. Следование своей воле у нас столь велико, что мы ничего не делаем по смирению, отлагаясь от своей воли. Живущий привязанностью не свободен от нее и потому не может по естеству желать и искать в сердце волю Божию. Сердце такого человека занято собственной волей. Даже отложение своей воли, о чем говорят святые отцы, он совершает по-своему — отлагая волю вовсе.

Душа наша из трехсоставной (ум, сердце, воля) становится двусоставной (ум, сердце), а воля отсекается совсем. В результате неопит оказывается не способным ни к какому делу. Гаснет деятельная способность, парализуется инициатива, а вместе с ней все добрые качества — отзывчивость, взаимопомощь, чуткость, преданность делу, чувство долга, обязательность, верность слову. Все подменяется простым механизмом: "благословят — не благословят". Ценность слова "благословят" становится столь великой, что ради нее отсекается вообще всякая воля к добру. И человек перестает не только исполнять волю Божию, то есть творить добро, но даже отказывается искать ее. На пустое место приходят семеро злейших первого и воцаряются в нем.

Возможно ли сегодня нормальное супружество?

Асфиксия — это кислородное голодание. Если его отнести к любви — это нехватка нравственная. К нормальному супруеству, даже церковному, сегодня никто не готов. А уж вне Церкви супружество вообще немыслимо. Сегодня, когда подавляющее большинство венчанных в церкви супружеских пар существуют без повода, без духовного наставника, который правильно направлял бы и наставлял супружескую чету именно к духовному жителю, а не к душевным притязаниям, церковную семью сохранить довольно трудно.

Церковные семьи удерживаются в супруестве только сознанием, что они венчаны, но большинство из них специально не трудится, потому что не знает, над чем трудиться. Поэтому, когда между супругами рождаются претензии, они обычно просто терпят друг друга.

Хватает ли ребенку отцовской любви?

Выше мы рассматривали случаи недостаточного отцовского внимания. Добавим к этому, что сразу после родов ребенок ощущает это не слишком сильно, но потом дети обнаруживают особенное притяжение к отцу. Через полгода после рождения в детях пробуждается тяготение к отцу. Те малыши, которым не досталось отцовского внимания в утробе, тянутся к отцу настолько сильно, что практически игнорируют мать. В подобных случаях матери подсознательно переживают

некоторую ревность к отцу. Отсюда иногда возникают разногласия между супругами. Если отец не проявил внимания к ребенку, то эта недостача, как в девочке, так и в мальчике, потом очень сильно сказывается на их потребности в отце. Для девочки это необходимо, чтобы проявиться в своем женском, для мальчика — чтобы укрепиться в своем мужском. И так как у обоих эта потребность велика, влечение к отцу очень большое. Но бесчувственный отец не может измениться в течение одного года в своей нравственной скудости, поэтому чадо и после рождения, всем сердцем обратившись к отцу, все равно его любви не получает.

При недостатке отцовского внимания и любви по мере вхождения в возраст характер мужских отношений может принять образ глубоко чувственный, а не нравственный. Отсюда появляется мужская пошлость, развязность, свобода ложного мужского достоинства, по которому мужчина может запросто рассказывать подробности своих интимных отношений, свои похождения с женщинами, всю подноготную отношений со своей женой. Все это он может вынести в свою мужскую компанию, посмеяться над всем этим и почувствовать при этом некое свое мужское величие. Все это признаки крайнего отсутствия мужского начала в мужчине по причине того, что от отца не получено должного образа поведения. На сегодняшний день, к сожалению, большинство мужчин пребывает в таком скудном состоянии.

Неудивительно, что мужская среда сегодня легко скатывается к разным пошлостям, шуткам, особенно к высмеиванию всего нравственного, духовного и благочестивого. В нашей церковной среде это выражается в том, что люди, встретившись с каким-нибудь церковным явлением, услышав какие-то слова церковного значения, потом могут весело использовать их в разных двусмысленных обстоятельствах и различным образом унижать и опошлять содержание подлинно церковного. Тут же вплетаются различные шутки, прибаутки по этому поводу, и все святое опошляется.

Все это — признак нравственной дебелисти. Подобное можно встретить и у некоторых женщин, получивших скудное по любви материнское воспитание.

Ответы на вопросы

Как быть, если ребенок нежеланный для других членов семьи и мать скрывает беременность?

Важно, чтобы была материнская забота, внимание и любовь к ребенку, этим мать ограждает и охраняет его. Если при этом и муж хочет ребенка, тогда они вдвоем вполне составляют достаточную защиту для него. Тут уже не важно, что бабушки-дедушки воинствуют. Если же отец

против, тогда дело значительно осложняется, начинается внутренний конфликт в душе ребенка еще до его рождения. Это же сказывается и на моменте рождения ребенка.

Роды на дому и в роддоме. Что предпочтительнее?

В роддоме не всегда бывает исполнено одно важное условие: ребенка должно сразу приложить к груди матери. По исследованиям профессора Аршавского, очень важное значение имеет питание ребенка в первые три дня его жизни. Первые три дня у матери не молоко, а особое молочное вещество, которое называется молозивом. Оно имеет все необходимые питательные вещества в особо насыщенном виде, а также сугубые активизирующие вещества, которые пробуждают в организме ребенка защитные механизмы, нормализуют его внутренний обмен веществ. Обычай отнимать ребенка от груди матери на целых три дня — это сатанинское нововведение, которое придумала советская наука, мотивируя это плохими последствиями молозива для дитяти. В действительности совершаемый отрыв ребенка от матери усугубляет и без того катастрофическое переживание новорожденного.

Для большинства детей этим полагается начало внутреннего душевного разрыва с матерью, который особенно проявится после 24 лет. Правда, многие молодые люди не сознают источника этого отторгающего чувства к своей матери и появившегося впоследствии самодостаточного чувства независимости от нее. Но немало матерей знают, что это то самое откровенное охлаждение внимания к ним и к отцам, которое ведет к экстремному отселению молодых в отдельную квартиру, к умножению взаимного непонимания, даже вражды, и в отдельных случаях заканчивается переводом родителей собственными детьми в дом престарелых. В других случаях (чаще у истеричных девушек и женохарактерных юношей) это рождает болезненную привязанность к матери.

В наше время стали появляться родильные дома, в которых ребенка оставляют с матерью и сразу прикладывают к груди. Конечно, лучше рожать в таком роддоме. Кроме того, присутствие опытных акушеров и медицинская помощь — немаловажный фактор, особенно при ослабленном организме большинства современных рожениц.

Сегодня в большинстве роддомов ребенка отнимают от груди матери. Да, действительно, большинство роддомов продолжает придерживаться этой традиции. С душевной стороны здесь происходит тяжелый кризис. Потому что новорожденный ребенок сразу же ищет своею душою единения с матерью, а вместо этого его отдают чужой женщине. И в течение двух-трех дней он либо кормится от нее (лучший вариант), либо его кормят искусственно. Самое страшное для новорожденного, что он никакого душевного участия за эти первые три дня жизни в себе не имеет, он как бы брошен во тьму кромешную.

Неудивительно, что после таких родов дети становятся чрезвычайно беспокойными, плаксивыми, душевно неустойчивыми, с разными страстными наклонностями. Фактически, с первых дней пресекаются душевное богатство и полнота жизни дитяти. Во время родов и послеродовое время новорожденный особенно нуждается в глубоком окормлении, материнском и отцовском, а вместо этого он оставлен один и получает сразу два стресса — душевный и физиологический. В это время ребенку очень нужна материнская и отцовская молитва. Однако замечено, что большинство мам в это время по начальности своего церковного опыта потребность в молитве теряют, даже забывают о ней. Проходит несколько месяцев, пока восстановится молитва, близкая к той, что была перед родами.

В этом случае очень важно отцовское внимание к ребенку и к матери. Более того, — внимание всей родни. Недаром в благочестивых семьях в самый момент родов и в послеродовое время всегда вся родня сугубо молилась, заказывались проскомидии и служились благодарственные молебны. Все это вместе взятое очень сильно поддерживало и дитя, и мать.

В завершение приведу слова из "Догматического богословия" митрополита Макария о Божием Промысле в жизни человека.

Бог, промышляя о нас:

— дает бытие каждому:

"И не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду. Сам дая всему жизнь и дыхание и все" (Деян. 17,25);

— образует наше тело в утробе матери:

"кожею и плотью одел меня, костями и жилами скрепил меня" (Иов, 10, 11;

Пс. 138, 15);

— дает нам душу:

"Так говорит Господь Бог, сотворивший небеса и пространство их, распростерший землю с произведениями ее, дающий дыхание народу на ней и дух ходящим по ней" (Ис. 42, 5, Еккл. 12.7:Зах.12,1);

— наделяет нас теми или иными свойствами:

"Господь сказал Моисею: кто дал уста человеку? кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым? Не Я ли, Господь Бог" (Исх.4, II; Пс. 93, 9);

— изводит нас на свет из чрева матери:

"Но Ты извел меня из чрева, вложил в меня упование у груди матери моей. На Тебя оставлен я от утробы; от чрева матери моей, Ты— Бог мой"(Пс. 21, 10, 11,138, 13).

Часть II ЭТАПЫ НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА

Лекция 1 Возраст от рождения до 12 лет

Нравственное становление ребенка происходит прежде всего в семье. Школа может оказаться в этом деле большим подспорьем, но ей не под силу взять на себя нравственное воспитание во всей полноте. Это в принципе невозможно. Сегодня мне хочется начать разговор об этом, чтобы вместе с вами рассмотреть: что происходит с нашими детьми, что происходило и с нами когда-то.

Становление ребенка начинается с момента зачатия. Удивительно мудро устроена природа человека: практически уже с этого времени ребенок готовится к взрослой жизни. Детство его следует воспринимать именно как подготовку к этому ответственному периоду.

С 15 до 19 лет человек начинает ощущать себя взрослым. Детство забывается или вспоминается как какой-то светлый, но непродолжительный период. Это ощущение не случайно: оно естественно и правильно. Каждый год, каждый этап становления ребенка является этой подготовкой. Причем каждый период является подготовкой к определенным действиям в мире взрослых.

Детство можно фундаментально разделить на два периода: первый — от зачатия до 12 лет; второй — от 12 до 24 лет. Цикл в 24 года (с двумя подциклами по 12 лет) затем повторяется несколько раз до самой смерти человека. За 12 лет человек проходит два круга триад, когда в нем идет становление духовного, душевного и телесного. Остановимся на двух первых 12-летних периодах. До 12 лет происходит запечатление в себе внутреннего образа действия и внешнего поведения взрослых людей. Как поступают взрослые, — так и ребенок. Ребенок всей душой и зрением своим открыт к тому, чтобы брать и брать пример со взрослых. С 12 лет начинается период самостоятельности, когда ребенок должен на собственных поступках проверить и утвердиться в том, что он запечатлел. Внимательный анализ показывает, что главное психологическое содержание этого возрастного периода не самоутверждение, а проявление самостоятельности.

В тех семьях, где идет самоутверждение родителей друг перед другом, оно, естественно, запечатлевается детьми и затем, в самостоятельных поступках, проявляется как самоутверждение. В тех семьях, где родители утверждают друг друга, где существует атмосфера заботы и любви друг к другу, и дети с 12 лет начинают проявлять заботу. Причем в период самостоятельности всегда усиливается проявление запечатленного. Если запечатлена злобность, то в самостоятельности это будет усиленная злобность, большая, чем родительская. Если же это забота, то она тоже проявится в удвоенном, утроенном варианте. Часто бывает, что собственный ребенок поражает родителей. Забота друг о друге для них привычна, но в ребенке они вдруг обнаруживают такую заботу о близких (дедушке, бабушке, папе, маме, младших сестрах и братьях), которую в себе никогда не замечали. Сегодня много семей живут стихией свободы хотений: каждый пытается утвердиться в своих желаниях. И в результате главой семьи становится то жена, то муж. В первые годы супружества может быть муж, потом — жена. Иногда смена ролей происходит в течение дня: утром это жена, вечером — муж; иногда в течение недели: три дня — муж, четыре — жена. Все зависит от внутреннего настроения супругов, от внутренней силы каждого из них, от их индивидуальных качеств, начиная с истеричности, кончая жестокостью или черствостью (первое — свойство женщины, второе — мужчины).

В результате, в атмосфере, где власть постоянно переходит из одних рук в другие, дети получают очень большую свободу проявления собственных желаний. Они начинают лавировать между папой и мамой. Если в семье есть бабушка и дедушка, время от времени берущие власть на себя, то уж тут поле деятельности для проявления детской самостоятельности и всяческих хотений преогромное. Естественно, что дети в таких семьях становятся настоящими диктаторами. Они в центре внимания. Ревность родителей, бабушек и дедушек вызывают дети. И, в конечном счете, мама на вечернем совете заявляет: "Когда я одна с ребенком, он шелковый. А как только вы все собрались, ребенок изменился! Вы виноваты в этом!". Но папа не согласен: "Когда он со мной — лучше ребенка не бывает, а ты появилась — все сразу кувырком пошло!". Выслушав все это, бабушка возражает: "Ничего подобного, когда он со мной, он шелковый, а вот пришли родители и все нам нарушили".

Что же происходит? Оказывается, ребенок обладает удивительной душевной приспособляемостью, очень чутким знанием и слышанием того, что происходит в душе взрослых, и ведет себя соответственно тому, что от него ожидают. Причем адаптивная способность у детей очень велика и направлена на сохранение мира и лада. Ребенок стремится, чтобы его собственный мир обязательно был обеспечен. И благодаря этому он подстраивается под взрослого, хочет или не хочет того взрослый. Ребенок по природе своей стремится к миру с теми, с кем он живет, потому что немирное состояние для ребенка невыносимо. Недаром ведь дети бегут из дома, где им плохо. Они бегут, чтобы сохранить себя, мир свой сохранить. Они могут бежать к кому-то конкретному человеку или же в поисках взрослого, под которого смогут подстроиться и с кем удастся этот мир сохранить. Поэтому, оставаясь с бабушкой наедине, они подстраиваются под бабушку, остаются с мамой — под маму, остаются с папой — под папу. Естественно, что с каждым из них ребенок находит общий язык. Но вот они собрались вместе, и ребенок уже не знает, как быть. Если вначале он теряется, то вскоре он находит сильное лицо (дети очень тонко это улавливают), причем именно то лицо, какое является сильным в данную минуту, и это лицо избирает своим покровителем. Очень часто сильное лицо, переругавшись со всеми остальными, защищает интересы ребенка, а ребенок радуется: он получил свое.

При противоречивом состоянии взрослых, когда каждый из них находится во власти собственных хотений, ребенок обязательно получит желаемое.

Естественно, что ребенок в такой семье с 12 лет будет проявлять именно самоутверждение и ничто другое. И в школе, и в классе мы это отчетливо увидим.

Увы, детей, проявляющих заботу о других, а значит, и семей, дающих детям такое запечатление, сегодня крайне мало.

Обозначив периоды в 12 лет, давайте в целом рассмотрим, что происходит в каждом из них и как отражаются эти периоды на протяжении всей жизни человека. Несмотря на то что мы будем рассматривать периодизацию до 24 лет, мы заденем все остальные возрастные периоды жизни человека, потому что иначе не будет понятна та фундаментальность вкладываемого, которая происходит в детстве у каждого из нас.

Перед разбором периодов остановим внимание на законе последовательности запечатлений. Суть его заключается в следующем: то, что в жизни взрослого является наиболее существенным, значимым, в ребенке запечатлевается прежде всего.

Так, наиболее важным, первостепенным, на наш взгляд, является духовное развитие. Именно с этого начинается становление человека в утробе матери. Резерв сил, которые будут затем поддерживать человека до самой смерти, в действиях правды, добра, в истинной любви к людям

и к себе, закладывается в первый период — внутриутробный. Точнее сказать, ребенок в утробе матери запечатлевает духовную способность опираться на тот или иной объем благодатных сил. Потом, после рождения, этот объем будет либо умножаться, либо оскудевать в человеке в зависимости от того, как поведут воспитание его родители и как будет относиться к полученному богатству сам человек.

Внутриутробное становление — это прежде всего запечат-ление душевных сил матери, ее душевного состояния, проявляющегося в отношении к отцу, детям, если они есть, к собственным родителям, то есть бабушкам и дедушкам, и вообще к людям, с которыми она встречается дома и на работе. Ребенок внутренним, духовным зрением запечатлевает состояние души матери. Вот идет злоба на маму. Ответить можно по-разному: злобой или терпением, прощением или любовью. Но случается, что у мамы больше нет сил терпеть, и она впала в состояние душевного дискомфорта, бессилия, отчаяния, сорвалась в досаду, обиду, раздражение, гнев. Вот это состояние душевной скудности запечатлевается ребенком в неспособности любить, заботиться, терпеть. Естественно, что такие дети после рождения легко срываются в истерику, злобу. Едва задень, — начинается плач, чуть потребуй — в ответ упрямство или гнев. У ребенка сил нет находиться в добром расположении к людям.

В возрасте 5—7 лет такие дети проявляют очень сильную неврастению, выставляют свое «я сам» и упорствуют в нем, часто капризничают, обижаются, постоянно болеют, подсознательно используя болезнь как способ управления родителями, добиваясь таким образом их повышенного внимания и особой заботы. Потом, в возрасте 12—14 лет, они душевно неустойчивы, быстро приходят в состояние истерик, внутреннего упадка, озлобления, жестокости, черствости и т.д. У них просто не хватает душевных сил, потому что мать их не дала; а сама она этих душевных сил не имела, находясь в глубоком бессилии перед событиями окружающей жизни. Все свои переживания она и запечатлела в своем ребенке.

Когда все это скажется? Обычно проявляется в возрасте 19 лет. Это переходная точка смысловой перестройки, переоценки ценностей, где чрезвычайно важно для человека иметь душевные силы. Если же их нет, то точку 19-летия, когда происходит расплавление прежних смыслов и приобретение новых, такой человек проходит очень тяжело. Сегодня этот возраст дает очень большой процент сильнейших срывов. Дети, не получившие в утробный период полноты материнского спокойствия, полноты душевной наполненности, в возрасте 19 лет дают психические срывы, кончающиеся иногда попытками самоубийства. В последние 10—15 лет в психиатрических лечебницах резко возросло число юношей и девушек, не выдерживающих напряжения жизни. В особенности в трудной ситуации оказываются ребята, служащие в армии, в тех ее частях, где есть дедовщина. Другим удается удержаться в жизни и даже иногда не показывать окружающим своего состояния, хотя при этом душа мается, не зная, где ее место, где ее дело. Чувство пустоты, бессмысленности, разочарования или ранимости, душевной усталости, безразличия, лени не дает что-либо делать или как-то строить свои отношения с людьми. Все это отдаленный результат неправильного внутриутробного становления ребенка, выразившийся в необеспеченности душевными силами, которые мать должна была дать своему ребенку.

Еще одна точка — 30 лет, когда вновь расплавляются смыслы, растворяются стереотипы, почва как будто бы уходит из-под ног. На этих удивительных точках развития, мудро заложенных в природу человека, мы еще и еще раз получаем возможность услышать совесть, дарованную нам еще до рождения, ради умножения которой и назначается человеку жизнь. Если же совесть через мать не умножена в ребенке, если благодатных сил от матери не дано, ребенку оказывается нечем преодолевать переломный период — тридцатилетие. Помаявшись в этой точке и не дав себе труд по духовному укреплению, человек выбирает для себя душевный или, что хуже, чисто телесный путь развития. Тогда следующее десятилетие он отдает умножению своих материальных богатств. В этом случае его ожидает прохождение 4-й точки — восстановление его совести. Это точка 40—45 лет, в которой у человека могут быть очень тяжелые состояния, особенно у женщины. И те, у которых внутриутробное становление проходило со скудостью душевной, период 40—45 лет проходят обычно трудно. Там же, где мать, в утробе носящая ребенка, находится в уравновешенном, спокойном состоянии, где она является центром заботливого внимания всех окружающих и особенно мужа, будущего отца, где она покрыта его любовью, там будущая мать исполнена внутренних сил, обращенных к ребенку, исполнена благодарности, обращенной к мужу, к окружающим людям. Мало того, когда женщина носит ребенка — это особое таинство, которое пробуждает в ней совершенно новые силы.

Пробуждение женщины как матери начинается именно с момента, когда она почувствовала в себе ребенка. И это таинство постепенно растет в ней. Совершаясь, оно превращает ее в совершенно иного человека, сосредоточенного на внутренней жизни. И благодаря этому мать становится оплотом покоя в доме, потому что в ней происходит творение новой жизни. Не ребенок творится, а жизнь. И жизнь совершенно особая, новая. Нося эту жизнь, женщина несет в себе тайну. Она несет в себе покой той жизни, которая в ней творится. В момент рождения ребенка происходит сильное душевное пробуждение, и мать становится центром в доме. Отец невольно прислушивается к тому, что в ней происходит, и она, естественно, передает это состояние окружающим.

В православной традиции периоду вынашивания ребенка всегда придавалось и придается особое значение. Мать, носящая в себе ребенка, часто бывает в храме, исповедуется, причащается, дома больше бывает в молитве.

К сожалению, сегодня молодых матерей, которые переживают такую глубину внутреннего покоя, очень мало. Многие молодые женщины, нося ребенка, из-за неполноты их собственного детства этого не переживают. Очень тяжело смотреть на сегодняшних девочек, будущих матерей: уже сегодня видно, что такими матерями они не станут, у них такого пробуждения не произойдет, если только что-то кардинально не изменится в их жизни. Может быть, к пятому ребенку произойдет, но с первым этого не будет. Первые дети — уже невольно обреченные дети.

Роды — момент перехода в новую среду, резкая смена внутренних переживаний младенца. Если до этого он воспринимал лишь свое духовное «я», а душой и телом был соединен с матерью до полного слияния, отождествления с ней, то после рождения, когда рвется пуповина, когда оставляется материнское лоно, младенец впервые начинает воспринимать свое душевное и телесное «Я». Факт прорыва в новые переживания ребенка запечатлевается на всю жизнь в подсознании человека. Печать душевных, чувственных переживаний может перекрыть духовный опыт утробного становления, особенно в тех случаях, когда мать не могла или не хотела хранить себя в мире и тишине, пока носила ребенка. Скучная одухотворенность матери и ребенка перекрывается на многие годы громом новых чувственных переживаний во время родов.

Наиболее выраженная перекрывающая печать накладывается в момент асфиксии, когда младенец переживает удушье из-за трудных родов или если он обвит пуповиной. У таких детей бывает в той или иной степени пресечено чувство совести. Нередко они проявляют склонность к преступной или иной аномальной жизни. Они не знают внутреннего руководителя своих действий. Духовное останется для них областью незнаемого до тех пор, пока уже во взрослой жизни печать родов не будет снята каким-то образом.

После рождения начинается второй период становления ребенка. Он длится до 3 лет. Это время душевного развития. Но вернемся к периодам становления детей.

Ребенок рождается. В этот период дети запечатлевают способ общения людей, прежде всего матери и отца. Что это такое — общение? Внимательно, душевным взором, чувством вглядываются дети во взрослых, в то, что происходит не только в их внешнем поведении, но и на душе у каждого из них. Не моргая и не смущаясь, искренне внимая, малыш может смотреть на взрослого несколько минут. Нередко мать после ссоры с мужем подходит к малышу, усилием воли согнав с лица напряжение, и начинает говорить ласковым голосом. Она полагает, что тем самым скрывает от ребенка неприятное происшествие. Однако на душе у нее беспокойно. Всплески раздражения, обиды продолжают жить. И ей невдомек, что младенец душевным зрением чувствует и запечатлевает не столько внешнее поведение, сколько внутреннее состояние ее души. Многие матери замечают, что дети на одних взрослых реагируют плачем, к другим тянутся, хотя и видят их впервые. Каким-то образом дети распознают взрослых. Порой, даже находясь в другой комнате, заливаются плачем и не могут успокоиться до тех пор, пока чужой человек не уйдет из дома.

В эти три года девочки схватывают женский способ отношения к миру, мальчики — мужской. С полутора до двух лет и с двух с половиной до трех лет мальчик запечатлевает именно отца. Мать это обнаруживает в очень простой форме. Ребенок вдруг начинает больше тянуться к отцу, хотя до этого момента или же после этого охотнее общается с матерью. И это естественно, это нормально. Мальчик в эти периоды запечатлевает внутреннюю жизнь отца.

Нередко матери, в которых не пробудилось чувство материнства, а по этой причине не открылась материнская мудрость, начинают ревновать ребенка к отцу. Пробужденная же материнская мудрость радуется этой обращенности мальчика к отцу. В этот период пробужденную отцовскую мудрость ребенок чувствует особенно остро и охотнее общается с ним, чем с другими членами семьи. К сожалению, в наши времена дети имеют возможность запечатлевать мужской способ поведения в очень ограниченном наборе действий отца: в чтении газет, журналов, просмотре телепередач, отношениях с близкими. Нередко поведение отца укладывается в два действия: прибежал — убежал. Ничего удивительного, если таким же отцом будет и этот мальчик, когда вырастет и создаст семью. Если это не принять во внимание, то потом будет трудно понять, что происходит с сыном, когда он, став отцом, провоцирует в своей семье ссоры, раздоры, почему он, все правильно понимая умом, не может справиться с собой.

Запечатление в душе до некоторого периода не осознается. Вы можете говорить своей дочери или сыну: "Ты неправильно поступаешь, супружество твое проходит неверно", но она или он этого не услышит, потому что имеется определенная закрытость, замкнутость на узнавание в себе неправды. Должен пройти какой-то срок, прежде чем человек начнет слышать голос родителей. И происходит это из-за того, что запечатление от родителей внутренне защищено от разрушения.

Существует особый механизм запечатлений до особого срока. И пока этот срок не настанет, запечатленное будет работать как единственный закон действия. Лишь дети, которые минуют законы запечатления либо коснутся их слегка, еще способны, будучи подростками или в юношеском возрасте, иметь внутренний взгляд на самого себя. Для этого необходимо вести воспитание детей в культуре духовного развития и становления. Об этой культуре разговор у нас еще впереди.

Если же такой культуры нет, тогда только после 30 лет, а иногда и после 40 в нас постепенно открывается зрение на собственные ошибки. Происходит открытие душевного зрения, и мы начинаем видеть, что то, против чего мы боремся в своих 20—30-тилетних детях, оказывается, посеяно нами. Пока мы в себе этого не перестроим, в них перестройка состояться не может тоже.

Возраст с 3 до 5 лет — это возраст телесного развития, когда внешней доминантой психической деятельности ребенка является игра, а внутренней — обретение взрослых смыслов жизни. В четыре года идет активизация способностей.

Живительно все устроено в природе человека: именно в этот период дети, запечатлев в предыдущем возрасте, как нужно обращаться с окружающими, начинают активно постигать смысл их жизни. Недаром, именно в этом возрасте они играют во взрослые игры: в дочки-матери, продавцов-покупателей, водителей и строителей. Дети ухватывают то, чем взрослые живут, причем ухватывают по самой сути. В детских садах сегодня обнаруживают неожиданные игры, какие раньше, наверное, и придумать было нельзя. Например, одна воспитательница рассказала

мне об игре, которую она наблюдала в своей группе. Называлась игра «Мы в очереди поссорились». Для этого дети выбирали продавца, директора магазина, тех, кто стоит в очереди, и одного опоздавшего, который пытается стать в начале очереди. Идет обмен репликами, затем в перепалку ввязывается продавец, игра заканчивается тем, что приходит директор магазина и наводит порядок. В эту игру дети играли с большим азартом. Анализируя ее вместе с воспитательницей, мы обнаружили, что через игру происходит установление иерархического статуса в группе дошколят. Оказалось, директорами всегда выбирались одни и те же 2—3 ребенка. Еще трое, приближенные к ним, по очереди становились продавцами, основная часть детей была очередью, а несколько гонимых, унижаемых в группе становились опоздавшими. Правда, среди них обнаружились дети, которые имели в характере выраженный авантюризм. Им нравилось переживать то, что происходило между ними и очередью... К сожалению, это картинки нашей жизни! Смыслы, схваченные в этом возрасте, идут затем как фундаментальные запечатления через всю жизнь. Даже когда сам человек начнет перестраиваться, осознавая, что так, как он поступает, поступать нельзя, внутреннее запечатление будет удерживать в образе запечатленного.

Не менее значимо и то, как играют дети в эти взрослые смыслы. Не просто — во что играют, но именно как играют. В последнее время увеличилось количество жестоких игр, равно как и проявлений жестокости в самой игре. В тех же «дочках-матерях» матери бьют своих детей, мальчики берут ремень, хворостинку. Обнаружилось, что и дети, играя, часто имитируют различные истерики, а то и ссоры, и драки. В играх обнаруживаются смещения в смыслах жизни взрослых, которая проходит на глазах у детей. Вместо заботы — все большее смещение в индивидуализм, который усиливается одно-возрастным составом групп, закрепление своего места под солнцем (в детском саду — относительно воспитательницы) и отработка приемов удержания найденного положения; внешняя импульсивность, эмоциональность становится страстной, до азарта, до истеричной обидчивости, или драчливости вместо глубины чувств, вдумчивой неспешности, внимания к событиям и друг ко другу.

Дети играют образы городской суеты. Извечные смыслы из их игр исчезли.

Видимо, сегодня детям нужно помогать играть. Причем не просто быть с ними в игре в качестве воспитателя или родителя, что называется "пасти", а присутствовать в игре. Дети должны играть сами, внутренне пребывать в игре. Если воспитатель или родитель будут доминировать над детьми, то дети не научатся играть. Оказывается, дети, не игравшие в возрасте трех-пяти лет, не способны играть и в возрасте 7—16 лет. Они не идут играть во двор, им неинтересно там, потому что они не запечатлели игру как игру. Более того, взрослые смыслы жизни для них малопривлекательны. В возрасте 12—14—16 лет, когда мы начинаем с ними говорить о том, что такое вообще смыслы взрослых, они воспринимают этот разговор как чужой, надуманный. В последнее время детей, которые способны выходить на серьезные разговоры о смыслах жизни, становится с каждым годом все меньше и меньше. Причем наблюдается катастрофическое падение интереса старшеклассников к серьезным, осмысляющим разговорам. В чем дело, почему? Похоже, что это относится прежде всего к городским детям и прежде всего к детсадовским. Причем наблюдается также следующая закономерность: склонные к авторитаризму воспитатели детских садов дают

наименее способных к осмыслению детей. Более человечные, любящие, позволяющие детям быть детьми в дошкольных учреждениях трудно приживаются.

Придя в начальные классы школы, детсадовские дети очень часто попадают в унисон с авторитарными учителями. Бывшим детсадовцам с ними легко. Удивительная ситуация: оказывается, именно среди детсадовских детей, попадающих в начальную школу с авторитарным учителем, немедленно обнаруживается определенное количество ябедников и властолюбцев. Из детского сада они запечатлели это, а в школе запечатленное стало приветствоваться учителями. Очень скоро обнаружится некоторое количество верховодов, особенно девочек, которые займут командные позиции в классе. Почему? Потому что они запечатлели в возрасте от трех до пяти лет командующую воспитательницу и ее способ поведения. Он стал и их способом поведения, когда они попадают в начальную школу, где встретили авторитарную учительницу, точно таким же образом ведущую свой класс и любящую именно таких детей, как наиболее удобных, ибо делают все так, как она скажет. В число принимаемых попадают и те дети, которые всего боятся и при малейшем повышении голоса тут же складывают ручки на парте.

Возраст от 5 до 7 лет — этап воспитания духа, начало триады, время строгого послушания. Тело и душа в строгости. Смотрите, как направлены в ребенке душевные силы, заложенные в утробе матери: сначала на восприятие человеческого общения, потом на запечатления взрослых смыслов жизни, и теперь, с 5 до 7 лет, труд становится центром внутреннего внимания ребенка.

В нравственной психологии выделены три вида трудовой деятельности: самообеспечение, работа и труд. Самообеспечение — это действие по удовлетворению личных натуральных потребностей человека (ребенка) в пище, телесном комфорте, уюте. Работа — это действия по способностям, то есть различного вида занятия: умственные (интеллектуальные), музыкальные, изобразительные, ремесленные, технические, пластические, спортивные, танцевальные и так далее. И, наконец, труд — это или отклик на нужду, или выполнение трудового действия из послушания (из любви). Последнее есть то, к чему ребенок открыт на внутреннем плане, на внешнем в нем открыта готовность к работе. От родителей зависит, в чем будет происходить закрепление ребенка, куда пойдет запечатление больших резервов душевных сил.

Однажды ко мне на педагогическую консультацию пришла мама восьмиклассника. "Не знаю, что делать! — посетовала она, — приходит сын из школы, включает магнитофон, ложится на кушетку и 4—5 часов без перерыва слушает. Не спит, не дремлет. Активно слушает". Я представил себя и своих знакомых на месте этого подростка и понял, что нам такое не по силам, даже если будет выбрана любимая нами музыка. У нас сил не хватит. А у них, подростков, хватает. Откуда?

Начинаем выяснять. Оказалось, что в возрасте 5—7 лет мама сажала сына перед телевизором и занималась домашними делами. Что же теперь удивляться, что для выполнения зрелищного действия в подростке запечатлено больше душевных сил, чем для трудовых действий. Вот и

получается, что всякий раз, когда возникает потребность что-либо сделать, у него пропадают силы.

К примеру, вернулся подросток из школы, а мама говорит: "Подожди, не раздевайся. Хлеба у нас нет. Сходи в магазин". Десять минут — туда и обратно, но у подростка в душе все словно упало: руки опустились, чувство разочарования и конченной жизни захватило его всего. Мама уже сердится. Ей кажется, что он упрямится, вредничает, что он эгоист— Ей невдомек, что в сыне действительно нет сил для выполнения действия по нужде; и всякий раз, когда от него требуют что-либо сделать, он вынужден совершать над собой огромные усилия по переводу сил души от зрелищ к нужде семьи. В детстве, в пять-семь лет, мама не дала ему условий правильного запечат-ления, а теперь восстановить правду будет непросто.

Работая в школе организатором внеклассной работы, как-то зашел в 9-й класс. "Ребята, — говорю, — машина с партами пришла, нужно разгрузить". "Когда?" — спрашивают. "После уроков," — отвечаю. "Вау!" — и почти нулевая реакция. Откликаются один-два. Чувствуя ошибку, захожу в другой класс и начинаю сначала: "Ребята, нужно разгрузить ма-шину, пришла с партами . гч.огда."! — L-еичас! — Ура!!! — полетели...

Они откликнулись на мою нужду? Ничего подобного. Они откликнулись на возможность весело провести время, потому что на самом деле перекидать парты для ребят 9-го класса ничего не стоит.

В 30-е годы XX века у нас в стране произошла кардинальная перестройка в педагогической науке. Педагогика отделилась от психологии. Еще раньше произошло отделение школы от Церкви и уничтожение всего, что составляло духовное основание педагогики. Родился всадник без головы. В практику воспитания он вошел с лозунгом, которого до этого не знал ни один народ, ни одна нация: «Детям — счастливое детство». До этого детство всегда было временем подготовки к взрослой, сложной, трудовой и ответственной жизни. Вместо этого появилось время беззаботное.

Каждый раз вспоминаю бабушку, у которой мне пришлось квартировать, когда я преподавал в подмосковной сельской школе. С утра, ни свет ни заря, она вставала. Несмотря на 78 лет, весь день была на ногах. Огород, куры — все требовало ее внимания и заботы. Только к вечеру, бывало, присядет, чтобы поесть и немного посмотреть телевизор, да и ложится спать. Я иногда помогал ей. Однажды решил помочь основательно — все воскресенье посвятил этому. Мы вместе с ней занимались огородом. К обеду я ее спросил:

Баба Маша, можно я немножко прилягу?

Конечно, сынок, приляг.

Я прилег. Думал, что полчаса полежу, а проснулся только через 2 часа. Выхожу в огород, спрашиваю:

Баба Маша, а вы-то отдохнули?

Отдохнула, — говорит.

А я вижу, как она отдыхала: все, что выпололи и что в меж-грядье валялось, она собрала и вынесла за пределы огорода. К вечеру я ее спрашиваю:

Баба Маша, неужели вы не устаете? Она говорит:

Да бывает, бывает иногда...

Для меня было совсем непонятно, что это такое? Много лет спустя, изучая психологию труда, я понял, что же происходит с бабой Машей, со многими бабушками и дедушками ее поколения. Возраст детства (5—7 лет) у них приходился на 1905—1915 годы, время, когда основное население составляли селяне, когда детям было не до развлечений, да и традиции деревенского воспитания были строгими. Баба Маша вспоминала, что с 4 лет отец отправил ее на огород и основную часть детства она провела там.

Неужели не хотелось поиграть, как сегодня дети играют?" — спрашиваю.

"Как же, отец так задаст... Не до игры было. Конечно, немного играли, но больше работали", — отвечала она.

Неудивительно, что душевные силы благоприятного для запечатлений возраста легли в трудовое действие. Теперь даже за обеденной беседой она не могла сидеть больше получаса. Я еще и час и два слушал бы ее, а она уже занялась хозяйством. Так ей спокойнее.

Большая часть нас, 40—45-летних, воспитаны в сердобольных родительских руках, при родителях, которые, не очень-то осознавая это, больше ублажали нас, нежели формировали. Поэтому по способностям мы можем очень много и долго работать. Например, математик по способностям готов 12 часов провести в институте и в 10 вечера прийти домой, то есть силы есть, и их много. А попробуй он не по способностям сделать какую-либо работу... Приходит домой. Жена встречает известием: "Карниз упал, нужно подвесить". А он чувствует, что нет никаких сил браться за дело, и просит отложить. Жена согласилась. Он идет мимо своего стола, вспоминает, что какую-то задачу на работе не доделал. Садится за стол и до 2—3 ночи работает над ней. Силы появились. Получается: по нужде — сил нет, по работе — есть.

Так же и женщины знают за собой аналогичные состояния. Кто-то избегает мытья полов, кто-то — стирки, потому что душевных сил на стирку нет, не было такой привычки в детстве. Кто-то избегает глаженья. Постирать — постирает, а вот гладить — нет никаких сил. Когда приходится все-таки делать, то мука-мукой. Кому-то не по силам готовить, кому-то не по силам утешить мужа. И так далее. Это значит, что период от 5 до 7 лет, то есть период становления трудового отклика, проведен в праздности, в беззаботных играх или занятиях по способностям. На самом деле, все народы многовековым опытом интуитивно знали об этом периоде. И существовали обычаи и традиции во всех народах, в том числе и в русском народе. На Руси от 5 до 7 лет дети 2/3 свободного времени (исключая сон и еду) проводили в труде. Их понуждали к этому. Причем в таком труде, который связан непосредственно с результатом, ведь дети все очень конкретно воспринимают.

Когда мы сейчас говорим: по труду и зарплата, сегодняшний подросток понимает это с трудом. Головой это можно еще понять, но внутренним опытом нельзя, потому что связи между трудом и тем, что подросток на столе имеет, у него нет. Иное дело — село. Ребенок 4—5 лет посадил семена на грядку. Появились ростки. Если их не поливать, они засохнут, не проредить и не прополоть, — плохо будут расти. Растения сами просят. И это нужда первого порядка. Но вот созрел урожай. Ребенок несет выращенное им с грядки на стол и видит, как радуются домашние зеленой пище. Ребенок видит нужду второго порядка. На следующий год ребенок снова посеет семена, но не только из любознательности: теперь его начинающийся труд будет исходить уже из домашних нужд. Впечатления детства откладываются в душе ребенка на уровне безусловных рефлексов и потому имеют глубину и большую устойчивость.

Сегодняшний городской человек, да и сельский тоже, уже не имеет конкретной связи между трудом на грядках и теми продуктами, которые он видит на столе. Привить эту связь через знание, то есть через слова, невозможно. Опыт трудовых отношений обретается сегодня у юношества только с 18—19 лет; у тех, кто кончает институт, — только с 23 лет, а если ребята еще и в армии служат, то и вообще с 25 лет. В результате человек просто не может понять, что от него хотят. От него ждут просто работы, а у него нет внутреннего движения — стимулов, престижа, угрозы наказания и так далее. В его памяти нет таких образов (а именно они побуждают человека к действию), в которых работа была бы соединена с людьми. Например, продукт, который он производит, был бы предназначен непосредственно для людей, тем более, если это пищевой продукт. Если он выпускает одежду, то душой должен чувствовать тех, кто будет ее носить, и для них делать. Вот этой связки у него нет, потому что в детстве конкретно не уложилось, поэтому он внутренне этого не понимает. Он может понять лишь одну связку «работа — деньги». Связка «работа — человек» сегодня практически не существует. И в этом катастрофа. Трудно в этих условиях добиться качества продукции. Человек не имеет сил для качественной работы. Другое дело, если за плохое качество будут наказывать деньгами, тогда он вынужден заботиться о качестве, но это качество не обеспечено резервами душевных сил. И тогда работа становится в тягость, человек ее избегает. И не только молодежь, но и мы, взрослые, тоже нередко избегаем работы, потому что в нашем детстве уже не было традиций трудового становления.

До сих пор мы говорили о трудовом становлении в возрасте 5—7 лет. Теперь пришло время говорить о духовном становлении, когда душевному и телесному узко, духовному же свободно. 5—7 лет — время строгого послушания и любви, когда родительская строгость от любви встречает согласие детей в послушании, когда послушание происходит от любви. Это время особой активности воли, свободной воли, которая учится различению и выбору. Нужно учиться различать послушание от своеволия, любовь — от хотения, совестливое — от бессовестного. Различение это поддерживают или не поддерживают в детях родители. В последнем случае дети под давлением родительского примера теряют естественное чувство духовного или сильно в нем подавляются. Одновременно с этим дети запечатлевают неразличающее состояние родителей, то есть состояние, когда такому различению не придается никакого значения. Родители живут по свободному движению душевного и телесного, не обращая внимания на свое духовное, тогда духовное детей тоже утопает под плитой душевного и телесного.

Дети учатся, мы сказали, различению и выбору между духовным и чисто душевным. Одно действие — различать, другое — совершать выбор, то есть следовать тому или другому из различенного. Часто духовное, уже различенное, бывает столь мало по звучанию, столь слабо по голосу, что без поддержки самого человека, без устремления его воли к исполнению образа духовного, образа совести оно само состояться не может. Власть хотения душевного, хотения своеволия так велика, что подвигает волю ребенка к исполнению своего. Ребенок говорит: «Я сам! Не хочу этого, хочу того! Не хочу так, хочу эдак!». Если это «я сам» до 5 лет в ряде случаев еще позволительно, более того, необходимо как научение самостоятельному действию (при условии, что действие не идет вразрез с совестью, не является попиранием образов духовного), то после пяти лет воля ребенка должна вводиться в рамки строгого послушания.

Воля ребенка научается выбору совестливого, духовного через послушание родителям. Такое послушание может быть праведным и неправедным. Если послушание из страха, оно неправедно. Еще более вредно послушание из лести, ради похвалы или из желания что-либо иметь. Дети выказывают такое послушание всегда только в тех случаях, когда родители собственными действиями создают для этого условия. Строгость родителей, сопровождающаяся раздражением, гневом, истерикой, рождает послушание из страха. Невоздержанная похвала торопит послушание из лести или из желания угождать хвальному. (Дети часто стараются быть хорошими только потому, что их за это обильно хвалят.) Обещание награды, различные посулы («Если сделаешь то, получишь это») ведут к послушанию от желания иметь.

Праведное послушание исходит из любви к родителям. Люблю, потому и слушаюсь. Любовь в этом возрасте одновременно закладывается и как чувство почитания родителей, чувство, которое сегодня во многом утеряно. Оно нередко заменено прагматическим уважением. Уважением силы или, чаще, уважением того, от кого что-либо получают: пока получаю, — уважаю, перестал получать, — прекратил уважать.

Чувство почитания, обращенное сначала к родителям, потом обращается к любому старшему, к любому опытному и тем более любому мудрому. При этом почитание в основе своей обращается

именно к старшему и уже внутри этого чувства умножается с опытом и мудростью старшего, поэтому даже глупый старший может рассчитывать на почитание. Это то, в чем будет не отказано ни одному старшему, если только он сам не попирает образы духовного.

Активная воля ребенка в этом возрасте опирается на тот образ, который преподали ему родители своей жизнью до пяти лет и продолжают преподавать с 5 до 7 лет.

Если сами родители уклоняются от образов совести, действуют по своеволию, ребенок тоже при активизации воли будет заявлять свое «я сам». И тут уж чья воля окажется активнее и сильнее. Родительское своеволие над ребенком рождает желание получить от него требуемое во что бы то ни стало. Отношения разворачиваются до тех пор, пока мать или отец не сломаются. После этого начинаются неудержимый крик, побои, злоба или отчаяние, обида, плач или подчинение воле ребенка, ублажение его, исполнение всех его прихотей.

Любовь к детям, в отличие от своеволия, может проявляться в истинной строгости, которую дети слушают. Строгость оберегает детей от их же своеволия, защищая в них красоту и чистоту совестливого, бережность и заботу к чувству родителей, бережность и заботу к чувству любви. Так как мы, родители, сами далеки от совершенства, то и в детях посеяны к этому возрасту и образ любви и послушания, и образ своеволия.. При активизации воли мы увидим в них и то и другое — на внешнем плане — дерзость, упрямство, на внутреннем, наоборот, — стремление к любви и желание слушаться родителей. Поэтому этот возраст можно назвать парадоксальным, если родители смогут не реагировать на внешний план, а обращаться сразу к внутреннему содержанию ребенка, тогда мир будет в доме и запечатления будут исполнены в поддержании образа духовного.

В возрасте от 7 до 10 лет на внешнем плане ведущей деятельностью является учебная, на внутреннем — ученическая. Посмотрите, как мудро все происходит. Сначала обретение духовных сил в утробе матери, затем способы общения от рождения до 3 лет, потом смыслы жизни (от 3 до 5), запечатление труда и послушания (до 7 лет) и, наконец, способность учиться (от 7 до 10 лет), то есть то, без чего в принципе невозможно в дальнейшем обретение мастерства. В возрасте от 7 до 10 лет душевное становление детей, по-видимому, является ведущим. При этом, если до 7 лет в отношениях со взрослыми запечатлевалось послушание, то с 7 лет из него является в душе ребенка живое действие — почитание взрослых.

Трогательная любовь к тому, кого слышит неиспорченная детская душа 5—7-летнего ребенка, рождает в 7—10 лет почитание поддерживающих в нем огонек духовного. Почитание выражается в испрашивании совета и благословения на всякое дело у родителей, у старших братьев и сестер, у учителя. Дедушка и бабушка дают совет, а благословляют отец или мать.

Дети, отданные родителями в ученики, вступают в отношения почитания со своим учителем. В этих отношениях запечатлевается в детской душе образ ученичества как благодарное отношение к жизни и ко всему, что в ней будет во все последующие годы. Почитание учителя закладывается на внутреннем плане, а способность учиться — на внешнем.

Живительно мудро устроена природа человека. В возрасте от 7 до 10 лет дети искренне хотят учиться. И внутренними резервами сил они к этому расположены. Недаром в этот период тот, кто дает им обучение, оказывается наиболее авторитетным человеком. Так происходит потому, что всей внутренней психологической установкой ребенок настроен на дающего учение. При этом, если родители становятся учителями дома в чем-то, то они тоже становятся такими же авторитетными, но в своем процессе обучения. И вот эта удивительная связка помогает ребенку обучаться с радостью.

Есть еще одна характерная особенность. Дети, которые с радостью прошли все три года обучения и запечатлели учение как радость, всю жизнь будут способны учиться. Даже в возрасте 70 лет такие люди способны взять учебник, чтобы постигнуть новое, потому что своевременно были заложены резервы душевных сил. Такая глубокая закладка происходит в возрасте от 7 до 10 лет.

Если ребенок в 1-м классе потерял интерес к учению, то уже в 8-м классе он учиться не будет. Если ребенок потерял интерес к учению во 2-м классе, то в 9-м классе он сойдет в учебе. До 9-го класса он вытянет, а в 9-м вдруг откажется учиться, как будто подрубили парня или девочку. Если в 3-м классе потерял интерес к учебе, то в 10-м ничего с ним невозможно будет сделать. Поэтому всякое требование, жестокость и прочие вещи по отношению к таким детям просто недопустимы и неоправданны. Ничего, кроме ссор с ними, причем на очень глубоких уровнях (неприятие, антипатия, ненависть), не будет. Ребенок, который в 1-м классе перестал учиться, в 8-м классе будет учиться на тройки и при этом получать некоторую радость от троек, и это единственное, с чем мы должны согласиться. Если же мы к такому 8-класснику предъявляем требование, чтобы он вместо троек получал четверки, вместо двоек — тройки, то мы совершаем такой надрыв его душевных сил, на который он неспособен. И его естественным ответом будет злоба. Тогда подросток тянет из последних сил, вдруг в какой-то момент — все предел, надрыв. Дальше только одно: возмущение, гнев, злоба, ненависть и вообще жестокая реакция на притеснение. Как только мы видим негативную реакцию ученика, это значит, что его душевные силы кончились, потому что покрыть злобу можно только душевными силами, чуткостью, пониманием, любовью. Покрыть детское возмущение можно только душевными силами. Мы, взрослые, это по себе прекрасно знаем, до какой-то поры душевных сил хватает терпеть, а с некоторого момента мы срываемся: орем, ругаемся или причитаем, стучим указкой по голове, разбиваем указку пополам. Душевных сил нет!

Так вот, в состоянии отсутствия душевных сил находится сегодня порядка 60% семиклассников в каждом классе. 60% семиклассников не имеют душевных сил для учения. Я уже не говорю о восьмиклассниках, девяти- и десятиклассниках. Единственный способ — уповать на способности. Если есть интеллектуальные способности, тогда на этой энергии интеллектуальных способностей

ребята проходят 9—10-е классы. А если способности интеллектуальные средние или же ниже средних, им необходимо идти работать или поступать в училище, где не будет таких жестких требований в интеллектуальном плане, но будет другая деятельность, по другим способностям. Здесь очень важно взрослым суметь подойти к подростку и суметь правильно сориентировать. Мы же видим, что душевных сил для учения нет. Более того, поговорив с учителем начальной школы, мы знаем, с какого момента отстал ученик, с первого класса или третьего, и знаем, сумеет ли он 9—10-е классы вытянуть. Если он сбился в первом классе, как же он будет учиться в 9—10-х классах? И не надо ему в 9—10-е классы: он их не окончит, поскольку у него на это нет сил. Пусть идет в училище. Родители же не враги своим детям, поэтому, принимая во внимание вышесказанное, полагаю, не станут насильничать собственными детьми и приложат максимум усилий, чтобы направить их на правильный путь.

Возвращаясь к возрасту 7—10 лет, остановимся кратко на особенностях обучения детей. Это время, когда душевное становление открыто миру. Он не поделен на математику, химию, физику и предстает перед ребенком во всей своей цельности со множеством оттенков, слитых в одну большую торжественную жизнь.

Я вспоминаю весну, когда учился во 2-м классе. Высокое солнце, воздух, наполненный ликованием жизни, первая зелень на деревьях, ручьи по всей улице и кораблики, которые можно и час и два пускать в веселую воду. Я — в мире, и мир — во мне как неразделимое целое. Непередаваемо словами это чувство полноты жизни!

Задача школы — не разбить, не высушить, не ожесточить это единение детской души с миром, а напротив, возделывать, бережно сохранять, умножать это богатство, этот дар чувства жизни, дарованный каждому человеку. Если здесь, в начальной школе, он сохранится, тогда всю жизнь человек будет способен целостно чувствовать мир, природу, в которой он живет, людей, с которыми общается. И при всяком возникновении трещин в гармоничной целостности мира он будет чувствовать начало разрушения и искать силы и средства, чтобы восстановить мир, справедливость, правду.

Все это требует совсем иного характера начальной школы, иных учителей, с восстановленным целостным отношением к миру. Это требует большой переоценки всего того, что мы делали до сегодняшнего дня.

Если на внешнем плане идет учебный процесс, то на внутреннем у ребенка формируется ученичество, почитание взрослых и особое отношение к учителю с большой буквы. Душевные богатства детей приумножаются через душевные богатства учителя. Душевная щедрость, тонкость чувства, чуткость к человеку, понимание, слышание, смиренность перед душевной красотой другого — эти добродетели не могут возникнуть сами собой. Это тот багаж, который накапливается всю жизнь, а в данном возрасте пополняется именно через учителя. Человеческие

отношения, которые складываются между учителем и учениками, на многие годы уже взрослой жизни определяют характер отношения к любимому человеку с большим опытом, с жизненной мудростью. Умение выделять таких людей из своего окружения, прислушиваться к ним, ценить их и следовать их советам — великая наука жизни, запечатлевающаяся в своей основе в начальной школе. Отсюда особая требовательность, которая должна проявляться при подборе учительских кадров начальной школы. Первейший критерий — мудрость и утонченное чувство нравственного. Обычно это те качества, которые обретаются уже в зрелом возрасте и к старости. Может быть, не зря у многих народов детей малого возраста обучали неспешные и умудренные жизнью старики, а уже затем передавали зрелым воинам.

Наконец, последний период, который мы рассмотрим сегодня, это возраст 10—12 лет, время телесного становления, время, когда присутствуют все запечатления предыдущих периодов, освящают телесное, задают смыслы действий, формируют атмосферу и настроение. На внешнем плане идет активизация всех способностей, на внутреннем — усвоение трудового действия. При этом если внешний план происходит сам, то внутренний зависит от родителей и взрослых. Без их внимания и помощи правильное становление трудового действия невозможно.

Итак, 10—12 лет — возраст активизации способностей. Удивительно мудро устроена природа человека. После того как способности к научению развернуты и радость интеллектуального учения дает душе силы, открываются другие способности — ремесленные, технические, сельскохозяйственные, организаторские, ораторские и прочие. Всего их 15 видов. У каждого ребенка свой набор, свои доминанты. В этом возрасте дети живут по принципу: «Драмкружок, кружок по фото, мне еще и петь охота». Это нормальное, естественное состояние детей. Они приходят домой и говорят:

Мама, я записалась!

Куда?

В кружок.

Ты ведь уже в два кружка записалась.

Ну и что, я и сюда хочу тоже.

Так ты же не успеешь!

Успею!

— Папа, я записалась в три кружка, а мне предлагают сегодня в четвертый, я запишусь?

Будешь ходить?

Буду.

Записывайся.

И это будет правильная позиция. Иди и записывайся, иди и попробуй, потому что в этот момент способности должны себя пробовать. Все способности. Поэтому утром он будет делать модель, а вечером схватит кубики и начнет заниматься ими. Это перемена способностей, перемена дела. И нередко дети будут хвататься одновременно за несколько дел. Все это нормальное явление, потому что способности пробуждаются — ребенок все хочет попробовать.

Единственное, чему важно их в этот период научить, — это полнота трудового действия. Если труд как отклик на нужду они восприняли от 5 до 7 лет, тогда от 10 до 12 лет трудовое становление получит законченность в трудовом действии. Что такое трудовое действие? Это три ступеньки. Первая — начало трудового действия, вторая — само трудовое действие, третья — окончание этого действия.

Здесь я должен сделать маленькое отступление. Дело в том, что если три ступеньки трудового действия будут в этом возрасте усвоены, то дальше человек всегда будет правильно выполнять любой труд, проблем с этим у него не будет. Мы же, к сожалению, неправильно пройдя в своем детстве этот возраст, часто делаем так: начало труда мы ухватили, включились в него, до середины дошли, а дальше бросили. Либо начало никак не получается, раскачка долгая, тягостная и, наконец, с трудом великим вошли. Начинаем делать, а к концу уже разогрелись, разошлись, идем на подъем. То есть начало не умеем делать. Или же в начале труда вошли, в середине — вдруг — как ушло все, никаких сил нет.

Часто ребенок берется за пять дел одновременно. Одно бросает, едва начав. Три доводит до середины. И только пятое дело приводит к завершению. Пройдет время, ему исполнится больше лет и станет он замечать за собой, что всю жизнь имел привычку браться за пять дел. Одно — бросал в самом начале, три — едва дотянув до середины, и только одно из пяти доводил до конца. И не сразу поймет человек, откуда берет начало такой навик.

Мы выделяем два типа трудового действия: ложное и истинное. Тогда три ступеньки в том и другом будут выглядеть по-разному.

В ложном трудовом действии первая ступенька — задумка. Это мечты, грезы, планы. Вторая — само трудовое действие. И третья ступень — успех. В результате выполнения трех ступеней мы получаем хорошего трудягу, но эгоиста. Он ориентирован на успех и поэтому изначально выполняет действие с этой ориентацией. Поэтому и первый момент, задумка — это планирование успеха. Он заранее настраивается на него. Потом начинает планировать, как этот успех развить, составляет проект своей работы, дела своего, затем начинает это самое дело делать. Делает, достигает успеха, то есть он обязательно должен получить либо похвалу («Молодец, как хорошо

ты сделал!»), либо грамоту, либо еще что-то. В советской системе воспитания существовала специально налаженная, изоциренная система по обеспечению успеха, начиная от простого слова «молодец!», которое каждый родитель отвешивает своему ребенку, путевку в «Орленок» или «Артек». Вообще ситуация «зал и сцена: те, которые аплодируют, и тот, который переживает успех», — дитя советской педагогики на тщеславии формировала трудовое действие. И ничего другого, кроме людей тщеславного успеха, мы не формировали. Двухлетний малыш бежит к маме.

— Мама, я помогу.

— Помоги, — отвечает мама. Малыш помог и вполне удов

летворен тем. Но мама, не подозревая этого, поворачивается к нему и говорит:

— Молодец!

На мгновение малыш приходит в замешательство и растерянность. Но в следующую минуту его лицо уже расплывается в счастливой улыбке, улыбке включенного мамой тщеславия. А мама на этом не успокаивается. Вечером, когда остальные взрослые соберутся домой, мама будет рассказывать, поглядывая на малыша, какой он у них «молодец». Нужно видеть при этом ребенка, как он жеманится, стесняется, водит плечами, счастливо смущается и не знает, куда девать руки! Он еще не освоился с тщеславием, не умеет переживать его как должное, не умеет прятать под маской скромности или равнодушия. Все это еще впереди.

Другое действие — истинное трудовое действие. Тоже три ступеньки, но они совершенно иные. Первая ступенька — нужда, вторая — отклик на нужду. Третья ступенька — чувство благодарности. Все наоборот. И никаких «зала и сцены» быть не может в принципе, никаких аплодисментов, никаких грамот, ничего этого не может быть между людьми. Проявляется совершенно другой стиль отношений.

Здесь может вызвать недоумение чувство благодарности. Может показаться, что речь идет о благодарности тех, чья нужда исполнена. На самом деле три ступени трудового действия относятся к тому, кто нужду исполняет, а не к тому, чья нужда исполняется. Благодарность испытывает сам ребенок. Это благодарность родителям за то, что вырастили, благодарность учителям, наставникам за то, что развили способности, которые теперь позволили возникшую нужду исполнить мастерски. Для верующего человека это благодарность Богу. Чувство благодарности дает силу, чтобы откликнуться на следующую нужду. И это нечто совсем другое, нежели вдохновляющее чувство успеха.

Три ступени трудового действия ребенок запечатлевает при активной помощи взрослых. Если он взялся за како-то дело, пускай берется, только чтобы обязательно все три ступени выполнил. Прибежал ребенок из школы:

— Я записался в фотокружок.

— Хорошо, — говорит папа. — На какой срок? (неожиданный вопрос).

— На целый год.

— На год тебя может не хватить. Давай все же определим срок, на какой срок.

Отцу необходимо, чтобы был конечный результат. Но так как он знает, что не по силам ребенку большой срок или большое дело, то он должен срок этот определить.

На какой срок?

На полгода.

— Многовато, давай сначала попробуем меньше, а потом продлим.

— На месяц.

— Хорошо, месяц ты будешь ходить в фотокружок, а дальше решим.

И вот он неделю ходит. А на второй неделе вдруг:

— Вань, тебе же на фото надо!

Пап, неохота!

Ваня, скажи, кто записался в фотокружок?

Я.

А кто решил, что месяц будет ходить?

Тоже я.

Ну, так что же ты?

И Ваня через силу собирается и идет добиваться своего конечного результата. Что совершается в эту минуту? А он учится пересиливать себя, он взбирается на вторую ступеньку. Пересилить себя неохота, поскольку конец еще не виден. Но Ваня пересиливает себя и идет. Два раза пересилит, а потом прибегает и говорит:

Папа, фото кончилось!

Ура! — говорит папа.

И они вместе радуются. Просто радуются, потому что дело завершено. И вот таким же образом в этом возрасте важно детям разрешить дела, за которые они берутся, но во всем определить окончание, которое было бы по силам ребенку, и это окончание переживать как радость, просто радость исполненного дела. И если это будет, вы увидите, что дети научатся всякое дело доводить до конца. Если при этом дела будут выбираться не только по способностям как работа, но и как отклик на реальную нужду, а исполнение их будет погружено в атмосферу заботы и радения друг о друге, тогда возраст 10—12 лет даст удивительные плоды. Именно этот возраст формирует наиболее чутких заботников, причем заботников, идущих к мастерству заботы, которая исполняется мастерски. А ведь мастерское — это всегда до конца.

Лекция 2. Возраст от 12 до 24 лет

В предыдущей лекции мы говорили, что период с 12 лет — это период запечатлений, когда душевное зрение ребенка открыто и запечатлевает состояние взрослых, при детях что-то исполняющих. При этом прежде всего значимо именно душевное состояние взрослых, то, что они переживают, а не то, что делают. Особенно это явственно для младенцев, которые запечатлевают душевное состояние матерей и отцов, причем мальчики больше воспринимают отцов, девочки —

матерей. В тех случаях, когда до трех лет мать воспитывает ребенка одна, мальчики запечатлевают материнский, т.е. женский, тип поведения. Такое запечатление очень интенсивно продолжается до 5 лет включительно, затем слабеет. Постепенно сила запечатления уменьшается. Поэтому мальчики, воспитываемые до 7—9 лет матерями, обычно сильно феминизированы. Если же расставание с отцом произошло после 9-ти лет, то женского в них меньше, однако быть совсем свободными от него мальчики не могут.

До 12 лет практически мальчики продолжают запечатлевать мать, то есть женский тип поведения. Если же есть отец в доме, то независимо от того, занимается он воспитанием ребенка или не занимается, происходит запечатление отцовского, или мужского, образца поведения. Правда, очень значимо, чтобы мальчики запечатлевали самые различные обстоятельства, в которых отец ведет себя по-мужски. В древности, например, многие народы чисто интуитивно следовали этому, и отцы часто брали с собой детей на работу. Сельскохозяйственный быт позволял отцам держать детей рядом с собой при дворовых постройках, на пастбищах, на скотном дворе, на пахоте, на сенокосе. Во всем этом мальчики запечатлевали мужской образ поведения. Сегодня, к сожалению, образ поведения мальчики запечатлевают в период досуга отцов, а не работы. К 12 годам способность к запечатлению слабеет и начинается резкая перестройка в психике детей. Ребенок вступает в подростковый возраст, когда происходит проявление самостоятельности, то есть активно разворачивается потребность в собственном действии, когда запечатленное до 12 лет должно быть опробовано в самостоятельном поступке. Давайте вспомним периодизацию:

Внутриутробное становление — запечатление духовных и душевных сил матери.

От рождения до трех лет — запечатление образа отношения к человеку, характера общения; при этом включается зрительное, слуховое и тактильное восприятие людей. К материнской реакции на окружающих людей у мальчиков добавляется отцовская реакция.

От трех до пяти лет во внешней психической деятельности — игровой период, но в игре происходит запечатление смыслов взрослой жизни. Дети играют во взрослых и запечатлевают смыслы взрослых поступков, взрослых действий.

От пяти до семи лет значимо запечатление труда, способности к труду. В том случае, когда ребенок 2/3 свободного времени находится в трудовом действии, то есть в отклике на нужду, в душе запечатлевается способность трудиться, и человек уже на всю жизнь имеет постоянную тягу к труду, желание трудиться. Там же, где дети в этот период находятся в праздности, то есть в веселье, в беспечной радости, в просмотре телевизора и прочих развлечениях, в том числе в работе по способностям, а не по нужде, там запечатлевается праздный образ поведения. В результате и в подростковом возрасте, и во взрослой жизни ведутся поиски легкой жизни, полной развлечений. Поэтому нынешние "телевизионные" дети в подрост-

ковом возрасте с удовольствием часами активно слушают магнитофонные записи и с большим трудом откликаются на нужду.

С семи до десяти лет начинается период запечатления учебной деятельности. Здесь приобретаются резерв душевных сил и способность для учения на всю жизнь. Те, кто с радостью учился в этом возрасте, даже будучи взрослыми, могут вновь легко сесть за парту и учиться, и при этом по силам и в радость будет учеба. Там же, где был сбой в начальной школе, в 30 — 50 лет заставить себя сесть за парту бывает чрезвычайно трудно, никаких сил нет заниматься с учебником или лекции слушать.

С десяти до двенадцати лет — последний период запечатления, происходит активизация всех способностей. Главное же содержание этого возраста — усвоение этапов трудового действия (начало, середина и завершение трудового действия) и запечатление либо ложного, либо истинного трудового действия. Всей внутренней расположенностью ребенок склонен к запечатлению истинной трудовой деятельности. Однако в ситуации воспитания, которая начинается с середины 20-х годов XX века, все дети проходят воспитание в ложном трудовом действии, а истинного практически почти не знают.

Но вот интересная особенность: все, что запечатлевалось от рождения до 12 лет, теперь проявляется в самостоятельном действии, но в прямо противоположной очередности. Вся шкала предваряющего запечатления поворачивается и в обратной последовательности начинает разворачиваться в самостоятельных поступках. Вы увидите, что возраст 21 — 24 года — последний завершающий период самостоятельного проявления. Мы называем его "юношеским младенчеством". В этом возрасте активно проявляется то, что ребенок запечатлел до трех лет от своих родителей. При нынешнем состоянии семей в большинстве случаев дети запечатлевают самоутверждающихся друг перед другом родителей: мать перед отцом, отец перед матерью, в семьях часто бывают ссоры, непонимание. Особенно неприятное запечатлевают первые двое детей, так как обычно первые годы, когда только-только устанавливаются семейные отношения, — самые трудные годы. В 21 — 24 года запечатленное формируется в самостоятельное действие. Теперь уже самоутверждение друг перед другом проявляют юноша и девушка. Причем юноша — больше отцовское, а девушка — больше материнское. И особенно трудно становится, если в этом возрасте молодые создают семью. Проявление запечатленного в детстве — это ссоры, почти неизбежное настаивание на своем, и сделать с этим кажется ничего невозможно. Более того, надо иметь в виду, что в возрасте 21 — 30 лет юношество по внутренней упоенности не слышит совета, идущего со стороны, у многих закрыто внутреннее зрение на самого себя. Духовная традиция, благодаря которой формировался навык взгляда в себя, когда с 7-летнего возраста дети должны уметь видеть мотивы своих поступков, утрачена, и поэтому, дожив до 21 года, юноши и девушки совершенно не знают, что это такое: взглянуть на самого себя, искать причину неудач, трудных обстоятельств, неправильных поступков в себе самом. Самодостаточная, самоуверенная или, наоборот, самоуничижительная, тоскливая позиция молодых резко усиливается в 21 — 30 лет, и неудивительно, что юношество не слышит родителей. Советы редко доходят до внутреннего слуха молодых, они слышат то, что сами хотят слышать, идут и делают то, что внутренне ощущают сами. В 21 — 24 года, проявляя запечатленное от родителей, они уверенно настаивают на своем стереотипе поведения. И сразу же обнаруживается, что вот эти двое вышли из разных семей: у жены стереотипы поведения одни, у молодого мужа совершенно другие. И тут может найти коса на камень.

Издrevле все народы старались не заключать браки в этот период. Как правило, женились и выходили замуж до 20 лет. Существовавшие тогда обычаи, традиции строго хранили возраст рождения семей, закрепляли это в психическом знании. Сегодня мы, утратив обычаи и не имея психического знания, потеряли практически все. В результате большинство семей рождается при возрасте молодых 21—24 года, и большая часть из них разрушается, просуществовав от года до трех лет супружества, а оставшаяся с великим трудом доживает до семилетнего рубежа.

С 12 до 14 лет продолжается возраст активизации способностей, а по глубине смыслов — это обретение истинного трудового действия. Причем подростки в этом возрасте очень активны, энергичны, живы, берутся за множество дел. Чтобы самостоятельно действовать, подростку необходимо быть свободным от влияния взрослых. Авторитет родителей падает почти до нуля. Это происходит не за счет внешних условий, это происходит внутри самой психики подростков. И авторитет сверстников становится чрезвычайно значимым. Поэтому девочка может прийти домой и сказать: "Мама, сшей мне вот такую юбку". Но мама убеждает, что этот фасон девочке не подходит и выглядеть в таком наряде она будет некрасиво! Но девочка настаивает и мамин вариант не приемлет, потому что его не одобряют подруги. Девочка, несмотря ни на что, будет твердо стоять на позиции своего окружения.

В этом возрасте за счет тщеславия, то есть эговлечения к положительному мнению окружающих людей, происходит активная социализация подростка. И чем больше этого положительного мнения, тем более подросток зависит от ближайшего окружения. Если же ребенок жил в семье, в которой тщеславие не культивировалось, родители были просты и имели внутренний стержень, то и ребенок будет придерживаться той же внутренней ценностной мотивации, независимой от мнения окружающих людей. Но это происходит только там, где отец с матерью живут в простоте, где нет гонки за тем, чтобы быть на виду у всех, быть принятыми, быть известными, быть выделяющимися. В этом возрасте дети с удовольствием объединяются в множественные группы. Они с радостью формируются в отряды, в которых вступают в различные иерархические отношения, так как для них очень значимо проработать всю структуру по эговлечению гордости и тщеславия. Девочки, которые с первого класса активно доминировали в классе, в этом возрасте становятся суперактивными. Мальчики, которые ранее проявляли уравновешенность в иерархическом подразделении, теперь начинают проявлять внимание к этой иерархии, они хотят занимать какие-то посты, они хотят кем-то в классе состояться. Если в классе не получается, они неизбежно идут во двор, туда, где возможно состояться, и формируются либо в группировки внутри класса, признаваемые со стороны школы, учителей, взрослых, либо в группировки вне класса, вне школы или в скрытые группировки, которые и есть на самом деле вариант самоутверждения.

И действительно, в семьях, где происходило утверждение одного родителя перед другим, дети активно самоутверждаются, потому что именно это запечатлено и должно быть ими проиграно. Социологический анализ, проведенный среди девятиклассников, обнаружил, что всего лишь 17%

детей (это по одним данным, а по другим лишь 3%) проявляют заботу друг о друге. Для остальных детей характерна реакция самоутверждения.

Сегодня ситуация с подростками много сложнее, чем 10,15 и 20 лет назад, и это говорит о нравственном неблагополучии в отношениях супругов.

В возрасте от 12 до 14 лет идет формирование отношений между мальчиками и девочками. Запечатление эротики родительского поведения возможно в следующие периоды: в утробе матери — первый, второй пласт запечатлений особой эротичности или сексуальности — до 3 лет, особенно во время кормления молоком. Третий след запечатлений — в возрасте 7 - 8 лет. Еще один след запечатлений — в возрасте 10 — 12 лет. Если в эти периоды отцовское и материнское поведение было эротическим или сексуально возбужденным, то неизбежно произошли запечатления в подростках. И тогда от 12 до 14 лет идет активная сексуализация отношений между мальчиками и девочками, причем с большим опережением у девочек и с некоторым отставанием у мальчиков. Сегодня девочки опережают на полтора, а в некоторых случаях и на два года мальчиков. И уже в 6-м классе они невольно обращаются в дружбе, в своих симпатиях, приятиях к ребятам более старшим. Мальчики всего этого не слышат, ничего этого как бы не знают, поэтому в классе для девочек они становятся неинтересными, и поэтому менее всего девочки обращаются к своим одноклассникам. Они в 6-м, 7-м классе хотят дружить с ребятами старшего возраста, причем среди девочек очень котируется такая дружба: чем больше девочка общается со старшими, с 8-класс-никами, тем выше она стоит в кругу своих сверстников.

Огульная сексуализация, которая сейчас наблюдается среди подростков, приводит к тому, что разговоры на сексуальные темы становятся обычным явлением. Более того, треть девочек из школ к 8-му классу, как показали исследования, уже имеют практические отношения. Если это происходит, то, естественно, и разговоры об этом являются нормой, скрытой внутренней нормой подростковой среды. У девочек она активна, у мальчиков — пассивна, но тем не менее внимание уже большое, значительное и серьезное.

В этом возрасте дети с радостью и с особым жаром вчитываются в литературу, поднимающую именно эротические, сексуальные вопросы, то есть то, что наиболее их разжигает. Возьмите любую книжку для родителей в плане полового воспитания детей, либо книжку, обращенную непосредственно к детям, — везде и всюду физиологические особенности описываются подробнейшим образом, вплоть до того, что в одной из книжек, выпущенной тиражом 1 миллион 400 тысяч экземпляров, описаны стадии полового акта. Читая это, взрослый человек невольно переживает возбуждение, а уж подросток, у которого восприятие активизировано, тем более. И, поскольку сексуальная картина внутренних впечатлений отягощена родительской сексуальностью, это тем более действует разжигающе.

Восприятие сексуальности через знакомство с книжками или разговоры в процессе общения проходит очень быстро: буквально в течение года — полтора лет. Это как раз и есть возраст 11—14 лет. У разных детей по-разному: у некоторых с отставанием, у некоторых с опережением. В скором времени книжки, которые возможно, уже прочитаны, обсуждены и становятся неинтересными. И попробуйте в 8-м классе выйти к ним с беседой по половым вопросам, как это рекомендовано по программе школы. Поздно! Им неинтересно, потому что для них это уже проработанный материал. И дальше идет либо активная разговорная практика, там, где дети не выходят на реализацию, либо активная практическая жизнь, которая, к сожалению, к 8-му классу дает просто страшные цифры: треть девочек класса уже имеет конкретную практику. А ведь в этом возрасте должно происходить закрепление целомудренных отношений, то есть чистоты отношений между подростками, между юношами и девушками. И эта чистота только в одном случае возможна: если целомудрие в девочках сохранено. Три ведущих действия по хранению целомудрия — это хранение волос, хранение постели и хранение одежды. Если эти три действия исполнены относительно девочек, то через них это обязательно передастся и мальчикам, которые начинают хранить волосы, постель и одежду девочек от взглядов, от прикосновений. Соответственно, у мальчиков происходит становление в этом же чувстве, и тогда целомудрие сохраняется и в юношах и в девушках, и в мальчиках и в девочках.

Сегодня атмосфера воспитания потеряла все эти три действия. Коса исчезла из жизни сегодняшних девочек, хранимая постель исчезла, ее нет. Одежда, хранимая в простоте, тоже исчезла. Девочка уже в пять лет одевается так, как будто на выданье идет. Ощущение красоты, которое возможно только от целомудренного чувства, внутренний вкус к красоте, вкус к одежде, к ее стилю, к подбору цвета — все это происходит из глубин целомудрия человека. Чтобы сохранить это, необходимо сизмальства, до 12 лет точно, мальчиков и девочек одевать в простую одежду. Но одновременно с этим важно, чтобы девочка постоянно занималась одеждой: шила ее, вышивала, украшала орнаментом. Такой одеждой, может быть, в древности была свадебная. Девочка готовила ее, начиная с пятилетнего возраста. Получилась удивительная вещь: прикасаясь к красоте одежды подвенечной, она не имела возможности надеть ее на себя, ходила в простой одежде. Из-за этого внутренне тщеславие через одежду состояться не могло, эротические переживания через одежду не могли состояться, быть "на выданье" перед мальчиком было невозможно. И из-за этого "невозможно", а также из-за того, что девочка постоянно общается с необыкновенной красоты орнаментом — подбирает необходимых оттенков ткани, нитки, сама вышивает — формируется чувство вкуса. И идет оно из глубины целомудрия, а не эротического чувства. Все эти традиции сейчас, к сожалению, потеряны. Я не знаю, как возможно восстановление их, но там, где есть решимость, они восстанавливаются. Решимость родительская, если она есть, восстанавливает правду психологического становления ребенка. В мальчиках — заботу о девочках, в девочках — благодарность мальчикам. Вы увидите, что это внутреннее чувство, которое не позволяет быть дракам между мальчиками и девочками. Драк быть не может в принципе, если эти чувства есть в них. Между ними не может быть обидных названий, пошлость невозможна, анекдоты невозможны, невозможно опереться на девочку локтем, невозможно ее обнять, посадить на колени. Это все в принципе невозможно. И удивительно, что не внутренняя

культура в этом случае будет осваиваться мальчиками и девочками, а внутреннее отношение друг к другу.

С 14 — 16 лет происходит активная интеллектуализация, то есть открытость на научение. Помните, период от 7 до 10 лет — это период ведущей учебной деятельности, в период от 14 до 17 лет именно учебная деятельность снова становится активной. Причем в учебной деятельности — интеллектуальная деятельность, отсюда вы, естественно, увидите, что в 6—7-х классах дети не хотят учиться. Это не свойственно их природе на самом деле. Загоняя их в классы, заставляя их учиться, мы идем против природы. Но зато в 8—10-х классах дети, которые с радостью учились в начальных классах, начинают вдруг учиться, и с удовольствием. Даже дети, которые в 6—7-м классе не очень-то стремились учиться, здесь начинают снова проявлять стремление к получению знаний. Потому что идет активизация интеллектуальной работы, и через эту интеллектуализацию идет заново восприятие и осмысление себя в будущей взрослой жизни.

Когда детей переводят на индивидуальное обучение и учитель начинает обучать, учитывая малость, скудость душевных сил, то ребенок учится, потому что внутренне он расположен к учебе. Но если идет активная гонка, интенсивное обучение, то по скудости душевных сил он не успевает за этим, и происходит сбой за сбоем. В результате между взрослым и ребенком начнется ссора. Наше принуждение приводит к тому, что вместо мира между взрослым и подростком наступает период антагонизма. Проблема отцов и детей обретает наибольшую остроту именно в этом возрасте. Потом следует еще один всплеск — от 21 до 24 лет. Следующий сложный жизненный период приходится на 45 — 50 лет, когда требуется уход и забота о родителях, а вместо этого — страшная ненависть к своим родителям. Причем превозмочь ее просто сил никаких нет, и появляется желание, чтобы умерли или чтобы отдать их в дом престарелых. Это случается, если в 21 — 24 года были сложные отношения с родителями. Здесь же, в возрасте от 14 до 17 лет, может произойти первая закладка этих трудных отношений, и очень значимо, чтобы сохранился мир между детьми и родителями, чтобы проблема отцов и детей вообще не возникала. Поэтому, если у детей нет желания и душевных сил к учению или желание есть, а сил к такой интенсивности обучения нет, то и не надо заставлять. Нужно оставить так, как оно есть. И если он тянет на тройки, — пускай. Важно, чтобы была радость, что он был принимаем в доме даже со своими тройками. Конечно, из этого не следует, что нужно всему попустительствовать, опустить руки. Нет, но по силе, по возможности помогать ему эту тройку все-таки обрести, но именно по тем резервам душевных сил, которые у него есть. Совсем неважно, будет ли он 4 или 5 иметь, значительно важнее, будет ли он иметь ощущение мира с людьми, со взрослыми.

Вы увидите, что фундаментально — это возраст обретения совета со взрослыми людьми вообще. Желание советоваться впервые закладывается раньше, в возрасте от 5 до 7 лет, в период послушания. Если тогда ребенок научился быть в послушании у родителей, в послушании от любви, тогда в возрасте от 14 до 17 лет ему легче слушаться родителей, слушать их советы. Более того, вы увидите, что потребность в общении со взрослыми большая. Дети тянутся к взрослым, они очень многое хотят проверить через взгляд взрослых людей, и идеальный вариант, если таковыми взрослыми являются их родители. К сожалению, сегодня ситуация далека от совершенства, и поэтому мы остаемся как бы неперестроившимися родителями. К 12-летнему

возрасту должна произойти уже перестройка, и мы должны позволить им самостоятельные действия и быть под страховщиками. Мы даем ребенку право выбора, мы даем ему даже право неправильного выбора, чтобы он на собственном опыте увидел неправду своих действий. И для того, чтобы эта неправда совпала с нашим советом. Если же мы не даем ребенку возможности идти собственным путем, то тогда он вообще не слушается родителей. У него появляется ощущение, что родители постоянно назидают, а то, правы они или неправы, становится неважным, незначимым, чаще всего этого впечатления вообще нет. В этом ребенок уже не переживает своих родителей.

Очень значимо, чтобы подросток действовал, как бы вслушиваясь в то, что говорят родители. Пусть делает по своему норову. Норов у подростков — это самоутверждение, и поэтому желание настоять на своем и сделать свое у них большое. Пусть первый год (14 — 16-летний возраст) подросток делает по-своему, как ему вздумалось. Но пусть всегда наперед знает, что родитель советовал другое. И тогда к 16 — 17 годам вы увидите удивительную картину: он начинает прислушиваться к мнению своих родителей, отца или матери, или обоих вместе. Активная интеллектуализация этого периода позволяет быть очень внимательным к словам родителей; и если родитель умеет сказать, то это будет услышано, более того — будет воспринято. Другое дело, когда родитель, сказав, начнет настаивать, пойдет отторгающая реакция. Эго пойдет на Эго, камень на камень, и в конце этой борьбы — отторжение. Хотя по внутренней природе интеллектуального действия подросток уже воспринял слова родителя, но из-за настаивания родителя на своем он возьмет и отторгнет это. Поэтому существует для этого возраста правило: родитель пусть скажет один, максимум два раза, но третье напоминание уже не годится, потому что оно сразу работает на раздражение. Малейший привкус раздражения снимает весь первый посыл, все впервые сказанное начинает высыхать.

С 17 до 19 лет — еще раз активное стремление к взрослым. Это возраст, когда каким-то очень глубоким чувством юноша и девушка обращены к взрослым людям вообще. В тех народах, где сохранилась традиция почитания старцев, где старики воспринимаются как самые уважаемые и наиболее мудрые, в возрасте 17—19 лет юноши и девушки за советом обращаются именно к старикам. Эта внутренняя потребность активно живет в них. Она есть и в сегодняшних наших детях, когда потеряны все традиции. Однако они натываются на стремление взрослых исполнить так, как они хотят, а не так, как дети чувствуют. Кроме того, ощущение самостоятельности, готовности к активной жизненной деятельности настолько сильно, что юноши и девушки способны решать и выполнять в этом возрасте очень серьезные жизненные задачи. Внутренняя готовность к этому очень велика. И так как это период проявления самостоятельности и закрепления ее, то очень важно дать возможность 17 — 19-летним юношам и девушкам состояться в самостоятельных планах. Именно таким периодом, к радости подростков, были 20-е — 30-е годы XX века, когда теперь уже известными событиями все старшее поколение было снесено, убрано, а юношеству дан был простор. И вот они-то, 19-летние, тогда оказывались состоявшимися в своей активной позиции.

Возраст 5 — 7 лет — период запечатления труда вообще, и поэтому вы увидите, что в 17 — 19 лет подростки тоже хотят активно трудиться. Причем трудиться произвольно, и это действительно

искреннее желание. И так как возраст 5 — 7 лет — возраст послушания по любви, то отсюда у 17 — 19-летних огромная внутренняя потребность слушаться взрослых. И надо иметь в виду, что 19-летняя точка — точка расплывания смыслов. Все предыдущие стереотипы теряют четкие очертания, словно расплываются, и непонятно теперь, что является ценностью для юноши или девушки. Все ценности, которые были значимы, как бы растворились. Этот период идет примерно полгода — год. Очень трудный период для сегодняшних подростков, вернее, юношей и девушек: идут постоянные срывы. Отсюда очень большое число пациентов в психиатрических больницах, неврологические отделения тоже переполнены, так как у юношей и девушек душевные силы очень слабы. И поэтому, как только идет расплывание смыслов, сразу непонятно, как вообще жить, ради чего жить, каков смысл дальнейшего бытия в мире. А тут еще накладывается активная сексуальная ситуация, когда влечение открывается во влюбчивости или влюбленности. Сексуальное, эротическое влечение разворачивается во влюбленности, и юноше кажется, что он полюбил, а на самом деле вместо любви в нем — влечение, вместо целомудрия в нем — эротика. Но ведь это не осознается, потому что практики анализа мотивов своего поведения у него нет, взгляда внутрь себя тоже нет. И поэтому все, что происходит в нем, он принимает за чистую монету. Влюбился, а ответа нет, а тут еще 19-летняя точка. И воспринимается все как трагедия, как будто жизнь кончилась, ничего не надо. Сегодня резко подскочило число самоубийств и попыток самоубийства среди юношества этого возраста. Рост этот идет в геометрической прогрессии.

Очень тяжелая ситуация складывается сейчас в армии, потому что именно в этом возрасте юноши призываются и познают всю жестокость воинской службы. При той скудости душевных сил, с которой приходят нынешние юноши к 19-летней точке, очень многие не выдерживают, срываются. При этом потребность во взрослом товарище, во взрослом друге остается активной. В первое время они вроде и бросаются ко взрослым. Бывают случаи, когда и со своим комвзвода поговорил откровенно, и с замполитом поговорил откровенно, а все это, в конечном итоге, боком выходит, потому что нет правильной позиции ни у комвзвода, ни у замполита. Конечно, все это очень печально.

В этом возрасте происходит глубокий выбор нравственной позиции, опора на внутреннее совестливое состояние. К этому склонность очень большая, при условии правильного поведения взрослых с юношеством, и очень значимо, чтобы с кем-то из взрослых состоялась дружба на очень глубоком уровне откровенности. Если взрослому более 45 лет, то есть достаточно большой уровень жизненного опыта, тогда идут очень глубокие запечатления правды жизни вообще. Очень большая нравственная устойчивость, очень большая твердость во внутренней честности, во внутренней справедливости, вообще в чувстве справедливости как таковом, если становление происходит в дружбе с взрослым.

Если же дружба с взрослым не состоится, тогда юноши замкнутся на круге своих сверстников. И круг сверстников сформирует ценностное ядро в юношах и девушках, и это не нравственное ядро. Более того, в этом общении среди сверстников идет, в основном, самоутверждение, а с взрослым идет почитание, даже не уважение, а именно почитание. Отношения с взрослыми, основанные на почитании, потом дают юноше возможность быть настоящим отцом, а девушке — настоящей матерью.

Если в этом возрасте юноша и девушка не восприняли почитающее состояние, тогда истинное отцовство в принципе невозможно, равно как истинное материнство.

На сегодняшний день мы имеем уже третье или четвертое поколение оскудевания материнства и отцовства во взрослом населении, когда в девушке не пробуждена женщина, а в юноше не пробужден мужчина, отцовство и материнство в скудном состоянии. При этом единственный способ у сегодняшних взрослых людей пробудиться в этом отношении — это многодетность. Мать, пройдя через болезненные роды, пробуждается как мать. К третьему ребенку идет первичное пробуждение, к пятому — некоторая полнота материнского пробуждения, и только к седьмому ребенку мать в глубине чувствует, что такое материнство. Так как этого сейчас нет, и в большинстве случаев семьи ограничиваются одним ребенком или двумя, то в результате, естественно, материнское чувство не пробуждается и отношения со своим 19-летним сыном или дочерью невозможны. Ни у отца нет внутреннего чувства своего сына или дочери, ни у матери.

Вместо почитающего отношения юноши и девушки идут в самоутверждение со своими сверстниками. И поэтому, когда они формируют свои семьи, естественно, что между мужем и женой будет позиция самоутверждения. Ничего другого ожидать не следует. И тогда во внуках наших мы получаем плоды, которые сеем несколько поколений подряд. Сегодняшние внуки, которым до пяти лет, выдадут нам всю полноту бездуховности, бездушевности, жестокости. Если же детям в этом возрасте дать самостоятельность действий, то 19-летнюю точку они проходят несколько сглаженно, то есть находясь в активной жизненной позиции, активно выполняя какое-то дело, обходясь без кризисов, шока, психиатрии. Но если ни родители не дают им возможности быть самостоятельными, ни социальная среда, то точку 19-летия они проходят очень тяжело.

От 19 до 21 года идет повторение в самостоятельном действии возраста от 3 до 5 лет — игрового периода, обретения смыслов взрослой жизни. В 19 — 21 год юноша и девушка хотят активно быть в социуме. Недаром в институтах присутствует такая (в прошлом) довольно энергичная социальная, общественная деятельность, как стройотряды. Это как раз приходится на первые годы институтской жизни — первый, второй, третий курсы, когда всякий преподаватель чувствует, что это курсы, с которыми благодатно работать, поскольку они откликающиеся, энергичные, живые. Более того, в этом возрасте они активны вне семьи, то есть хотят социализоваться, и поэтому дома почти не бывают. И это нормально. Одно только ненормально, если девушка в 19 — 21 год идет не к материнскому чувству. Не имея своей семьи, она уходит за пределы семьи по своим способностям, по своим эговлечениям. В результате в период, когда взрослые смыслы должны закрепиться в самостоятельном поступке, они закрепляются не в материнском действии, а в действии общественном. И когда она потом становится матерью в 24 — 28 лет или еще в каком-то возрасте, то материнское страдает. Она может не стать полноценной матерью, потому что она не закрепила в 19 — 21 год в материнстве.

И вот она стала матерью и в то же время активно занимается диссертацией, и диссертация для нее значимей, нежели дочь или сын. Она стала матерью уже в 24 года, и в то же время ей интересно пойти и в театр, и в кино, и к подругам, и еще куда-то, и не очень значимо то, что у нее есть ребенок. Внутренне она этого не понимает, и если будут родители говорить ей что-то — бесполезно, возраст 21-30 закрыт на совет, и она этого не будет слышать. Она ничего не примет, потому что ничего не слышит, кроме того, что происходит внутри. И именно поэтому в целях хранения семьи по традиции считалось, что, если девушке за 20, она может оказаться неспособной в полноте раскрыться в материнстве.

Удивительное сегодня происходит с девушками, которые в 17 — 18 лет вышли замуж. Необыкновенная полнота материнства по сравнению с другими. Конечно же, они не дотягивают до той полноты, которая могла бы состояться, но относительно их сверстниц — это матери с необыкновенной внутренней полнотой чувства к детям, плюс чувства к отцам. Потому что не может быть мать полноценной, если она не имеет полноты правды отношения к мужу своему. Ибо только та мать — настоящая мать, которая своего мужа и детей своих хранит в семье своей. И отсюда, естественно, те мужья счастливы, которые имеют такую жену. Это удивительная жена и мать, которая умеет быть хранительницей домашнего очага, то есть мира в доме. Сегодня мы этот тысячелетний опыт всех народов, ставший обычаем, откинули и пожинаем плоды "прогрессивного" развития женщин, их эмансипированного состояния.

Происходит потеря, к сожалению, и у юношества. Дело в том, что сегодняшняя социализация юношества происходит вовсе не ради семьи, а ради самоутверждения в обществе. В то же время истинное назначение социализации в том, чтобы быть активным в обществе в 19 — 21 год, но ради своей будущей семьи. Юноша еще не женился, он еще свободен, но он внутренне с трехлетнего возраста знает, что он будущий отец, и поэтому в 19 — 21 год он активен в социуме ради отцовства. И это центральный смысл его действия. Тогда, естественно, складываются трудовые династии в родах, семьях, потому что юноша, социализируясь ради отцовства, обретает профессию, которую сумеет передать своему сыну. Сын воспримет от такого отца профессиональные навыки, и между ними будет контакт, между ними будет большая дружба, будет большая поддержка.

Кстати, процент трудовых династий в обществе обозначает уровень его нравственного здоровья. Падение этого процента — признак явного падения нравственности в обществе. Сегодня трудовые династии практически сошли на нет, и это печальная картина нравственного состояния общества.

Лекция 3. Подробно о возрасте 7—10 лет

На протяжении всего отпущенного для жизни времени человек развивается, обретает новые знания и умения, проходя круги, или циклы, по 24 года каждый. Первые 24 года обычно

принимаются за первичный цикл (круг), когда происходит становление человека. Второй круг завершается в 48, третий длится до 72 лет, а кому дано жить дольше, вступают в свой четвертый круг.

Первый цикл, заканчивающийся в 24 года, можно разделить на два периода: до 12 и после 12 лет. Первый 12-летний период делится еще на два подпериода, во время которых происходит укрепление в человеке трех составных элементов его Я: духовного, душевного и телесного.

Первый подпериод — с рождения до 5 лет, второй словно круг по спирали охватывает промежуток от 5 до 12 лет. До 12 лет идет запечатление, а после 12 — самостоятельное проявление и проба в опыте.

Удивительно устроена природа человека: до 12 лет идет запечатление действий и способа действия в жизни взрослых — это тот аналог или тот образец, по которому ребенок будет выстраивать собственные действия, — а после 12 идет проба всего запечатленного.

Все это можно сравнить с уроком, когда учитель на примере показывает детям, как следует решать задачки, а уж потом предлагает сделать то же самое самостоятельно. И после того как ребенок их решил, можно считать, что цикл обучения завершен.

С легкой руки журналистов, возраст от 12 и старше был назван "возрастом самоутверждения". Действительно, исследования сотрудников педагогического института имени Герцена показали, что в ряде школ Петербурга до 90% девятиклассников живут в состоянии самоутверждения, в то время как заботу друг о друге проявляют около 13% по одним данным и 5—7% — по другим. Получается, что стремление к активному самоутверждению в этом возрасте доминирует.

Однако следует принять во внимание, что самоутверждение вовсе не является психическим механизмом, это, скорее, социальное проявление. Психические механизмы проявляются в самостоятельности ребенка; и подросток, учащийся 9-го класса, в самостоятельном поступке проявляет то, что он запечатлел когда-то в своей семье. Если семья жила в самоутверждении — мать перед отцом, отец перед матерью, — то именно это запечатлевает юноша или девушка как собственный способ действия в жизни. Следовательно, в самостоятельном поступке к 9-му классу он начнет выдавать кальку с поступков родителей и больше ничего. Убежден, что приведенные здесь проценты самоутверждения — это показатель не характера подростков, а семейных отношений их родителей. И утверждения, что лишь 5—7% подростков стремятся заботиться о других, не соответствуют истине, поскольку являются показателем состояния семьи.

Сегодня я предлагаю более подробно остановиться на отрезке развития ребенка в возрасте от 7 до 10 лет. Давайте внимательнее взглянемся, что же происходит в это время. 7—10 лет — период душевного становления ребенка. В 5—7 лет доминантным в развитии ребенка является духовное. Далее, если есть поддержка со стороны родителей и воспитателей, духовное будет освещать душевное становление ребенка. Если поддержки не последовало, то оно начинает угасать, и ребенок в возрасте 7—10 лет чуть слышит в себе отголоски душевного в виде проявления совестливости по отношению к сверстнику ли, ко взрослому ли — неважно. К сожалению, в большинстве случаев воспитательный процесс сегодня проходит так, что душевное игнорируется, и в результате совестливое ребенок усваивает как декларацию, как необходимо-должное, а вовсе не как внутреннее проявление, от любви происходящее — от любви к взрослому, от любви к сверстнику, от любви к человеку вообще. Исходя из должного, дитя практически опирается не на духовное, не на совестливое в себе, а на установки, впитанные только сознанием. В результате к семи годам, входя в возраст душевного становления, многие дети внутренне не освящены светом духовного. К счастью, в России это не является правилом.

Всякий раз, глядя на становление ребенка 7—10-летнего возраста, мы будем представлять себе два слоя: внешний и внутренний. На внешнем слое доминирует учебное развитие, на внутреннем — ученическое. Первое — это освоение предметов вне себя, то есть природы, окружающего мира, в который ребенок погружается; второе — это отношения ребенка как ученика с воспитателем, родителем и со всеми людьми, с которыми ребенок встречается в этот момент как с учителями, несущими в себе информацию.

Учитель начинает выступать в двух ипостасях: первая — он — учитель, ведущий ученика к конкретному предмету, вторая — учитель жизни, учитель отношений, которые складываются между младшим, не имеющим опыта, и старшим, имеющим опыт.

Центральными в учебном процессе становятся отношения между людьми. Отношения находятся на внутреннем плане, который в нравственной психологии считается ведущим. Внешний план является происходящим из него. Отсюда все, что происходит между учениками и учителями в классе, — это центральное, а все, что происходит в предметном отношении, — вытекающее из этого: развитие в учебном процессе, в учебном движении.

Возраст 7—10 лет — это период детства, когда мир воспринимается целостно, без деления на физическое, химическое, математическое, литературное. Если взрослые его не вносят, то и ребенок этого деления не осознает и не воспринимает. Внутренне ребенок открыт на целостное и сущностное восприятие мира. Лишь после 10 лет, встречаясь с миром, дитя начнет вычленять предметы и обращать внимание на какие-то их отдельные стороны.

Вспоминая свое детство, я каждый раз удивляюсь, каким ярким и многоцветным был мир природы. До 7-летнего возраста я не слышал, не осознавал его. До 7 лет ребенок живет в другом

мире, мире взаимоотношений с родителями, с братьями и сестрами, и память на всю жизнь сохраняет наиболее важные моменты.

В 7—10 лет для нас актуальным становится окружающий мир, природа. Мне трудно воспроизвести в памяти какие-то эпизоды школьных занятий, зато свежи воспоминания о природе и особенностях сибирского климата, которые я впитал, гуляя после школы. Даже сейчас, когда пишу эти строки, я словно воочию ощущаю сухой морозный воздух, вижу пронзительное, очень большое солнце и бесконечное сине-белое пространство, торжествующее между небом и землей. Бывало, от восторга опустишь портфель на дорогу, раскинешь руки, словно обнимая снежную равнину, и идешь в сугроб, а он — по пояс, идешь дальше, а там — по грудь, и уже невозможно двигаться... Тогда просто бросаешься в снег, ныряешь как в воду, кувыркаешься, выпрыгиваешь и снова бросаешься. И так до полного изнеможения. Потом ложишься на снег и долго смотришь в бездонное зимнее небо, на необычайно яркое сибирское солнце и ощущаешь восторг оттого, что все это есть вокруг. И мир во мне, и я в мире. Эта такая полнота присутствия...

И такое восприятие природы, особая радость встречи с миром, особая радость чувствовать, что мир живой и весь струится удивительными и тонкими движениями красоты характерно именно для данного возраста. И это детское состояние открытости в мир является ведущим. В этом возрасте оно может быть поддержано взрослыми (родителями, учителями), а может быть погашено и уничтожено. В зависимости от того, в какой среде воспитывается ребенок, в нем формируется либо расчлененный внешний план, либо, наоборот, целостный план сути происходящего в мире.

С этой позиции можно оценивать и то, что происходит в школе или вне школы. Взрослый может повести ребенка к встрече с отдельными элементами предмета, а может двигаться с ним к проживанию не отдельных внешних свойств, а к внутреннему проживанию сути предмета, к тому, чем живет данный предмет, к проживанию той внутренней гармонии, внутренней красоты, которой живет предмет. Если ребенок схватит внешнюю сторону проявления этой сути, тогда — пойти за ним и вместе посмотреть этот внешний слой проявления. Но если ребенок не схватывает внешних проявлений и весь остается в переживании внутренней красоты, внутренней жизни предмета, тогда следует оставаться в этом и постоянно идти за ребенком.

Все дети разные: у одних одна способность доминирует, у других — другая. Способности ребенка выводят его к внешним проявлениям предмета, а вот внутренняя суть вхождения в мир схватывает глубину предмета, являющуюся в этом возрасте наиболее значимой.

В опыте жизни человека существуют такие сферы переживания, которые словами непередаваемы, и потому нет возможности воспринять во всей полноте опыт другого. Это-то и создает индивидуальность каждого человека, делая его неповторимым.

Возьмем для примера вкусовые ощущения. Если вы предложите кому-либо описать, что означает понятие "горькое", то рассказ получится сбивчивый, малопонятный, так как словами почти невозможно передать вкус того, что совершенно незнакомо. Проще дать попробовать, чтобы человек смог составить себе представление о том, что скрывается за этим понятием. И тогда он может сказать: "А, вот это, оказывается, что!". Но ощущение горечи у каждого человека будет индивидуально. Легкая горечь одним может показаться сильной, другим сильная горечь — слабой.

Так и дети 7—10 лет, приходя в школу или в кружок, уже уникальны, потому что имеют внутренний, неповторимый опыт восприятия мира. При этом опыт конкретного ребенка не может накладываться на восприятие педагога или же сверстника. Никогда во всей истории человечества не может быть повторено то, что ребенок переживает в данный момент. И поэтому, имея в виду такую удивительную тонкость и необычность детского взгляда на мир, мы стараемся увидеть мир их внутренним взглядом. И если у педагога с ребенком складываются доверительные отношения, тогда начинается правильный процесс, при котором взрослый ведет ученика не в свою зону представления о предмете, не в свой опыт, который все равно невозможно передать, а к встрече двух опытов в проживании мира — своего и чужого (ребенка). Начавшееся параллельное движение взрослого и ребенка никогда не пересечется. Возможно лишь движение вместе. Но тогда возникает вопрос: как будет осваиваться сам предмет?

Давайте остановимся на таком интуитивном свойстве при встрече с предметом, который характерен для детей. Когда ребенок включается в какое-либо действие, начинают работать умственное представление, фантазия, эмоции. Одновременно включаются ценностные основания, смысл, то есть то, ради чего ребенок живет. И тогда он задает себе вопросы: "Почему сейчас нахожусь здесь, а не в другом месте? Почему рядом с этими людьми, а не с другими? А вот эта встреча, ради чего она?". Отвечая на них, ребенок постигает смысл, приобретает внутреннее освещение, которое становится главным в его дальнейшей жизни.

Можно опереться на все уровни проживания ребенка, а можно только на один внешний план, то есть на фантазию ребенка. В возрасте 7—10 лет, когда идет актуализация внешней деятельности, ум ребенка работает активно, поэтому любая фантазия легко схватывается, развивается. Поскольку дети очень легко дополняют то, что дает им взрослый, на этом можно строить методику. Детям предлагается множество различных вариантов для фантазии. Пробуждаясь, она дополняет фантазию взрослого, таким образом, включается эмоциональное проживание фантазии, но доминантой является все-таки фантазийное действие.

Если человек отвлекается от фантазии и опирается на эмоциональное проживание, тогда это становится обычной игрой. Дети легко входят в эмоциональную игру, в проживание новых для себя ролей, ситуаций, состояний. И если в игровой форме ведется само занятие, то это легко может стать основанием методики для взаимодействия с детьми. И тогда игровое действие остается центральным. Эти два плана составляют внешний план бытия ребенка в данном возрасте.

В современных программах обучения мы видим включение интеллекта ребенка, введение его в репродуктивную деятельность педагогом, когда учитель предлагает некоторые образцы, а ребенок должен скопировать этот образец и дополнить чистую репродукцию. И чем чище и ближе к оригиналу будет копия, тем большую радость вызовет это действие у учителя.

Внутренняя ориентация педагога направлена на то, чтобы ребенок сам делал максимально приближенный образец или копию. В то же время целостность восприятия мира у ребенка создаст некоторую оригинальность мышления, свое отличное от предлагаемого учителем видение. И тогда внимание педагога может быть сосредоточено либо на своем образце, либо на своих представлениях как доминанте, либо на той дополняемости, которую предлагает ребенок.

Возникают два совершенно разных способа отношения к ребенку. Если педагог ведет в собственную сферу, то чаще всего его сознание членит предмет и делает упор на какую-то одну его сторону, что постепенно приводит ребенка в ситуацию внутреннего зажима. Дитя уже не может проявиться во всей целостности своего представления о мире либо оно отходит от образца, предложенного учителем. И тогда возникают конфликты.

Учитель может занять позицию, когда приветствуется целостное, оригинальное восприятие ребенка. Тогда педагог, предлагая свой образец, обращается к дополнениям, созданным ребенком, как к доминанте, как к определенной ценности, и потому идет дальше. В результате между взрослым и ребенком, между учителем и учеником создаются отношения, в которых слово учителя становится отправной точкой для дальнейшего движения в предмете. Причем дополняемость со стороны ученика является центральной, значимой. И тогда начинается совершенно непрограммируемое действие, которое невозможно ввести ни в какой план урока, план занятий.

В нравственной психологии выделяется 15 ведущих способностей в детях. Возраст 7—10 лет — это возраст, когда интеллектуальная способность является доминантной, поэтому мир схватывается умом, хотя участвуют и остальные 14 способностей. К примеру, способность к музыке, изобразительному искусству. Малоизвестная в нашем воспитательном процессе способность к зодчеству и лингвистике сегодня практически не развивается. В несколько лучшем положении растениеводческая и животноводческая способности.

В процессе школьного обучения из этих пятнадцати способностей умственная считается ведущей и занимает основное время. Чуть-чуть присутствует музыкальная, чуть-чуть классическая, такая как физкультура, и чуть-чуть ремесленная. Остальные способности, видимо, считаются либо маловажными, либо не соответствующими социальному заказу, хотя уже сегодня видно, что заказ в обществе идет на все способности.

На этом я пока останавлиюсь, потому что дальше идет сложный анализ интеллектуального развития человека, что является темой для отдельной лекции.

А сейчас хотелось бы рассмотреть внутренний план взаимоотношений между учеником и учителем, который является ведущим.

В возрасте 7—10 лет запечатлевается способ встречи не просто как с взрослым человеком, а как с учителем. Представим такую картину: человек движется через множество постепенно сужающихся дверей, всякий раз затрачивая определенные усилия. Его поступательное движение не прекращается до тех пор, пока он однажды не доходит до такой узкой двери, сквозь которую невозможно протиснуться. И человек вынужден остановиться. Так и в развитии ребенка: если перестал двигаться вперед (остановился перед очень узкой дверью), значит, закончил свое развитие. Так вот, такими "дверями" являются люди. И каждый встреченный по жизни человек — это очередная "дверь". Можно через нее пройти, а можно перед ней остановиться.

Давайте посмотрим, что скрывается за этим понятием "пройти"? Если открывается доброе в человеке и если через это открытие другой человек становится добрее, значит "дверь" пройдена. Если же в нем проявляется неприятие, агрессия, то дверь не пройдена. Человек остановился перед этой "дверью", пытается убежать, но так или иначе надо пройти и через это препятствие. И если он сейчас отказался пройти, то аналогичная "дверь", или аналогичный человек, встретится в другом месте. То есть, свойство, которое вызывает раздражение, неприянь, неприятие, должно быть преодолено. Не здесь, так в другом месте, в другое время.

Так вот, 7—10 лет — возраст, когда запечатлевается способ прохождения "двери", то есть способ встречи с людьми. И если каждый новый человек воспринимается как учитель, то это проходит через всю жизнь, запечатлевается самый главный способ общения с людьми, когда в каждом человеке ищется позитивное, через что можно состояться и двигаться дальше. Противоположный способ (когда "дверь" не проходится) — это когда в каждом другом человеке новое воспринимается как негативное и потому не принимается. В этом случае встреченный человек либо игнорируется, либо избегается.

Научение этим встречам у ребенка происходит через учителя. Причем удивительно, что психологически дети очень подготовлены в этом возрасте к встрече с человеком как более опытным. Вплоть до того, что авторитет учителя становится авторитетом номер один. Даже авторитет родителей опускается на ступеньку ниже. Девочка приходит домой и говорит: "Мама, Мария Ивановна на урок труда велела принести лоскуты зеленого и красного цвета". "Зеленого нет, — говорит мама, — поэтому я дам тебе голубой". Но дочка, не слушая уговоров, настаивает на своем: "Дай зеленый! Мария Ивановна велела!". Ситуация заканчивается конфликтом и

взаимной обидой. А ведь буквально месяц или два назад девочка слово матери принимала как ведущее слово.

Радость обучения в возрасте 7—10 лет — это всегда радость встречи с учителем. Если она будет поддерживаться на протяжении трех лет, тогда душевные силы запечатлеваются в учебном процессе. С этого времени резерв душевных сил сохранится на всю жизнь, и человек в любом возрасте будет готов встретиться с другим, более опытным, чтобы почерпнуть от него новые знания и умения. Если же у ребенка в 7—10 лет произошел срыв, то есть учение перестало быть радостным, то ему в дальнейшем очень трудно будет снова сесть за парту, чтобы продолжить за учебу. К примеру, в 40-летнем возрасте его послали на курсы повышения квалификации, а он, вместо того чтобы радоваться открывшейся возможности, тяготится и думает, когда же все закончится. Отсутствие радости не позволило взрослому человеку начать обучение на резерве душевных сил учиться, необходимость сидеть за партой по четыре, пять и шесть часов была воспринята как тяжкое наказание.

Восприятие любого человека как учителя позволяет во взрослой жизни находить позитивное в общении со всяким, даже глубоко неприятным человеком и на этом строить с ним отношения.

Если же в 7—10-летнем возрасте пережит негативный опыт встречи с учителем, то это остается на долгие годы, практически до 40 лет. Более того, и во взрослой жизни человек начинает болезненно реагировать на все, что не совпадает с его воззрением. В любом встречном он стремится отыскать прежде всего противоречивое, и на этом несовпадении акцентирует внимание. До какого-то момента душевные силы позволяют ему скрывать неприязнь, но когда терпение кончается, человек срывается в раздражение, в неприязнь, становясь причиной конфликта. Внутренняя агрессия отпугивает окружающих, и они под всякими предлогами стараются не общаться с данным человеком.

Резерв душевных сил для встречи с другим человеком как более опытным, дающим что-то новое, большее, чем мое, приобретает в этом возрасте через учителя. Отсюда во всех педагогических системах, известных до настоящего времени, акцент делается на взаимоотношении ученика и учителя.

В западных системах обучение учителя начальной школы длится семь лет, но как предметник он обучается только четыре года. При этом стоимость одного года обучения учителя начальной школы в три-пять раз дороже обучения учителя старших классов. Больше времени уходит именно на то, чтобы в учителе восстановить дивное качество человеческого отношения к ребенку. Это показатель ценности и значимости человека, который встречается с детьми в этом возрасте.

В 7—10 лет происходит встреча, а не обучение. Ребенок не просто открывается во всей своей уникальности, он откликается на зов учителя, на какие-либо его слова или на какие-либо действия, поэтому на уроке проявляется совершенно удивительная атмосфера свободы, когда только предмет позволяет детям быть в русле действия. Но внутри этого русла дети свободны, и в этой свободе открывается уникальность каждого. Например, ребенок, включаясь в математическое действие, переводит его в игровой вариант и начинает проигрывать. Вместо палочек начинает считать учеников в классе.

С позиции учителя-предметника это совершенно непозволительное действие, ибо он загоняет событие в просчитывание палочек. Но ребенок по своей внутренней природе не может находиться в чисто интеллектуальном действии. Причин для этого может быть много. Возможно, это действие не является сейчас его действием (не в этом он проявляет свою способность), возможно, интеллектуальное в нем забито жестким или суровым отношением родителей, не исключены и другие причины. Эмоционально прожить предлагаемое он способен и потому в возрастном варианте делает это же самое действие. И очень важно, чтобы педагог это заметил. Но чтобы заметить, нужно разбираться в детской жизни, не препятствовать тому, чтобы дети проживали предметный характер мира.

Есть еще одна трудность подготовки к встрече с детьми. Когда педагог акцентирует свое внимание не на детализации своего хода встречи, а только на "скелетных" участках. А чем это все наполнится, какими "мышцами" будет обраться — заранее неизвестно. И педагогу следует быть открытым на это "мышечное" обращение. И сама встреча происходит по принципу взаимодополняемости. И дети в этом случае открывают удивительное поле жизни. Происходит творение праздника, творение радости встречи людей.

Здесь проявляется еще одна удивительная особенность педагогического мастерства, человеческого мастерства, когда педагог может вложить в жизнь ребенка свой большой опыт. Если жизнь детей проходит на глазах учителя и он живет параллельно с ними, то эту параллельность необходимо максимально проявить именно в тот момент, когда ребенок максимально открыт и готов к восприятию.

А ведь можно не замечать этих моментов открытости ребенка, а просто иметь в виду свое большее и постоянно его накладывать на ребенка как некоторую необходимость, как некоторую рамку. И тогда на ребенка надета "кастрюля", и он теперь уже в этой "кастрюле", пусть даже стеклянной, действует и говорит, в рамках представлений учителя, "надетых" на ребенка.

А можно, как было сказано, опыт учителя вывести в параллель с опытом жизни ребенка и вместе начать жить с этого момента. Тогда учительское входит в параллель, происходит движение в одном направлении. Но при этом сохраняется уникальность и учителя, и ребенка. В этом случае у ребенка открыто внутреннее психологическое восприятие взрослого как более опытного. Причем

готовность запечатлевать настолько " велика и глубока у детей этого возраста, что они воспринимают глубину смысловых проявлений взрослого человека. Не то, что он предлагает во внешнем своем действии, а то, что он на самом деле делает по отношению к людям.

Например, педагог декларирует доброту ко всем, а на самом деле проявляет ее только к отдельным детям, выделяя тех, кто соответствует его представлениям. Он реагирует именно на отклик ученика, а по отношению к тем, кто не откликнулся, испытывает раздражение. И дети, принимаемые педагогом и чувствующие его доброту к себе, своим внутренним, душевным состоянием, чувствуют свою избранность и исключительность. Искушаясь этой выборочностью, ученик начинает взаимодействовать со своим учителем по логике, предлагаемой им. Чтобы получить любовь учительскую, он идет на поводу у педагога. Но, становясь любимым учеником, в глубине, в душевном состоянии своем, в открытости на истинную доброту чувствует неправду. И эта неправда запечатлевается как возможность лицемерия, и ребенок, став взрослым, начинает лавировать, выяснять, кому, что и сколько нужно дать. И эта способность просчитать, что от него хотят, становится главной. И чем точнее человек это делает, тем легче он продвигается в социальности или же в событийности жизни. Но тогда все нравственное, все ценное и духовное в нем погибает.

Будучи уже взрослым, он обращается к способам общения с окружающими людьми так, как рекомендовано в книгах Д.Карнеги. Они становятся центральными, потому что в них он находит все, что принимает как способы взаимодействия с окружающими людьми, черпает знания, как исполнить свои помыслы, как использовать других людей, как обойти их, как взять все то, что они могли бы дать. Эти способности, к сожалению, дети схватывают уже в начальной школе через общение со своим учителем.

Но если учитель — человек совсем другого плана? Тогда он благодаря своей доброте видит, что ученик готов пойти за ним в интеллектуальном плане, а в эмоциональном — пока нет. Другой ученик, наоборот, в эмоциональном может пойти за ним, а в интеллектуальном — нет. И тот и другой при этом для учителя одинаково значимы, задача учителя — дать возможность обоим быть в сфере заданного действия.

В этом возрасте урок чисто интеллектуальным или чисто эмоциональным быть не может. Даже существование интеллектуально-эмоционального урока проблематично. Урок должен быть смысловым, состояться в ценностном плане. Тогда создается атмосфера, в которой не может быть драк, невозможны обиды. Если учитель несет в себе состояние открытости, оно сразу же проявляется резонансно. Дети особенно в этом возрасте открытость очень тонко чувствуют. Даже дети, живущие в тяжелых домашних условиях, где были побиваемы, гонимы, игнорируемы, не видели заботы, доброты и тепла, тонко чувствуют разницу, где учитель открыт на доброту, а где только на свою предметность, на свою заданность. И более того, дети, которые пережили те или иные трудности в семье, недобрали тепла, любви и ласки, особенно ищут этого человеческого участия, вплоть до того, что просто ходят за взрослым человеком, учителем, желая головой приложиться к нему, просто посидеть рядышком. Это их доминанта, в этом они могут жить. Игры,

пляски, счет — все это неважно. Главное — доброта, тепло, участие. И пока ребенок в этом не исполнится, он не сможет перейти на другое, ибо все остальное для него пока не имеет значения.

И если педагог чувствует разноплановость детей, что одни готовы быть в интеллектуальном, другие в эмоциональном, а третьи в душевном плане, тогда в 7—10 лет урок превращается во время встречи с целым миром и с учителем, как с человеком. Это время встречи детей друг с другом, когда каждый может проявляться как уникальность и готов принимать индивидуальное в другом. И если во взрослых нет предметной жестокости, то дети тоже не проявляют склонность к навешиванию ярлыков, к обнаружению в другом плохого. В них этого на самом деле нет. Оно исходит только от взрослых, и только ими может быть спровоцировано. Там, где начинается предметная узость, движение только в учебном процессе, а не в ученическом, где учитель не Учитель с большой буквы, там неизбежен зажим на внутреннем плане. И тогда дети тут же начинают совершать оценочные действия, то есть то же, что делает учитель. Он оценивает так: годится — не годится, способен — неспособен, хорош — нехорош и так далее.

В области смыслового, ценностного, внутреннего движения, где идет ученическое взаимоотношение ученика с учителями, там нет оценок совершенно. Там всякое проявление ценно само по себе. Неважно, какое оно. И вот если в ребенке запечатлевается такой способ встречи с учителем, тогда начинается формирование и развитие почитания как свойства, которое сегодня потерялось. Вместо почитания мы имеем уважение. А уважение — это явление предметного характера. Мы уважаем того, кто сейчас на нашу потребу работает. И если он дает нам по нашим потребностям, тогда мы его уважаем, а перестал давать — он только в памяти остается уважаемым. Поэтому, пока ребенок учится в школе, он уважает определенных учителей, которые развивают его по его способностям, завершилось обучение — начал уважать других. Потом в институте или же на производстве он уважает людей, которые обучают его теперь другому и работают на другую потребу. В школу заходить нет нужды, потому что там, если можно так выразиться, процесс уважения уже завершился.

После института также забываются институтские преподаватели, потому что настала стадия уважения других людей. В результате человек постоянно идет по эгопотребностям, и через это оценивает других людей, делит их на уважаемых и не-уважаемых.

Почитание же — это совсем другой способ отношения человека к человеку. Закладывается почитание именно в возрасте 7—10 лет. Это и отношение к учителям как дающим другой, больший по объему опыт, и отношение ко всякому взрослому, как вообще к взрослому человеку. При этом неважно, может он что-либо дать на данный момент или не может. Это способность слышать во взрослом богатство его опыта, даже в людях совершенно опустившихся тем не менее слышать, что они взрослые. Эту способность почитания дети, начав ее схватывать в возрасте 5—7 лет, закрепляют в 7—10 лет. И запечатление почитания в дальнейшем приводит к тому, что встреча с любым взрослым является встречей с большим опытом и всегда значима. И потому лет 30—40 назад можно было видеть: если во дворе играют дети и идет мимо какой-то незнакомый взрослый и делает замечание ребенку, это замечание схватывалось, на него шел отклик только из

почитания взрослого. При этом совсем неважно было, знаком этот человек или нет. Взрослый сказал — этого достаточно.

Сейчас, когда почитание снято, а осталось только уважение, дети реагируют только на знакомых, и коль замечание сделал незнакомый — можно проигнорировать.

Почитание позволяет прибегать за советом к старшим и в дальнейшем. Удивительно, что заложенное здесь почитание потом идет в собственную семью. Когда образуется своя семья, то обращение к своим родителям — это обращение почитания. И тогда бабушка или дедушка при таком взрослом — это почитаемые старики, старость — тоже почитаемый возраст.

Там же, где проходит зона уважения, там старость непочитаема, там старость — ненужный возраст. Тем более там, где человека ценят по предметам, которые он изготавливает. Вот сделал что-то и оставил после себя память: кружку, вазу, машину, книгу, — по этому судят о человеке. И пока он может что-то делать, он уважаемый, следовательно, принимаемый. Но пришло время старости, человек не может работать в полную силу, и он становится ненужным. Раз не нужен социуму, можно отправить в дом престарелых. Не нужен своей семье — можно игнорировать, запереть в отдельную комнату или вообще изгнать, разменять квартиру на две отдельные и годами не встречаться. Старики становятся ненужными, потому что производить что-либо ценностно значимое уже не могут, следовательно потеряли свою ценность.

Если же идет почитание, а не уважение, то есть сам человек признается как ценное, тогда он остается ценным в глубокой старости. Плоды человеческого становления обнаруживаются именно в старости. Почитание слышит плод житейского опыта, житейской мудрости, обретенный как внутреннее свойство, как свойство мудрости взрослого человека, старостью умудренного. Почитание слышит это и обращается за советом, желает услышать от старика эту житейскую мудрость.

Дети, которые прошли правильно возраст 7—10 лет и запечатлели почитание как ведущее внутреннее действие, создавая свою семью, уже обладают этим удивительным даром супружеского взаимодействия, когда жена почитает мужа, а муж почитает жену. Причем жена почитает мужа в тех действиях, в которых никогда сама исполниться не может, потому что она не может исполнить мужской способ действий в мире. И потому она почитает это в муже. И этим она возвеличивает мужа перед собою, ставит его над собой. В его вопросах она никогда не берет первенства. Только почитание знает внутреннее различие, где мужское, а где женское. Ибо почитание — это тот внутренний взор, то внутреннее зрение, которое различает мужское и женское. И мужчина почитает свою жену именно в том женском, которое он как мужчина никогда повторить не может. Он никогда не может это сделать так, как делает женщина. Он никогда не сможет увидеть и услышать так, как может это женщина. Но для этого он должен чувствовать, что это такое — женское. Почитание и есть то внутреннее душевное зрение, которое слышит и

различает, это зона, где я еще как мужчина могу, а дальше уже начинается зона, где только женщина может исполнить действие, ибо во мне, в мужчине, такого нет.

И потому возраст 7—10 лет — это возраст особого обретения, помогающего становиться семье, правде глубинных отношений человека с человеком, и через это — правде воспитания, потому что дети при таких взрослых, при родителях, которые знают отношение через почитание, естественно, схватывают по резонансу именно глубинный слой отношений как доминанту. И тогда почитание отца идет своим образом. Почитание матери идет своим образом. И почитание обоих — это некая совершенно иная область, в которой дети проявлены как сыновья, как дочери, как дети, в послушании, в любви к своим родителям, в почитании родителей.

Вот, пожалуй, основные моменты, на которых мне хотелось акцентировать внимание.

Готов ответить на вопросы, если они возникли.

— С кем Вы работаете в настоящий момент?

— В основном с родителями, хотя было время, я работал с детьми, начиная с 12 лет и старше.

— Как Вы относитесь к программе обучения с 6 лет?

— В нравственной психологии существует закон опережения, который гласит: если опережают способности (развитие по способностям), то неизбежно формирование эгоистической натуры. Здесь и тщеславие, и гордость, и самодостаточность, и использование развивающихся способностей для собственного утверждения в мире. И наоборот, если идет развитие доминантно или опережает нравственное, то есть слышание других людей и отклик на нужду других, когда способности укладываются в этот отклик. И тогда способности становятся не главным центром внимания, ради чего происходит все в мире, они становятся средством исполнения нужды других. И нужда эта может быть исполнена мастерски.

Период 5—7 лет по представлению психологии — это время, когда идет духовное становление как центральное, доминантное, а значит, что способности и все душевное, телесное совершаются в строгом послушании духовному, то есть отклику на нужду. И потому дети 5—7 лет воспитываются в строгом послушании, в строгости вообще. Так было у всех народов.

Детство — это подготовка к взрослой жизни, жизни очень суровой, трудной и непростой. В детстве надо многому научить, а у нас, к сожалению, до сих пор жив такой лозунг: "Детям — счастливое детство". И поэтому дети просто счастливо живут и потребляют. В результате по закону опережения они действуют всегда по своим способностям, — чего способность в данный момент желает, того они и требуют через каприз, через упрямство, через еще что-то. Дети хорошо знают, как принудить взрослого идти у них на поводу. Даже через потакание взрослым. Ребенок сделает так, как хочет взрослый, убожит его, а потом попросит то, чего захотел, — и получит. Он заранее знает, что получит.

Когда ребенок воспитывается в строгости, тогда потакания детским хотениям или прихотям не происходит, а у взрослых постоянно присутствует внутреннее различие, где ребенок развивается нравственно, где откликается на нужду, а где идет на самоутверждение, требуя отклика на самого себя. И вот это тонкое слышание всегда происходит от любви. Если есть открытая любовь к детям, взрослый всегда слышит это. Если же истинной любви нет, если есть только привязанность или же притязания на какие-то собственные представления, тогда, конечно же, взрослый этого различить не может.

Так вот, возраст 5—7 — это возраст строгого ведения детей. И если в этом возрасте дали свободу для способностей (а ведь именно это и происходит, когда дети попадают в систему обучения), значит, встали на путь запрещения нравственного действия в ребенке. Да, человек может стать гениальным, талантливым. В социальном плане такой человек будет просто необходим, потому что государство нуждается в уникальных и талантливых, причем в таких, которые, работая по способностям, готовы отдать всего себя.

Итак, в возрасте 5—7 лет происходит запечатление труда — либо отклика на нужду, либо работы. И тогда идет развитие по способностям, тогда душевные силы запечатлеваются именно в этой области. Тогда человек, став взрослым, с радостью будет откликаться на всякое действие по способностям, а вот на исполнение нужды других у него сил не будет, и потому на истинное трудовое действие он не способен. У него начинается внутренняя апатия, появляется чувство, что нет никаких сил — и все тут.

Допустим, кто-то попросил помочь перевезти чемоданы, но есть свои дела. И хотя человек знает, что следовало бы оказать помощь, но никаких сил пойти и выполнить просимое не будет. Это уже потом человек найдет кучу оправданий, но это включение дополнительных подпорок, а центральное все-таки — отсутствие душевных сил для того, чтобы откликнуться на нужду другого.

Активизация способностей в возрасте 6 лет ведет к глубокой безнравственности вообще. К сожалению, неправильно было понято открытие Никитиных. Собственно, они еще раз сделали достоянием всех, что возраст 3—5 лет — это возраст телесного становления человека, то есть активизация всех его способностей — энергичный всплеск, доминанта телесного становления.

Эти способности могут стать авторитарно значимыми, а могут стать средством обеспечения духовного развития. Следовательно, что зададут взрослые, то и будет.

Сейчас в государственной системе опережение развития по способностям начали уже с 6 лет, в семьях многие энтузиасты начинают даже с 4-летнего возраста. Что из этого выйдет? Поживем — увидим.

Считаете ли Вы, что любое соревнование детей, где один будет победителем, — безнравственно?

Давайте взглянем на базисные действия. Почему все-таки дети включаются в соревнование с такой энергичностью? Откуда они берут эти силы? Откуда эта радость успеха, если он приходит? И откуда возникает внутренняя горечь разочарования, обиды, если успеха нет?

Если мы рассмотрим происходящее в психологическом плане, то обнаружим лишь одно: соперничество. Только оно рождает силы и желание обрести результат, не просто как результат собственного развития, хотя и это может быть, а именно результат соперничества с рядом идущим. Это и становится базисным движением, откуда черпаются силы, возникает радость или огорчение. Коль это базисное, то унижение другого будет восприниматься с восторгом. И чем сильнее другой будет стерт, унижен, подавлен, тем лучше. Резервы всех способностей ребенка включаются именно в эту работу. Дети попроще пытаются в заданном процессе лишь опередить и ничего другого не подключают к этому. Сказали им пробежать, и они бегут, и только в этом беге пытаются оказаться сильнее. А другой кумекает: оказывается, можно опередить по-другому. Допустим, на старте рвануть чуть-чуть раньше, поставить подножку, оттолкнуть соперника, припугнуть и т.п. Способов много. Таким образом, как только вы включаете базисный процесс соперничества, сразу включаются самые разнообразные способности человека. У наиболее простых арсенал этих способностей меньше. У наиболее развитых через общение со взрослыми — их целый набор и все включаются.

Базисная ситуация дает возможность максимально глубоко и максимально эффективно включить в безнравственное действие все способности, с которыми человек родился. Сами по себе способности ни нравственны, ни безнравственны. Просто способности и все, но в зависимости от того, куда будут погружены, в реализацию каких смыслов, они становятся либо нравственными, либо безнравственными. Задавая базисный процесс, мы задаем либо нравственную ситуацию, либо безнравственную.

Посмотрим внимательнее на возраст от 12 до 14 лет. По психологическим критериям — это время проявления или активизации самостоятельности. По исследованиям, проведенным в С.-Петербурге, в ряде школ девятиклассники показывали до 90% или даже до 97% состояние самоутверждения. И только 3—10% учащихся проявляют реакцию заботы друг о друге. И действительно, на внешнем уровне — это, вроде бы, период самоутверждения. Только, согласно психологическим законам, такое различие внутри одной возрастной группы невозможно, то есть, если так развивается психика, то тогда все 100% должны самоутверждаться. Когда стали делать анализ, то оказалось, что не самоутверждение является психическим основанием этого явления, а стремление к самостоятельности. В самостоятельности дети проявляют именно то, что запечатлели до 12 лет. Если запечатлели в своей семье самоутверждение отца перед матерью, матери перед отцом, тогда именно это они и будут проявлять, потому что другого они не знают. И самоутверждение будет характеристикой семей. До 93% семей самоутверждается, и только 7% семей проявляют заботу друг о друге.

Еще один момент — это особенность проявления в самостоятельности запечатленного. Если до 12 лет запечатление происходило — 1, 2, 3, 4, 5, 6, то после 12 лет в обратной последовательности — 6, 5, 4, 3, 2, 1. Мы уже говорили, что запечатленное в самом раннем возрасте, от рождения и до 3 лет, где схватывается способ отношения к окружающим людям, проявляется в самостоятельных поступках в возрасте 21—24 лет. Это время у всех народов считалось неблагоприятным для создания семей. Существовали традиции и особые правила, которые накладывали жесткое табу на женитьбу в этом возрасте.

На Руси, например, девушка должна была выйти замуж строго до 18 лет. Если она задерживалась сверх этого срока, то считалось, что она уже потеряна для замужества, ибо время пластичного вхождения в семью ушло. Дальше — жестче. В период 21—24 лет укрепляется очень жесткая позиция в женщине или в девушке, из-за чего она не может быть хранительницей мира в семье. В старину таких девушек уже боялись и в жены брали неохотно, как правило, это были негодящие юноши, последние в деревне.

Пластичная психика 18-летнего человека, обращенная к другому, в очень добром, мудром, мягком движении позволяет пройти динамику первых трех, самых сложных, лет формирования супружества. Это тем более важно, что именно в это время люди начинают узнавать, насколько они разные: с разными привычками, принципами, установками, ценностями. И это несмотря на то, что они еще находятся в состоянии влюбленности. Но как и всякое влечение, всякое чувство, идущее в слое эгоцентризма, влюбленность в скором времени насыщается и как бы иссякает. И начинает обнаруживаться, что помимо яркого свечения в любимом человеке есть что-то несветящееся, порой явно выраженное несветящееся. И тогда начинается период выяснений и согласований. Этот период имеет свою динамику: есть моменты глубокого спада, когда нет сил терпеть своего супруга; есть моменты полного умиротворения. Это все продолжается в течение трех лет.

Семья, которая имеет внутреннюю пластичность в психике, в этот период научается выходить из ссоры, находить моменты примирения, обходить углы, чувствовать другого по малейшим проявлениям, а натываясь на жестокость, мягко обходить ее. И тогда, войдя в возраст 21—24 лет, в психически очень жесткий период, она с меньшими потерями проходит его.

Труднее сегодняшней семье, которая создается в 20—23 года. На сложную динамику ее становления накладывается жесткость отношений друг к другу. Да к тому же еще идет наложение запечатлений взаимодействия родителей, когда нынешние супруги пребывали в возрасте до трех лет. Все, что было запечатлено тогда, теперь начинает проявляться в их собственных поступках. Девушка начинает проявлять мать, юноша — отца. И если у обоих мать и отец на протяжении первых трех лет становления имели сложную динамику ссор и примирения, эти сложные отношения запечатлятся и у молодых. Притом в самостоятельном поступке молодых супругов это проступает в умноженном виде. Это является еще одной закономерностью: что запечатлено до 12 лет, после 12 выходит в самостоятельное в некотором умножении. Сила умножения у разных детей бывает разная, но всегда проявляется. И тогда родители встречаются с тем, что посеяли в детях, но в более выраженном виде.

За счет этого появляется еще одна закономерность — жесткая и, к сожалению, очень горестная. Она заключается в следующем: если семья идет по пути умножения негативного, и нет ничего, что бы это негативное как-то гасило и восстанавливало в людях их доброе, позитивное, тогда из поколения в поколение негативное умножается, а позитивное, наоборот, гаснет. Это так называемый закон оскудения душевных сил.

Если душевные силы родителей еще в утробном развитии, а потом от рождения до трех лет были слабы, малы, а потом с возрастом их не хватало на хранение мира в доме, из-за чего были срывы в обиду, злобу, раздражение, неприязнь, взаимное непризнание, тогда эту скудость душевных сил запечатлевают дети. И в этой запечатленности они берут их еще меньше. У самих же родителей душевных сил так мало, что хватает лишь на то, чтобы удерживаться на грани примирения. В результате из поколения в поколение душевные силы гаснут а к четвертому поколению находятся почти на исходе, и поэтому энергетика срыва достигает огромных размеров. Четвертое поколение обнаруживает себя как поколение огульно самоутверждающееся. Малейшая зацепка — немедленный взрыв. Жесткая позиция проявляется либо в гневе, раздражении, ненависти, в единоборстве, либо, наоборот, в скручивании всего этого в себе, в результате — обида, истерика, внутренняя неврастения.

Еще одна особенность. Коль душевных сил мало, значит, нет внутреннего образа отношения или же действия по правде любви, по доброте. Неоткуда его черпать и нет сил для того, чтобы наполнить чем-либо некий рациональный образ. Даже дети, прекрасно знающие, как надо и что такое надо, что такое красиво и хорошо, тем не менее исполнить это не могут. Просто написать доклад — пожалуйста, напишут и о нравственном, и о добром, а как только вступают в реальные отношения, осуществить этого не могут. Никаких сил исполнить это доброе нет. Есть внешнее представление, как быть добрым, а внутреннего наполнения нет.

Итак, 12—14 лет — это возраст, когда проявляется запечатленное в самостоятельном развитии. То, что в 10—12 лет запечатлевалось и проявлялось, теперь, в 12—14, начинает самостоятельное проживание. 10—12 лет — время, когда на внешнем плане идет активизация способностей, и на внутреннем — запечатление трудового действия как такового. Причем существует трудовое действие ложное и трудовое действие истинное, и в зависимости от того, какое из них предложат взрослые, в какой системе отношений будет ребенок воспитываться, им будет воспринято либо ложное трудовое действие, либо истинное. Более того, если взрослые присутствуют в его воспитании, тогда трудовое действие будет восприниматься; а если они никак не присутствуют, если они предоставили детей самим себе, тогда трудовое действие детьми не воспринимается, и они живут просто по способностям. Способности позволяют им жить, пока силы есть, пока увлекательно, пока интересно. Но увлекательность и интерес прошли, — они бросили дело и пошли в другое, по другой способности... И так как идет активизация всего набора способностей, заложенных в ребенке, то переход от одного к другому на протяжении дня может осуществляться многократно и длиться в течение недели, месяца. И если дать возможность ребенку двигаться в таком хаосе по увлечениям и интересам, он не научается трудовому действию как таковому.

Отсюда значимость влияния взрослых, их включения, с тем, чтобы реализовать внутренний план. Тогда от 12 до 14 лет имеет место самостоятельный поступок с большим наполнением. На внешнем плане продолжается развитие способностей, но если до этого ребенок готов был прислушиваться, присматриваться и вбирать, а потом что-то делать, то с 12 лет он скорее готов сам что-то начинать делать, включаться по ходу дела в параллель и добирать необходимое. Отсюда необыкновенная активность, необыкновенная самостоятельность в этом возрасте. Это внутреннее обеспечено, и взрослые могут либо принять новое состояние детей, либо отвергнуть.

Когда это новое состояние детей не принимается, тогда между взрослым и ребенком разворачиваются конфликты, начиная от малых, кончая большими, вплоть до того, что дети бегут из дому или из школы, не хотят больше общаться с преподавателями, учениками. Когда же принимается новая позиция ребенка, тогда между ребенком и взрослым наступает самая благоприятная возможность настоящей дружбы, и дети готовы вместе со своим руководителем или с родителями в одной упряжке тянуть общий воз, тянуть с той скоростью, на которую только способны. Нужно дать возможность ребенку двигаться самостоятельно, если взрослые этого хотят. Тогда самостоятельное будет проявляться в мире, в дружбе с взрослыми, которые действительно становятся верными друзьями подростков.

Неудивительно, что это время созидания множества подростковых клубов, интересных классных коллективов, спортивных секций. Ребята готовы в интересах группы идти хоть на край света. Личного взрослого лидера здесь быть не может, а вот взрослый лидер группы — это обычное явление. И более того, его наличие становится внутренней потребностью подростков.

Неудивительно, что если весь класс полюбил учителя или в группе большинство полюбило своего руководителя, то зависимость от общего мнения и мнения друг друга усиливает эту любовь. И взрослый групповой лидер становится ведущим у детей, равно как и те ценности, которые он исповедует. Это благоприятное время для активной социализации детей, так как они, выйдя в самостоятельное действие, готовы на действительно значимое. Пустых, ненужных действий они делать не хотят, и если это обнаруживается, то всякий интерес к данному делу очень быстро гаснет или пропадает вообще.

Более того, вглядываясь во взрослых, дети в этом возрасте стремятся делать все, как взрослые, действовать самостоятельно, но как взрослые. И отсюда там, где им предлагается какое-то серьезное мероприятие, они выкладываются с такой искренностью, с такой полнотой, какой другой возраст не имеет и не знает. Дело вот в чем: став старше, они сориентируются в мире взрослых — кому что подложить, кому что дать. В этом же возрасте никаких ложных, лицемерных действий они еще не знают. С искренностью отдаваясь тому или иному делу, они не смотрят, что под этим скрывается, что из этого может выйти, куда это может быть направлено? В деле ребята присутствуют во всей полноте, воспринимая его как происходящее и важное именно в данном месте и в данную минуту. Отсюда такая энергия и мощь этого возраста.

Было время, когда сельским школам было разрешено формировать самостоятельные детские бригады, которые работали на поле от посева до уборки урожая. Зарплату выплачивали в зависимости от размера урожая. Ребятам предоставлялись в полное распоряжение необходимая техника и навесное оборудование, а в качестве помощника (но не руководителя!) можно было назначить любого из колхозных работников. Когда директора нескольких хозяйств пошли по этому пути, возникло движение сельских детских бригад. Результаты были поразительные: урожаи детей превышали урожаи взрослых бригад в два, в три раза — с такой вот самозабвенностью, с такой готовностью отдать себя делу ребята включились в жизнь и в работу. Это были как раз учащиеся 6—7 классов.

Аналогичное происходило и в лесничестве. Детские бригады на редкость быстро и качественно облагораживали закрепленные участки леса. В возрасте 12—14 лет ребята готовы делать все легко, быстро и в большом объеме. Поскольку идет активизация всех способностей (их 15) и одновременно с этим происходит активизация в самостоятельном поступке, дети в этом возрасте не могут сидеть в школе. Это для них невозможно, потому что школьное действие — это действие интеллектуальное, опирающееся на одну единственную способность — умственную, а остальные 14 в этот период практически не используются. Тех одного-двух в неделю уроков физкультуры, труда, пения или еще чего-то по другим способностям недостаточно для этого возраста.

Дети в возрасте 12—14 лет совершенно не могут сидеть за школьной партой по психологическим причинам. И было правильным, если бы педагоги, понимая и интуитивно чувствуя потребности подростков, имели право менять программы и уходить в те дела, которые звали самих ребят по их способностям. Главное, чтобы в полноте всех способностей была результативность, которая нужна и реально измеряема взрослыми.

В Макаренковских коммунах в этом возрасте производили фотоаппараты "ФЭД", которые по своему качеству не уступали мировым образцам. И это делали дети! Почему? Да потому, что позволяла самозабвенность, легкость вхождения в дело, отдача всего себя работе. Кстати, на этом же зиждется успех, который имеют учителя, ведущие внеклассную работу с ребятами такого возраста. Если педагоги сами самозабвенно отдаются этой работе, то дети готовы с ними дневать и ночевать. И результативность самая высокая. В возрасте от 14 и старше появляются скептицизм, ирония, цинизм. Из-за этого, конечно же, уменьшается эффективность дела. До 14 лет ничего этого нет, если сами взрослые не принесут детям. В этом возрасте, кстати, формировались самые яркие дворовые отряды, дворовые группы. Дети очень искренни, и там, где подросток не удовлетворен системой школьного становления, он уходит в самостоятельное формирование. Как результат — возникновение множества дворовых групп, группировок, где тинейджеры живут своим миром. И этот двор позволяет им реализовать необходимые психические состояния.

Был такой руководитель Тульского детского клуба — Евгений Волков. Будучи корреспондентом местной газеты, он решил организовать с ребятами военизированную игру. А через год под Тулой в военном марше с барабанами, фанфарами и горнами двигались колонны — тысяча с лишним мальчишек возраста 12—15 лет. Подростки увлекли своим движением практически всю Тулу, противоречивые отношения в подростковом мире сгладились, уровень подростковой преступности заметно снизился.

Эти дети решили бороться со спекулянтами. С помощью воинской части и шефов около двухсот мальчишек на вертолетах было заброшено в глубины леса. Заготовив несколько тонн грибов, причем самых лучших — белых и подосиновиков — они на неделю завалили ими рынок, сбив, таким образом, цены. В следующий раз такая же акция была проведена с лесной ягодой.

Но в этом (дело было лет 20 тому назад) власти узрели угрозу для своего авторитета. Выплеснувшееся на улицы движение в полторы тысячи подростков, слушающих одного Волкова и по мановению его руки готовых сделать все, что он попросит, было аполитично и не соответствовало партийной идеологии, поэтому властями было предложено Волкову привести все это в рамки деятельности пионерской организации. "Пусть будет клуб, пусть действует, но вы со своими ребятами не выходите на крупные операции", — предлагали власть имущие Волкову. Все кончилось большим скандалом, который, к сожалению, привел к отказу Волкова от педагогической работы и разгону клуба.

На внутреннем плане здесь просматривается огромная готовность быть в организованном действии и потребность в трудовом действии, которое имеет свои этапы. Это само по себе требует внутренней организованности человека, но и без коллективной организованности обойтись нельзя. И потому детские группы ищут организованности межличностных отношений. Они готовы в это время, подражая взрослым, играть разные роли, становиться то командирами, то подчиненными, часто меняясь ролями. Как правило, в роли командира ребенок не задерживается

больше месяца, потому что внутренне, психологически он не выдерживает себя в чистоте. Начинается негативное развитие в самоутверждении. Находясь в доброте, в течение месяца ребенок является организатором процесса, дела, действия, а не начальником подчиненных. И так как всякое дело имеет свои этапы и на каждом этапе требуются люди определенных способностей, организатор четко знает технологию процесса и определяет, каких людей и куда нужно ставить. Он организует людей не относительно самого себя, а относительно дела. Именно дела! На такую правду организаторского дела дети в этом возрасте очень способны. Но ненадолго. Если передержать ребенка в этой роли, то дальше он невольно начинает скатываться на организацию людей относительно себя, и тогда уже начинаются все явления групповщины: и насилие, и самовластие, и давление. В итоге в группе начинает формироваться иерархия: глава, приближенные к главе, основная масса исполнителей и, наконец, изгои.

Особенно ярко это выражено среди девочек данного возраста. Девочки вообще немного опережают мальчиков в становлении. И вот, на внутреннем плане, если процесс идет стихийно, возникает множество группировок в классе, в коллективе, секции, кружке, во дворе. Причем девочки, становясь во главе этих группировок, по своему эмоциональному фону проживания нестабильны и неуравновешенны, поэтому они легко меняют группировки: сегодня она с одной группой, завтра уже с другой — с первой полностью рассорилась. Проходит несколько дней, и девочка снова возвращается в первую, со второй ссора... Такие постоянные переходы девочек из группы в группу — обычное явление или движение стихийности, неуправляемой организации групп. И только там, где взрослые начинают правильно чувствовать ситуацию происходящего в детях, они могут внутренне облагораживать девочек-лидеров, но делать это следует постепенно.

Поскольку в этом возрасте проявляется потребность в самостоятельном движении, в лидерстве — все то, что девочки запечатали в возрасте 5—7 и потом 7—10 лет. А что они там запечатлевали? Если иметь в виду сегодняшнюю ситуацию воспитания, то возраст 5—7 — это возраст запечатления воспитательниц в детском саду — не мужчин, а именно женщин. А возраст 7—10 лет — это возраст запечатления учительниц. И опять же, не мужчин, а женщин!

Теперь давайте взглянем во внутренний способ действия воспитательницы-женщины по отношению к детям. Это, к сожалению, обычно дисциплинарный, административный способ отношений, когда требуется прежде всего дисциплина, как самое значимое. А тогда это просто полное подавление детской инициативы и подчинение женщине, которая действует в основном своими женскими средствами или женскими способами — эмоциональностью. И поэтому не рационально-логическое как мужское, а именно эмоционально-психопатическое как женское начинает становиться подавляющим в отношениях между детьми и взрослыми. И это запечатлевается. При этом, естественно, на эмоциональное быстрее реагирует со стороны детей тоже эмоциональное, то есть девочки. На женщину реагирует девочка. И потому начальниками, командирами, звеньевыми и прочими становятся именно девочки. С ними удобнее, женщина чувствует их язык. А вот язык мальчишек женщина не чувствует, и потому ей непонятно, что с ними делать.

Другое дело, что в последнее время появляется очень много феминизированных мальчиков, то есть воспитываемых женщинами в одиночку, мальчиков, которые образ мужского действия не схватили и не имеют внутри себя. И потому они больше в эмоциональном женском движении, нежели в рациональном мужском. Такие мальчики тоже оказываются понятными женщине — классному руководителю или воспитательнице, и таких мальчиков она тоже ставит рядом с девочками. Но если внимательно посмотреть, все равно оказывается, что девочки пользуются преимуществом только потому, что они более понятны, только потому, что легче управляемы.

Когда приходит время формирования группировок (12—14 лет) тенденция девочек к властвованию резко проявляется. При этом мальчики, несколько запаздывая в развитии, первый год невольно подчиняются девичьей организации. Внешне это почти незаметно. Только внимательно вглядывающиеся, проводящие анализ обнаруживают, какая из девочек какой группой мальчиков руководит, и как она это делает. Чаще всего оказывается, что это те самые девочки, которые имели огромный навык лидерства. Будучи в детском саду, в начальной школе любимыми, теперь они управляют остальными.

Сегодня, в связи с тем, что программа очень трудная, в начальной школе быть отличницами очень сложно, поэтому немало девочек, готовых быть лидерами, по своим интеллектуальным способностям не могут попасть в любимицы своих учителей. И тогда они, поскольку потребность в лидерстве все равно остается, входят в противоположное состояние — в так называемое неформальное лидерство. В любом классе начальной школы, с первого до третьего, есть такие неформальные лидеры-девочки, которые скрыто управляют ситуацией. И эти неформальные лидеры в возрасте 12—14 лет становятся иногда просто бичом класса. Они не могут войти в ситуацию обучения, учебного процесса, тем более что возраст такой, когда интеллектуальное не поддерживается изнутри и общественно-полезное как ценность, как норма, заданная учителем, не принимается. Тем не менее они вынуждены быть в этой среде и поэтому начинают создавать свои ценности, свои нормы, но тихо, исподволь.

Со стороны педагога здесь возможны две позиции. Одна — это позиция человека, который чувствует, что каждый ребенок есть самостоятельно развивающееся лицо, который имеет свой внутренний опыт, свой внутренний взгляд, оригинальный, непохожий ни на один другой, даже на учительский.

Видеть так, как видит ребенок, — значит, видеть так, как никогда никто другой в жизни не видел ни до него, ни после него. И вот в самостоятельный период эта уникальность проявляется особенно бурно, особенно сильно. И эту уникальность можно принять как самое драгоценное и тогда двигаться параллельно с этим уникальным и вместе с ним творить все то, что будет рождаться. Не "под себя" загонять, а творить вместе с детьми и причем творить так, как они поведут. А они часто ведут совершенно оригинально, совершенно удивительно. Девочки-изгои или же девочки-лидеры-неформалы проявляются в этом своем неформальном, негативном, отрицательном, на первый взгляд, но на самом деле очень оригинальном и уникальном. Другое дело, что это свое и это уникальное может иметь ценности, не совпадающие с ценностями

педагога. И задача педагога в том, чтобы, поддержав уникальное, возвести это уникальное в ценность нравственного и идти вместе, параллельно.

Тогда для девочек-лидеров-неформалов появляется возможность выйти из подполья, заявить о себе открыто. Некоторое время им придется переживать сложную ситуацию, когда все обнаруживается — и формальное, и неформальное — и всему разрешено быть. Педагог в этом случае обязан направить сами отношения между подростками так, чтобы они научились примиряться, чувствовать уникальное друг в друге, ценить это, а не подавлять ценностями какой-то группировки, например совета отряда. Это очень трудная и сложная работа человеческого и нравственного характера, где педагог должен услышать, что происходит между детьми. Примечательно, что в этой обстановке неформальное лидерство становится безнравственным и очень быстро входит в состояние примиренности со всем классом, в том числе и с явно нравственными детьми.

Может существовать и другая позиция, когда педагог или воспитатель свято хранит некоторую нормативность поведения, а со стороны ребят ищут проявления отклика на свои внутренние нормы. И там, где эти нормы, то есть поведение ребят, не совпадают с его нормами, включается механизм подавления всего неподходящего, непохожего. В результате начинается формирование обычной пирамиды, где во главе стоит учитель с его ценностями, рядом с ним — 2—3 приближенных ученика, поддерживающие только ценности учителя; дальше идет группа, поддерживающая этих трех; а дальше — уже масса учеников, составляющая где-то половину класса, которая, поддерживая то тех, то этих, на самом деле тихонько живет чем-то своим...

И вот здесь-то появляются неформальные лидеры. В этом случае они укрепляются в своей неправде неформального, в своей безнравственной позиции, потому что она изначально задана самим учителем — он ведь их не принимает — ни в уникальном, ни в чем-то личном.

Сумеет ли педагог объяснить каждому подростку, что, входя в зону самостоятельного движения, он входит в зону развития? Более того, открыть, что весь предыдущий период тоже был периодом движения в развитии. Только вначале было движение в запечатлении, а теперь движение в самостоятельном опробовании запечатленного. В этой пробе он имеет внутреннюю свободу — делать так или делать эдак, а педагог или любой взрослый может подсказать ему: "Пойдешь направо, — будет это, а пойдешь налево — будет то, а дальше решай, как быть". Вот тогда подросток, поставленный перед необходимостью решать: "Как быть?", начинает взвешивать сложившуюся позицию. Там же, где педагог не дает права выбора, а требует поступать по правилам, по своему представлению о правде, там ребенок, внутренне имея маленький потенциал другого движения, видит, что никакой самостоятельности быть не может, потому что нет выбора. Ребенок действует по принципу: такова позиция педагога. Как только ребенок это осознает, он сразу же уклоняется в сторону, пусть едва-едва, но это усиливается позицией его собственной самостоятельности. Педагогу это не нравится. Он начинает расценивать самостоятельность как проявление упрямства, дерзости, неуправляемости.

У педагога, воспринимающего самостоятельное как развитие, право ребенка на выбор становится центральным средством. И прав всякий родитель или учитель, который позволяет ребенку выбрать, следовательно, взвешивать то и другое, а взвесив, решить.

Даже если ребенок при этом выберет негативное движение (с точки зрения взрослого — это неправда), он все равно упрется в тот отрицательный результат, о котором был предупрежден, но не поверил. Убедившись в своей ошибке, он приобрел опыт, благодаря которому в следующий раз прислушается к мнению взрослого.

В возрасте 12—14 лет дети обретают первый опыт самостоятельного движения по предложению или же совету взрослого. Очень важно, чтобы к этому возрасту у ребенка сложилось не огульное отторжение совета взрослого, а действие по совершенно самостоятельной позиции, то есть постоянная проба себя, но с оглядкой на совет взрослого. И удивительно, что у мудрых взрослых, которые тонко знают этот момент развития ребенка или подростка, первое движение всегда — это разрешение. Мальчик или девочка подходит и говорит: "Можно?". "Можно", — отвечает взрослый. Но тут же задает вопрос: "А как еще можно?". "Не знаю", — говорит ребенок. Тогда взрослый уточняет: "А можно еще так. И результат при этом будет такой-то. Выбирай". Казалось бы, очень простой разговор, но он возможен только там, где взрослый внутренне свободен от требования к ребенку действовать только так, как он хочет. Значит, для взрослого ценно самостоятельное движение подростка.

Интересно, что в первые моменты, когда подросток попадает в такие отношения с взрослыми, он приходит в некоторое недоумение. Для него такое поведение взрослых в новинку, ведь до 12 лет он сам шел за тем, чтобы ему точно сказали: иди так и делай эдак. И внутренне, психически ребенок был готов к этому в силу соответствующей фазы развития. А вот с 12 лет он уже готов к самостоятельности. И всякий раз, когда педагог дает ему внутреннюю самостоятельность, по внешней привычке — это необычное действие.

Первое время дети будут выказывать недоверие такому взрослому, но это продолжается буквально один месяц. Настолько активен этот возраст, настолько быстро подростки осваивают ситуацию. Через месяц они уже научатся взвешивать, выбирать среди множества вариантов движения. Педагог или воспитатель может предложить им и три, и четыре, и пять вариантов.

Это чаще всего необходимо "жестким" детям, чтобы снять жесткость движения в жизни.

Попав в такую ситуацию, ребенок сначала теряется, а потом начинает всерьез задумываться: а почему тот или другой вариант? Получив негативный результат, подросток непременно вспомнит,

что и как обдумывал. Но если он встретится с запретом взрослого, то немедленно развернется в другую сторону и пойдет в свое самостоятельное. Получив отрицательный результат, вспоминать слова взрослого не станет, — настолько резко он отошел от предлагаемого взрослым, что даже близко не допустит, чтобы воспринять его слова.

Очень значима в этот период правдивость отношений с подростками. И там, где отношения соответствуют этому критерию, авторитет взрослых поднимается так высоко, что ребята готовы пойти хоть на край света. И этим зачастую пользуются старшие подростки при воздействии на младших. Подростки 15—17 лет, а иногда и взрослые, зная упомянутые закономерности, используют силы детей 12—14 лет в своих личных интересах. Предоставив возможность выбирать, они жестоко наказывают ребят за неправильно сделанный выбор и поступают так каждый раз, пока дети усваивают существующую в группе систему ценностей.

Исследования показали, что мир дворовый, мир подростковый опирается на законы справедливости и четкие требования ответственности за свой проступок, за свои действия. Обычно там предлагаются два действия, но всегда дается право выбора, причем за неправду всегда ждет жесткое наказание. Отсюда, как закон: если дал слово — исполни его. Вы, наверное, помните время, когда в ходу было такое понятие: "слово чести". Слову чести нельзя изменить, и кто ему изменит, — теряет честь.

Это слово чести, бывшее когда-то опорой нравственного в социуме, при переходе к авторитарному способу руководства переместилось в зону асоциального, в зону свободного подросткового действия, в зону улицы. Весь преступный мир держится на ответственности за свое слово, ответственности за то дело, которое взялся исполнить. И опять же присутствуют два элемента: наличие права выбора и строгое наказание за неправду действия. За нарушение слова чести взыскивают очень жестко.

В отличие от этого, в системе воспитательно-административной первая ступенька не дается вообще. Право ограниченного выбора предоставляется только любимым, да и то только в рамках коридора или представлений разрешающего. Вот здесь, пожалуйста, выбирайте, а вот там, за пределами коридора, выбирать никакого права не дано. И когда нет первого действия — права выбора — тогда второе действие — наказание за неправду действия — не имеет смысла, не имеет значения и чаще всего вызывает обиды и чувство несправедливости.

Это действительно несправедливо, потому что подросток начал исполнять действие, которое сам не выбрал, которое ему было дано директивно. И затем, выполнив его неправильно, он еще получает за него нагоняй. Естественно, возникает чувство обиды, отчужденности: "А причем здесь я? А почему не он?". Когда предлагается одно действие, то сразу первая же реакция: "А почему я? Пусть лучше другой". Происходит не-медленная экстраполяция к наказанию. "На меня это пало, а теперь с меня это спросят". Ребенок знает по прошлому опыту, что отвечать в конце действия

придется ему и экстраполяцию дает на конец действия, а не на начало. А нам кажется, что он вот здесь, вот сейчас откликнется.

Перейдем к вопросам.

Вы говорили о 15 способностях, о том, что учителя почему-то предпочитают тренировать только интеллектуальную, строя на ней все обучение. Расскажите об остальных 14.

Первая, царственная способность — это интеллектуальная, или умственная. Следующие четыре способствуют развитию эмоций в человеке: это музыкальная, изобразительная, зодческая и лингвистическая способности. О двух последних мы совсем забыли. А между тем, зодческая способность существует изначально, и многие дети в возрасте 3—5 лет, возводя песчаные домики, следуют этому дарованию. Умение слышать внутреннюю красоту слова, ощущать его внутренний смысл дает лингвистическая способность. К сожалению, она почти полностью утрачена за последнее время. Мы практически уже не чувствуем красоты отдельных слов, не видим разницы в их эмоциональной окраске. Поговорки, загадки, прибаутки исчезли из нашего лексикона, на смену им пришли жаргонизмы, штампы, бесцветные канцелярские обороты, делающие речь убогой, а мысли примитивными

Далее следуют две способности, обращенные к материальному миру, — ремесленная и техническая. Ремесленная слышит предметы природы, внутренне их чувствует. По этой способности человек может взаимодействовать с камнем, металлом, деревом, глиной и прочим существующим в природе. Техническая способность слышит и чувствует предметы, созданные человеком, это все рычажное, все электрическое, электронное и прочее. Удивительно, что в школьной системе обучения ни та, ни другая способности в полноте не присутствуют. Технической способности вообще нет. Ремесленная есть отчасти на уроках труда, где предлагается скопировать какое-то изделие. И чем точнее скопируешь, тем выше оценка. В то же время способность — это слышание внутреннего мира предмета, и потому способность всегда создаст нечто уникальное и никогда не создаст копии.

Другие две способности обращены к миру природы — это растениеводческая, благодаря которой человек слышит внутреннюю жизнь растения, и животноводческая — слышание внутреннего мира или жизни животных. Кстати, дети, которые имеют растениеводческую, но не имеют животноводческой способности, быть зоотехниками уже не в состоянии. И быть чабанами тоже не могут: они не знают, что делать с животными, но зато, будучи агрономами, они вырастят прекрасный урожай. И наоборот, те, что имеют животноводческую способность, хорошо общаются с животными, чувствуют животных, а вот с растениями ничего не могут сделать. К сожалению, ни та, ни другая способности в городской школе совершенно не присутствуют. Даже в сельской школе это присутствует отчасти, как незначимое, на время практики. Главное-то — учебный процесс! Но даже он зачастую направлен не на развитие способностей, а на репродуктивное исполнение каких-то обязанностей.

Иногда родители полагают, если детей воспитывать в любви к животным, то, глядишь, они и людей любить будут тоже. Но тут нужно иметь в виду, что способности — это слой, через который человек общается с окружающим миром, а душевные свойства — это более глубокое состояние, через которое он слышит людей. И вот, если ребенок любит животных, то это вовсе не означает, что у него развиты душевные свойства и он откликнется на беду или нужду человека. Бывает, ребенок готов всего себя отдать кошке, а бабушку тут же обругает.

Еще одна способность — организаторская. Ее нельзя путать с диктаторскими свойствами, эговлеченческим состоянием. Диктаторство — это властолюбие, стремление организовать людей относительно себя самого. Организаторская способность, как любая другая, не может быть ни нравственной, ни безнравственной — она просто способность.

Затем следуют способности квалификационные, например способность слышать в мире различные типы явлений, предметов и т.д.; способности, обращенные к человеку: ораторская, врачевательная. Есть способность пластическая — чувствование пластики своего тела. Если это погружено в ситуацию самоутверждения, тогда это спорт, а если в состояние развития себя для других, тогда это физическая культура. Спорт — это мотив совершенства, самоутверждения, власти над другими, а физкультура — развитие пластической способности для исполнения нужд других людей.

Часто спрашивают, что такое актерская способность, педагогическая? Актерской способности не существует и вообще способности актерства, с позиции нравственной психологии, нет. Равно как нет и педагогической способности. Это дар.

Что же такое дар? Дар — это соединение способностей и душевных свойств. Это нечто, обращенное в окружающий мир и через душевные свойства — к людям.

Педагогический дар может быть ложным и может быть истинным. Если в педагогическом даре соединяются способности и душевные свойства, то это дар истинный. А если соединяются способности и эмоциональность, это дар ложный.

Актерский дар с позиции нравственной психологии — это всегда ложный дар, потому что актерский дар — это всегда соединение способностей со страстной эмоциональностью. Но тут нужно обратить внимание на такую деталь: там, где народ испытывал нравственное здоровье, то есть был в нравственно здоровом периоде становления, там актеры считались людьми падшими, потому что тогда по нравственному здоровью люди просто чувствовали, что актерство, или страстная эмоциональность, — это уподобление ненастоящему, что, естественно, не принималось. А по мере того как ненастоящее, уподобленное, неистинное стало брать верх, люди, которые наиболее выражают эту неправду, эту уподобленность, постепенно стали занимать

ведущее положение в мире. И на сегодняшний день те, которые три столетия назад в результате радикального изменения нравственного климата считались падшей прослойкой мира, стали самыми известными и уважаемыми.

Лекция 5. Подробно о возрасте 14—19 лет

Видимо, это тот самый период, когда дети приходят к педагогу учиться, а затем, завершив учебную программу, улетают в жизнь.

С момента внутриутробного развития до 24-летнего возраста человек на самом деле готовится к вступлению во взрослую жизнь. Все, что с ним должно происходить во взрослой жизни, должно быть проработано за 24 года. Имея этот внутренний резервный материал, он может войти в общение со взрослыми на равных. Взаимодействие с инструментальным материалом, т.е. навыки, умения, знания, — это все внешняя сторона деятельности человека, являющаяся средством общения.

Человек постоянно взаимодействует с другим человеком, и можно сказать, что взрослые люди — это люди, которые имеют два плана действия: внешний и внутренний. На внешнем плане они делают то, что каким-то образом описуемо, но на самом деле они творят внутренний план. Внешне каждый человек может просто рассказывать о том, что произошло, общаться словесно, делиться впечатлениями, а на самом деле он в это время делает совершенно другое. Например, на внешнем плане рассказывает, а на самом деле зарабатывает внимание другого человека, утверждает самого себя перед другим, ловит момент, где подставить подножку другому человеку. Следовательно, действие внутреннее и есть та реальность, которая происходит в жизни взрослых людей. На внешнем плане человек выполняет работу по совершенствованию технического агрегата, а на самом деле он прилагает усилия, чтобы получить звание лауреата и т.д.

Итак, существуют смыслы, которые определяют поведение человека, и вот эти смыслы как раз и формируются как фундаментальная база человеческого "Я" от внутриутробного развития до 24 лет.

В периоде от 14 до 19 лет происходит проявление в самостоятельном поступке двух запечатлеваемых периодов. От 14 до 17 лет идет проявление периода от 7 до 10 лет, т.е. то, что запечатлелось, в возрасте от 7 до 10 лет активно проявилось в период от 14 до 17 лет. Затем, с 17 до 19, проявляется то, что запечатлелось от 5 до 7 лет.

Буквально два слова о том, что же запечатлевалось в возрасте 5—7 лет. Фундаментально идет усвоение труда вообще, способности к труду, хотя в зависимости от условий, в которых ребенок воспитывается, он мог запечатлеть не труд вообще, а праздное проведение времени. И сегодня, к сожалению, ситуация именно так и складывается. Если ребенок 5—7 лет две трети свободного времени проводит в труде, в заботе, в исполнении нужд окружающих, тогда он запечатлеывает труд вообще и все душевные силы, которые есть, привыкает обращать в исполнение нужд других людей.

Если же в возрасте от 5 до 7 лет ребенок был в состоянии счастливого детства — телевизор, радостные игры, спектакли, веселое общение с родителями, с детьми, — тогда его душевные силы направлены на праздное времяпровождение и тогда запечатлевается праздный стиль поведения.

Другой вариант. Ребенок активно занимался в кружках и в секциях. Сегодня очень модно отправлять детей в студии, где обучают музыке, изобразительному искусству, пластике и иностранному языку. Это классический вариант студии, где ребенок активно развивается. Казалось бы, он трудится, значит, должно быть запечатление труда вообще. В действительности происходит запечатление, но не труда вообще, не труда по нуждам окружающих, а запечатление труда по способностям. И тогда душевные силы уходят именно в этот вид труда, происходит интенсивное формирование способностей, обеспечение их энергетически, и оно, запечатленное, затем в возрасте от 17 до 19 лет начнет активно проявляться. Учитывая эти особенности запечатления, давайте посмотрим, что же происходит в возрасте 17—19 лет.

Если ребенок запечатлевал труд вообще, то с семнадцати до девятнадцати лет он слышит нужду других людей, легко на нее реагирует и легко включается в труд по исполнению этой нужды, у него хватает сил ради этого отказаться от праздного развлечения, отказаться от ребячьих сборов, даже от учебного процесса. Если же ребенок не запечатлел такого в возрасте 5—7 лет, а запечатлел праздное детство, веселое проведение времени, тогда от 17 до 19 он и будет именно к этому стремиться. Внутреннее, душевное движение у него будет направлено в такие действия, как дискотека, различные музыкальные, песенные занятия, произвольные общения, в которых он действует, как ему хочется. Это будет его естественной склонностью, естественным желанием, причем сил для этого будет очень много.

Вспоминаю типичную ситуацию. Как-то, будучи заместителем директора школы по воспитательной работе, зашел в 9-й класс. "Ребята, хотите дискотеку? — спрашиваю. "Хотим!" — в ответ. " Но за три дня нужно подготовить зал, найти музыку. Успеем ли?" — пытаюсь придержать энтузиазм. "Ничего, мы в темпе!" И действительно, все сделали очень быстро — откуда только энергия взялась, а вот парты перекидать после уроков сил не нашлось... И их действительно не было, потому что так запечатлелось, потому что душевные силы были активны только в праздном действии. Еще пример. Ребенок от 5 до 7 лет занимается во всевозможных кружках, в результате у него отклика на труд, на нужду вообще не существует. Все это время он не развлекался, и поэтому праздное действие для него немножко скучновато, а вот действия по способностям — это его

хлеб, и в этом случае он с удовольствием станет (если развиты музыкальные способности) заниматься музыкой, причем отдавать ей очень много времени, хотя бабушка при этом будет умирать. Он внутренне ощутит упадок всех сил, как только мама попросит исполнить какие-то семейные нужды, так как запечатления этого действия не произошло.

Имея эти моменты в виду, давайте рассмотрим, какая среда этих 17—19-летних окружала, когда они находились в подростковом возрасте.

Как я выше говорил, от 7 до 10 лет запечатлевается учебная деятельность. Причем, если ребенок запечатлевает радость от учебного труда, то происходит накопление резерва душевных сил на учебную деятельность в жизни вообще, и этот резерв действует до смерти. Не было радости учения — не произошло запечатления душевных сил.

Чтобы перейти порог запечатления, требуется огромная внутренняя перестройка, сознательно исполняемая самим человеком, знание способов и приемов, которые эту перестройку могут произвести. Это и есть работа над собой. Потребность самой этой работы может возникнуть у человека в результате жизненных обстоятельств, когда жизнь начинает предъявлять такие требования, выполнить которые возможно лишь при внутренней перестройке. Человек начинает осознавать, что только внутренняя перестройка поможет ему разрешить какие-то трудности. Сознание этого начинает заставлять его работать над собой, он начинает искать специальные курсы, специальные знания, специальные занятия, по которым такую перестройку в себе можно произвести. Без специального обучения или научения этой перестройке сам человек сделать ее просто не может, равно как человек, никогда не занимавшийся механикой, но в 40 лет понявший, что без механики ему не обойтись, не сумеет сам без преподавателей, без учебников, без специальных обучающих приемов научиться механике. Это просто невозможно. Исключение составляет вариант, если вдруг в 40 лет пробуждается техническая способность, и при этом для технической способности освобождается поле деятельности. Она на самом деле в нем была, но до 40 лет была заторможена и перекрыта другими уровнями человеческого "Я". Когда же эти уровни проработались и отпали, тогда эта техническая способность раскрылась и человек сам начал чувствовать предметы техники. Но это редкое явление. В большинстве же случаев человек бывает настолько перекрыт в своей способности, что реализовать в 40 лет без дополнительной помощи практически не в состоянии. А уже если говорить о действиях внутренних, то есть когда необходима работа над внутренними состояниями человека, которые не осознаешь, когда нужно научиться осознавать их, да потом, осознавая, вытаскивать, а вытащив, работать с ними, — вот эту всю технологию мы не знаем совершенно. Здесь самостоятельно найти какой-нибудь путь невозможно, требуется посторонняя помощь.

Так вот, если ребенок от 7 до 10 лет радостно учился, то с 14 до 17 лет он также будет с удовольствием учиться.

Есть еще такая закономерность: если ребенок в 1-м классе получил сбой в учении, то в 8-м он уже не будет учиться, у него сил душевных на это не будет. Если сбой произошел во 2-м классе, то в 9-м он вдруг прекратит учебу. Если сбой произошел в 3-м классе, то в 10-м он перестанет учиться. Это объясняет такие феномены, которые кажутся сначала непонятными. Например, пришел человек на первый курс техникума, училища, занимается, радуются педагоги. На втором же курсе, как подменили парня. Начинаем выяснять. Оказывается, во втором классе случилась очень серьезная ситуация с учителем, после которой все разладилось, и он дальше учиться не смог. Резерв душевных сил для учебного процесса отсутствует, и тани — не тани, делай — не делай, заставляй — не заставляй, ничего невозможно сделать, потому что этот резерв не обеспечить внешними тани — толкай. Остается единственное: сохранить каким-то образом его внутреннее самочувствие на том малом резерве, который у него остался. Самочувствие сохранить крайне важно. Если же акцентировать все внимание на том, что у него плохо получается с учебой, и через это, в конечном итоге, соединить его личностное "Я" с учебным процессом, то он будет себя воспринимать только через учебу: "я становлюсь полноценной личностью только тогда, когда я положительно проявляю себя в учебе. Если этого проявления не происходит, значит, я не становлюсь личностью вообще". С момента, когда такое переживание началось в подростке, начинается уничтожение сути его человеческого "Я". Он, в общем-то, дотянет до конца учебного процесса, но с очень серьезными комплексами на дальнейшую жизнь. Выйдя на производство, он не сможет работать в полную силу, потому что комплекс, заработанный во время учебы, останется в нем как минимум до 45 лет. Только после 45 лет происходит как бы постепенное изживание этого комплекса обретением воспоминаний, что когда-то у него все-таки получалось, в 30 лет что-то получилось, в 35 он вроде бы за какое-то дело взялся, вроде бы тоже вышло. Эти воспоминания поднимают в нем чувство собственного "Я", и тогда он обретает некоторую уверенность. Если же этого не происходит, человек обреченно живет на производстве "в стороне идущим", "рядом идущим", никогда не входящим в сам процесс производства, не занимающим активную позицию в нем. Получилось это потому, что весь процесс от 14 до 17 лет шел на переизбытке внешнего действия, при недостатке внутренних сил.

Если же ребенок в 7—10 лет учился с удовольствием и с радостью, то от 14 до 17 лет он с каким-то особым упоением вдруг включается в учебный процесс, хотя до этого в самый ранний подростковый период от 12 до 14 лет это был шалтай-болтай и был где-то вообще вне школы. Более того, вы увидите, что возраст 12—14 лет — это вообще неучебный возраст. В это время нельзя учиться на самом деле, надо просто работать, социализироваться, и работать, как получается, причем работать разнообразно на самых разных производствах, выполняя различные трудовые операции, часто меняя их.

Если все это обеспечить подросткам в период от 12 до 14 лет, то они будут чувствовать себя прекрасно, ради этого производства они готовы будут учиться. Учиться следует лишь одну пятую часть времени, но это учение будет идти очень активно, потому что оно все направлено в пользу активной трудовой деятельности. Зато с 14 лет с теми, у кого есть резервы для учебного процесса, происходит какая-то удивительная метаморфоза. Они втягиваются в учение и начинают больше заниматься учебной деятельностью, нежели производственно-практической. Только к концу этого периода, ближе к 17 годам, начинается постепенное включение преимущественно в практическую деятельность.

И еще один очень значимый момент. Если от 7 до 10 лет ребенок запечатлевал учебную деятельность как таковую, то с 14 до 17 лет происходит еще более глубокий план осмысления интеллектуального подхода ко всем событиям и к жизни вообще. Оказывается, существует внутренняя, очень глубокая потребность у всякого подростка во взрослом человеке. Без взрослого этот план осмысления исполнить нельзя. И оттого, что внутренне очень тянет к взрослым, подросток от 14 до 17 ищет таких взрослых. Идеальный вариант, когда таким взрослым для мальчика становится его отец, для девочки — ее собственная мать. При этом одновременно есть целый ряд таких вопросов, которые девочка должна решить не с матерью, а с отцом, а мальчик должен решить не с отцом, а именно с матерью. Если в семье все складывается нормально, то есть если до 12 лет достаточно и хорошо заложена полнота душевных сил, то тогда мир между родителями и детьми даст подростку возможность правильно осмысливать жизнь и все происходящее вовне.

Но так как сегодня ситуация прямо противоположная, то есть большинство семей не дает возможности такого общения, подросток начинает искать взрослых за пределами своей семьи. И тогда он сталкивается с такими же взрослыми, как и его родители. В результате одна из трагедий нашего времени — острейший дефицит общения со взрослыми у подростков. Некоторое время, поискав взрослых, такой подросток делает переворот внутри себя. Это подсознательное явление, при котором он разворачивается на среду подростковую, которая и без того является для него значимой, так как в начале подросткового возраста для него падают авторитеты всех взрослых, а авторитет всех сверстников резко возрастает. Это на внешнем плане.

На внутреннем плане рождается очень глубокая потребность в тонком, интимном общении со взрослыми. Именно один на один, индивидуально, а не в массе, потому что им открываются такие тайные проблемы, как, например, проблемы жизни и смерти, бесконечности и конечности, любви и ненависти. Эти пороговые проблемы ставят на грань разлома вообще всю ситуацию, поэтому подросток должен проговорить наедине со взрослым эти тончайшие вещи, поскольку внутренние проблемы существуют на самом деле.

На внешнем плане авторитеты резко снизились, а на внутреннем растет тяга к человеку, с которым можно поговорить. И эта тяга, как правило, не удовлетворяется. Когда происходит такое неудовлетворение, то подросток начинает присматриваться то к одному, то другому взрослому. В этом возрасте, кстати, ребята очень доверчивы. Если выказать некоторую расположенность, то они не различают, где ложная расположенность взрослого (взрослый "зарабатывает себе" подростка), а где он истинно открылся для подростка. Не ощущая различий, подросток отвечает первому, кто открылся. Из-за этого происходит еще одна трагедия, свойственная нашему времени, — надлом доверчивых подростков. Они открываются чаще всего учителю, который в большинстве своем, будучи предметником, выполняет только функциональную задачу. Он предметно-функционален и поэтому как человек часто даже и не знает самого себя. Для того чтобы ему проснуться и пробудиться как человеку, необходимо произвести внутренний переворот в самом себе. Это труднейшая, очень болезненная и тяжелая для самолюбия функционера задача.

Поскольку этого не происходит, подросток, не различив, как на него открылся учитель или воспитатель, открывается... и происходит сбой, осознание "ошибки", в результате которой происходит мощнейшее отторжение всего учительства в целом без исключений.

Глубокая, тонкая структура человеческого "Я" в подростковом возрасте способна особенно четко различать состояния людей. С одной стороны, он вроде бы доверчив и легко откликается, но с другой, — как только обжигается, то открывается тонкое чувство всякого человека и он легко и быстро различает, кто есть кто. Вот с этого момента все его общение со взрослыми вместо углубляющейся открытости, вместо углубляющейся искренности переходит в состояние очень тонкого различения: кто есть кто. Он начинает становиться психологом. В этом психологическом знании людей подростки имеют преимущество перед взрослыми. У взрослых острота ощущения окружающих людей пригашена, а у подростков очень обострена. И если так получается, то дальше, после отторжения всех учителей, он начинает четко раскладывать: вот с этим учителем можно в этих обстоятельствах сотрудничать, вот с этим — в этих, а вот с тем — в этих, но дальше — ни-ни. И он знает, с какого момента не надо себя к нему пускать, а с какого — и его к себе. Опытным педагогам знаком такой характер поведения подростков. У одних он сильнее выражен, у других слабее. Там, где особенно четко выражен, складывается ощущение, что общаешься с таким циником, который точно знает, каким он должен быть. На самом деле этот цинизм не его собственный, он произошел из-за "ошибки" с кем-то из педагогов или, может быть, на стороне с кем-то из руководителей кружков или каким-то человеком во дворе.

И еще одна особенность. На внешнем плане идет опора на авторитет сверстников, интенсивно формируются группы. Такое групповое поведение особенно выражено именно в возрасте от 14 до 19 лет. К 19 годам оно уменьшается, в возрасте 17—19 лет юношество уже начинает внутренне определяться и выбирать строго референтную группу, то есть свою группу. Иногда вообще юноша может быть один, внешне не переживая свое одиночество. На глубинном же плане он все-таки переживает. Но сил хватает, чтобы не быть в группе и не тянуться в группу. В возрасте 14—17 лет подросток так еще не может, он тянется в группу, потому что это единственное место, где он обретает внутреннюю опору, и поэтому идет интенсивное формирование группового общения как такового. В это время взрослый может стать лидером, которого принимает данная группа. Если взрослый начнет работать на ценностях данной группы, поддерживать и отталкиваться от них, то он становится лидером для этой группы.

Кто такой лидер? Лидер не тот, кто административно завоевал свою власть (это на самом деле администратор), а тот, кого избрали те, для кого он стал лидером. Так вот, когда подростки выбирают кого-то из взрослых в качестве своего лидера, они выбирают его по принципу поддержки их собственных ценностей. Лишь почувствовав, что взрослый их понимает, они начинают общение с ним на групповом уровне, — это то, что происходит на внешнем плане. В результате могут появиться подростковые клубы, в которых ребята 14—17 лет демонстрируют потрясающие спортивные показатели, тренируясь под наблюдением взрослого. Может возникнуть какой-то удивительный ансамбль или еще что-то такое, в зависимости от ценностного набора подростков.

Но при этом не надо забывать, что существует еще и внутренний поиск личного, близкого общения. Подросток может пытаться завязать этот контакт с лидером. В этом случае, как правило, на уровне группы все идет прекрасно, а на уровне личного общения не получается. Тогда снова происходит внутренний сбой. В группе подросток будет оставаться, будет принимать этого лидера. Часто классный руководитель оказывается таким вот лидером. Весело и здорово заведет он свой коллектив, и вырваться из него невозможно, потому что внутренние требования группы все равно ведут подростков в класс, все равно — в группу. Так или иначе, он остается здесь, но на глубинном плане проблему свою не решает.

Еще одна особенность. Возраст самостоятельных действий от 12 до 24 лет является периодом интенсивной активизации эгоядра человека. Оно присутствует в нас с самого рождения. Существует шесть уровней в структуре человеческого "Я" (фундаментально их восемь). Первые два — эмоциональность и способности. Третий уровень — это эговлечения человека. Четвертый уровень — душевные свойства. Пятый — более глубокий, таинственный уровень, кстати, редко проявляемый, — это уровень совести — непонятный для нас, потому что мы его в себе почти не знаем, почти не слышим, хотя эго его в каждом из нас когда-то было. И шестой уровень — воля человека.

Каждый человек с рождения имеет в себе шесть уровней, и по мере того как он движется к 12 годам, происходит следующее. Уровень совестливости ужимается, уходит, как более тонкий, более духовный, становится менее слышим, а уровень эго, как энергетически обеспеченный, поднимается, разрастается и к 12 годам становится актуальным. С 12 лет ребенок интенсивно идет в утверждение своей энергетики, поэтому возраст 12—24 — это возраст активного проживания эгоядра человеческого "Я". Правда, одновременно это и возраст выбора, потому что, оказывается, именно в этом возрасте подросток более всего может перестроить ход событий в себе самом. Он может начать работу над укреплением совести, над укреплением того таинственного и непонятного, едва слышимого в нем, глубинного уровня своего "Я". Но для этого требуется огромная поддержка со стороны взрослых людей, поддержка именно таких людей, которые живут сами на этом уровне, потому что существует закон резонанса: на каком уровне я предстаю перед подростком, на таком он и отвечает мне. Допустим, я, находясь на уровне эго, начал говорить с подростком о том, что существует совесть. Произносятся прекрасные слова о совестливом поведении, о нравственном вообще, я передаю ему только знания, а по резонансу он будет реагировать на меня своим эго, тоже потребляя свое знание для того, чтобы знать, где применить, а где не надо применять. Так вот, где следует применять, а где нет, знает именно эго, потому что он себя утверждает в мире и ловит моменты, чтобы свое себе взять. Эго всегда берет для себя, и всякое влечение для себя всегда влечет человека к чему-то, чтобы самому в этом насытиться, исполниться, состояться. В результате получаем ситуацию вилки, то есть несоответствия между действием и знаниями.

Один корреспондент посетил ряд колоний несовершеннолетних преступников ради того, чтобы выяснить, знают ли они, что это такое — моральный кодекс строителя коммунизма.

Беседа велась с наиболее агрессивными, неуправляемыми ребятами. При этом корреспондент сначала знакомился с подростками, а потом смотрел их личные дела. Результаты опроса были удивительны. Почти все имели представление о моральном кодексе, но некоторые отвечали так развернуто и полно, что их в пору было отправлять на любой классный час с соответствующим докладом. Затем журналист познакомился с личными делами содержащихся в колонии. Оказалось, что ребята, давшие наиболее пространные разъяснения морального кодекса, совершили самые страшные преступления. И в этом ясно прослеживается вилка между тем, что человек знает, и тем, что человек делает.

Подобная ситуация очень типична для сегодняшнего дня. Мы разговариваем с детьми на эгоуровне, от эго. Выступая как функционеры, мы выдаем им множество моральных знаний о совестливом уровне, но сами в нем не находимся. Подросток реагирует на нас тоже эгоуровнем по закону резонанса. Он сидит и высчитывает, что ему применить из того, что сейчас говорится, относительно говорящего, а что применить относительно остальных взрослых, с которыми ему придется общаться. Позднее, на классном часе, когда учитель спросит: "Кто подготовит доклад о дружбе и товариществе?", он с готовностью крикнет: "Я". Блестяще сделав доклад, он организует его групповое обсуждение, но, выйдя из класса, тут же забудет о том, что говорил, и откажется помочь товарищу. Почему? Да потому, что новые дела значительно интереснее, нежели знания, которые он только что продемонстрировал. Или другой пример: только что бегавшему по коридору ученику нужно зайти в кабинет директора. Происходит немедленное преобразование: внутренне собрался, актуализировал все из сферы своих знаний и вошел в кабинет именно так, как требуется директору. Все, что ждали, произнес, получил любовь директора, вышел из кабинета и отправился домой. Дома — больная мама, немножко собрался и перед мамой побыл таким, каким маме хотелось его видеть. Ему, конечно, жалко маму, но пришел папа, а с папой у подростка напряженные отношения, поэтому он безапелляционно высказывает все, что думает про родителя.

Мама вынуждена вмешаться: "Неужели ты не знаешь?" — спрашивает она. "Знаю", — говорит сын. "Ну, неужели не понимаешь?" — уточняет мама. "Понимаю", — отвечает подросток. "А почему же ты так делаешь?" — недоумевает. "Ну, не буду я так делать!", — обещает ребенок.

Типичная ситуация. Оказывается, уровень знаний, который весь лежит в триаде эго, вовсе не определяет поступки человека. На самом деле определяет поступки человека либо эгоядро само по себе, либо ядро совести. Но подростковый возраст — это актуализация ядра эго, поэтому совестливые движения могут произойти только в том случае, если в семье было запечатление совестливого поведения взрослых. Только запечатление может быть той опорой, благодаря которой совестливое, тонкое, слабое, едва слышимое, может начать действовать. Только запечатленное совестливое может помочь. Если запечатления совестливого поведения нет, если в семье ребенка до 12 лет и особенно до 5 лет родители ссорились, не имели между собой мира, если до 5 лет (особо тяжелый случай) родители пили, а потом развелись, то запечатлевается эгоповедение взрослых. Еще более подходящей для запечатления эгоповедения взрослых

является ситуация, когда родители ребенка до 5 лет жили в чрезмерном комфорте и благополучии, когда есть все: должности самые большие, сексуальная удовлетворенность родителей друг другом самая идеальная, денег — сколько хочешь, вещи — какие угодно, питание — самое разнообразное, но существует все это по эгоблагополучию.

Если существует эгоблагополучие, то родители живут в триаде эго, то есть на уровне эгоструктуры, эгоядра, и тогда резонанс запечатлений происходит по эгосостоянию, совестливое же не запечатлевается и не преумножается. Если человек живет не по эгоблагополучию, а по благополучию совести, то есть по благополучию отношений друг с другом, отношений с окружающими, то возникает не просто чувство мира, возникает чувство нужды другого. Когда есть чувство нужды, когда есть отклик на нужду другого, тогда есть и движение совести. Так вот, этого запечатления сегодняшние подростки практически не имеют.

К сожалению, на сегодняшний день больше половины браков распадается, больше половины семей не удерживается. Из оставшихся больше половины живут абы-как, на самом деле чистых внутренних отношений нет. Живут потому, что невозможно развестись: удерживают кооперативная квартира, машина, дача, еще что-то... Детей жалко, неловко перед сотрудниками или положение не позволяет. Или... мало ли еще каких-то "или" может быть... А внутри пусто. При этом интимные отношения осуществляются, а глубины душевных отношений, а тем паче любви, углубленности в этой любви нет. Движения к золотым отношениям (не к золотой свадьбе по годам, а к золотым отношениям) давно не происходит.

Но существуют еще семьи, которые чувствуют и знают, что такое строительство семьи. Так вот, именно это крайне малое количество семей и дает правильное запечатление. Дети из таких семей и в школе, и в техникуме могут проявляться в действиях отклика на нужду. Они всегда находятся в состоянии такого отклика, потому что запечатленное помогает проявляться совестливому уровню. Это не лицемерие, не поддакивание руководителю, педагогу, еще кому-то из стремления угодить. Это искреннее поведение, не только по отношению к данному педагогу, но и к другим педагогам, взрослым, к сверстникам, к любому человеку вообще. Таких детей по социологическим исследованиям, к сожалению, единицы на школу. Не на класс, а именно на школу!

Ситуация нравственного фундамента сегодня тяжелая, усугубляет ее тот факт, что в возрасте от 12 до 24 лет идет активизация эгоядра. Что это значит? Это значит, что все восемь эговлечений действуют в полную мощь.

Остановимся на этом подробнее. Каждый человек отличается по эгосостоянию. Каждое из восьми эговлечений представлено во множестве вариантов, и поэтому нет ни одного человека, похожего на другого по эгосостоянию. Еще одна особенность: доминантные эговлечения у всех различны. У одного доминантно одно, у другого доминантно другое.

Восемь эговлечений делятся на два и шесть. Два эговлечения царственные — гордость и тщеславие. Основанием для оставшихся шести является влечение к пище, которое поддерживается пятью остальными.

Царственные правят всем поведением человека. Одно из них — гордость — влечение к самодостаточности. Приведем пример. Разговорились при встрече два брата. Младший, живущий в деревне, удивляется жизнью старшего, городского: "Как ты можешь так жить? То бежишь на какие-то курсы повышения квалификации, то ищешь билеты в театр, то достаешь какие-то кассеты для видеомэгнитофона, вечно спешишь, вечно летишь, вечно крутишься... Что, тебе дома нечем заняться? Жена есть, дети есть, зарплата приличная, мог бы жить по-человечески... Вот у меня: жена — есть, дети — есть, корова-есть, земля — тоже есть. Больше мне ничего не надо!"

Очевидно, что у младшего брата гипертрофировано чувство внутренней самодостаточности, что привело к абсолютной уверенности, что он и есть главное. В это время старший брат слушает его и про себя думает: "Невежда ты, невежда. У тебя корова есть, да видеомэгнитофона нет. Ты даже не представляешь, как важно быть в курсе новинок кинематографа. У тебя земля есть, но ты не знаешь, как в театре двери открываются, ты даже вообразить не можешь, какое это удивительное дело — спектакль. Увалень ты, увалень!"

Какое огромное внутреннее чувство самодостаточности и у этого брата! Два родных человека, — и каждый считает другого завязшим вообще невесть в чем. Главное же здесь вовсе не это внешнее поведение, не то, что на внешнем плане происходит, но то, что на внутреннем плане они совершенно одинаковы, в одинаковой степени самодостаточны, одинаково горды друг перед другом. Эта самодостаточность проявляется в очень простом: деревенский думает про городского брата, как про менее практичного, чем он, низшего, чем он. Ну а городской думает то же самое про деревенского. Так вот, чувство самодостаточности проявляется в том, чтобы всегда ощущать себя выше другого. Именно из чувства самодостаточности идет активное обвинение, низведение других, постоянное видение неправды в другом, чувство самооправдания. Отсюда же постоянное видение или ощущение, что у меня-то это все получилось, или точно получится, или я вообще знаю, куда я иду и что делаю. Это все и есть чувство гордости.

Гордость есть царственное эговлечение, которое владеет всем. Гордость прямо соединена с умом, одной из 15 способностей человека, и благодаря этой связке гордость работает на идеях. Чем больше человек знает, тем больше раздута его гордость. Люди, имеющие энциклопедические знания, часто имеют гипертрофированную гордость. С такими совершенно невозможно разговаривать, так как они все знают, обо всем имеют свои суждения. Однако они не знают того, что существует более глубокий, четвертый уровень душевных свойств, который им не дано слышать. Гордый не знает и не догадывается, что существует таинственный уровень совестливости. Как только с ним заговоришь о совести, он тут же, опираясь на энциклопедические знания, расскажет, что такое совесть, откуда она начинается и где кончается. Такой человек может вообще сказать: "Не суйся со своим малознайством ко мне, всезнающему". Но того, что в этот

момент попирает другого, унижает его, что вызывает в нем бурю внутренних переживаний, досады, боли, унижения, еще чего-то, он просто не заметил. Ему не до этого.

Второе влечение — это тщеславие — влечение к положительному мнению окружающих людей. В подростковом возрасте уровень тщеславия активно возрастает. Причем и гордость, и тщеславие, какими бы они ни были большими или маленькими, главными или второстепенными, в подростковом возрасте увеличиваются тоже. Правда, степень проявления их различна, в зависимости от сил. Тщеславие задает уровень притязаний. Если тщеславие малое, то подростку достаточно, чтобы положительное внимание к нему проявлялось только со стороны семьи. В семье принимают — и достаточно. В школе не понимают, где-то еще попирают — ему неважно. Он давно не слышит, что его попирают, он живет себе, да и живет. Если же дома кто-то скажет о нем плохо, он начнет переживать. У другого тщеславия больше, и поэтому он хочет состояться на уровне класса, школы, училища, техникума. Если он известен здесь, и здесь его принимают, то такое положение его удовлетворяет. Третьему этого недостаточно. Ему хочется, чтобы его принимали на уровне города. Он мечтает стать знаменитым техником, ученым и т.д. Четвертому и города маловато, он вообще мечтает о целой стране, о Государственной или Нобелевской премии. Девочка мечтает стать кинозвездой, певицей, суперкрасавицей. Для пятого и это не предел: ему мало состояться на уровне страны, надо сразу на уровне человечества. И если притязания еще выше, когда тщеславие более властно, огромно, непомерно раздуто, тогда человек хочет состояться во всех эпохах сразу, как Аристотель. И он уже сейчас, в 14 лет, мечтает и лелеет в глубине своего эгоядра мысль, как он станет знаменитостью и через тысячу лет бюст его будет стоять перед учениками какого-нибудь класса.

Надо иметь в виду, что тщеславие в подростковом возрасте осуществляется через проживание своей внешности. Оказывается, подросток, живущий в эгоядре, при интенсивной активизации тщеславия не способен воспринимать себя внутреннего, т.е. внутренние ценности, оказывается, не слышатся. Существующие духовные ценности (добра, внимания, чуткости к другому человеку) не слышатся подростком, если он находится в эгоядре. Им слышатся только ценности внешней красоты. Внутренняя красота человека непонимаема им, ничто не откликается в нем на эту красоту. Глубокие уровни совестливости и душевных свойств приглушены, но зато уровень эгососто-яний развернут полностью. Тогда тщеславие остро воспринимает внешнюю красоту, тогда подросток естественно соединяется со своей внешностью через тщеславие. Он настолько сильно переживает себя через внешность, что сливается с нею в одно целое. При этом, чем больше тщеславие у человека, тем дольше это слияние с внешностью сохраняется. Самое большое тщеславие сохраняется до конца жизни. И люди с большим тщеславием, начав сливаться со своей внешностью в подростковом возрасте, сохраняются таковыми до старости. И вот 70-летняя старушка выходит на улицу, принаряженная как юная девушка. Жалко смотреть на нее: яркая косметика, не по возрасту короткая юбка, молодежная кофточка, шляпка невеста какая... Все жесты, манеры подчеркивают внутреннюю слитность со своей внешностью. Она внутренне воспринимает себя неувядающей красавицей и ничего с этим не может поделать, поскольку живет в тщеславии. Это есть действие тщеславия. Хорошо это или плохо, не об этом сейчас речь. Нравится оно вам или не нравится, определитесь сами.

Еще пример, как тщеславие реально проживается у взрослого человека. С какого-то момента человек очень хочет купить дубленку или дорогую шубу. Желательно — норковую. Вот наконец-то она куплена, и наступает долгожданный момент, когда шуба надевается перед зеркалом с предвкушением: "Я сейчас пойду и удивлю всех!" Мужчина и женщина одинаково переживают это состояние. Затем человек выходит и направляется к месту работы. Но ведь она (он) — не просто человек, а должностное лицо — преподаватель, директор, врач, инженер, мастер, еще кто-то. Но в данный момент нет никого: ни преподавателя, ни директора, ни врача, ни мастера. В этот момент идет только шуба! Человек приходит на свое предприятие, открывает дверь, и вот оно, вожаемое, началось: "Сколько стоит? Где достал? Как здорово ты смотришься!". И сладость разливается на душе, и нет в этот момент, уж точно, никакого преподавателя, никакого мастера, нет никаких 45 лет, есть только одно: шуба и только шуба. Вот это и есть тщеславие, вот так оно себя проживает.

Опытные и умудренные люди, желающие сохранить эту сладость тщеславия, умеют пользоваться шубой. Они три дня ходят в ней и делают перерыв. Потом опять три дня ходят и опять делают перерыв. В результате за счет встреч и расставаний постоянно сохраняется эта радость новизны воздействия на окружающих людей и внутренняя радость от принятия вещи окружающими. Ищущейшие по тщеславию делают следующее: покупают пять шуб и ходят, регулярно меняя их. Во всяком случае, материальное благополучие провозглашено как первая необходимость. После исполнения эгоблагополучия вспомнить о том, что существуют глубинные уровни совестливости, человек не может, просто не в состоянии. Но надо вернуться к подросткам.

Итак, существенно, что подростковый возраст — это возраст интенсивного проживания тщеславия. Даже дети, которые имеют запечатление совестливого поведения (а совестливое поведение — это всегда жертвенное, это всегда для других и ничего — для себя), даже такие дети тем не менее по структуре человеческого "Я" отчасти проживают тщеславие в этом возрасте, хотя и менее выражено. Это дети всегда простые и в обращении, и во внешности. В этой простоте есть глубина, а в этой глубине есть внутренняя красота. Имея эту внутреннюю красоту, подростки к внешнему проявлению не рвутся, они просто не чувствуют в этом нужды, желания. Те же подростки, которые этой внутренней простоты не имеют, не запечатлели со стороны родителей совестливого движения, не могут этого знать и поэтому активно живут внешним, тщеславием. Вот для них-то (а их сегодня более 90 %) время подростковое — трудное время. Тщеславие требует многого, чтобы находиться на уровне внешнего приятия. Для этого требуется дорогая одежда, обувь, дорогой музыкальный центр, видеодвойка, иномарка. Вот если это все будет, то тогда он внешне принят.

Какая-то часть подростков имеет внутренние силы, чтобы мириться с отсутствием иномарки, видео двойки, музыкального центра и как-то мирятся. Не все имеют такое раздутое тщеславие, чтобы рваться к иномаркам в таком возрасте. Но относительно своей внешности начинают самые тяжелые комплексы. Подросток жил и жил спокойноенько, например, с бородавкой на щеке, но вдруг однажды подошел к зеркалу и ее обнаружил. И вот с этого момента начинается мука. Заходит в троллейбус, там кто-то захихикал, а у него ощущение, что это по поводу его бородавки. Заходит в класс, а там — га-гага — и у него такое ощущение, что здесь только что

обсуждали его бородавку. И он готов сбежать куда-нибудь из класса или что-то с этой бородавкой сделать (срезать, например), да нельзя. Он знает, что после этого может начаться что-то тяжелое для здоровья — мама предупредила. И начинаются терзания оттого, что он несет эту бородавку на себе, что срезать ее нельзя и из-за нее он непринимает здесь, там, тут. Причем непринимает он один раз, а кажется ему, что десять раз в течение дня. И этого различия — один и десять — он в себе не знает. Он видит все ситуации как непреодолимые. В результате начинается наработка комплекса неполноценности. Так вот, комплекс неполноценности — это и есть результат только одного эговлечения, единственного — тщеславия.

Тщеславие нарабатывает очень мощный комплекс неполноценности у подростков. При этом они хотят состояться через тщеславие в себе, принимаемые окружающими людьми во множестве видов деятельности, и поэтому активно их ищут. Но давайте посмотрим, даются ли им эти виды деятельности теми условиями, которые мы задаем. Ведущая деятельность, которой занимаются тинейджеры, — это учебный процесс, а у многих, предположим, средние умственные способности, и они не могут учиться на 4 и 5, они могут рассчитывать только на 3. И вот уже слово "троечники" произнесено раз, "троечники" произнесено два. Сказали на уроке в классе, сказали на родительском собрании, сказали на школьной линейке; сказали лично, сказали между собой, "они между хорошими учениками и плохими" — опять где-то это прозвучало. В результате подростки начинают считать, что их не принимают, а они хотят быть принимаемыми.

Поскольку на фоне этой деятельности открывается комплекс неполноценности, подросток хочет состояться где-нибудь на практике. Он идет в мастерские, а у него нет технической способности, она у него средняя. Его приняли в техникум, и он здесь учится. Но средняя техническая способность опять выводит его на "тройки" и в мастерских. И его опять долбят: троечник, троечник, троечник. Он хочет состояться и не может. На всех уровнях по поводу его опять идет одно и то же: не состоялся. Идет интенсивное проживание себя, несостоявшегося. Если способности все средние, а тщеславие большое, притязания высокие, тогда начинается мощный комплекс неполноценности, заворот в самого себя. Это страшная ситуация. Идут срывные реакции. Он вдруг закатывает истерику во время опроса, закатывает истерику на практике, закатывает истерику дома и вырывается из этого истерическим способом, просто выбрасывая себя из этой деятельности. "Не пойду туда, потому что там меня не поняли". Оставшись наедине с собой, он решает реализовать в свободной среде двора и вдруг обнаруживает, что там его принимают. Лидер дворовой группы превращает его, подростка со средними способностями, в собственного секретаря, в такую пешку, которая все для лидера сделает. И вот, став такой пешкой при дворовом лидере, он чувствует себя нормально, потому что этот лидер не только пользует его, как пешку, но еще и приближает к себе, и в момент, когда назревают у парня осложнения с кем-то, лидер тут же защищает свою пешку. Эта приближенность к лидеру позволяет удовлетвориться тщеславию подростка, его начинают принимать, он чем-то становится. С этого момента он нашел свою нишу. Теперь в учебном или производственном процессе его точно не будет, а в процессе двора он будет уверенно и напористо продвигаться со всеми своими средними способностями.

А если таковым лидером оказывается взрослый человек? Сейчас стали возникать ситуации, когда 35—40-летний мужчина вдруг находит себе нишу в подростковой среде. Когда-то он был таким же среднего уровня подростком, у которого остался сильный уровень притязаний по тщеславию и гордости. Он не состоялся в обществе, притязания сохранились, и вот теперь они нашли себе нишу. Теперь он предлагает подросткам те ценности, которые для них важны. Идя на поводу у этих ценностей, он исполняет свои ценности в них (ценности эго-влечений). Он формирует такую группу, в которой он — лидер. Но лидер скрытый, обнаружить которого стоит огромных трудов, потому что все подростки его защищают. Защищают активно, по внутренней потребности, потому что он позволяет приобрести приемлемую нишу, где они приняты окружающими сверстниками. И если подросток своего лидера предаст, если вдруг лишится лидера, то сразу лишится целой группы принимающих его ребят. Тщеславие не хочет такого действия, особенно не хочет такого действия гордость.

В результате всякий момент неучитывания тщеславного проявления ребенка в подростковом возрасте неизбежно выщелкивает его из деятельности, которую мы, взрослые, начинаем для него организовывать. Коснемся остальных шести эговлечений.

Матушка шести эговлечений — влечение к пище. Оно существует в двух видах — влечение желудочное и вкусовое. Под ними — масса разновидностей. Желудочное влечение удовлетворяется только тогда, когда пузо — как барабан. И до этого состояния оно должно дойти, иначе не произойдет удовлетворения от еды. Влечение к пище по вкусу требует разнообразного понемножку, но чтобы попикантней и повкусней. На самом деле физиологически потребные для человека объемы пищи очень невелики: достаточно в день двух горстей зерна. Разнообразие тоже не требуется — просто зерно в чистом виде. Однако мы им не ограничиваемся. Влечение к пище — это наносное, идущее от эго.

Следующее влечение — это влечение к вещам и деньгам. Причем есть такая жесткая закономерность — всякое влечение (в крайней форме) хочет пользоваться предметом своего влечения в одиночку, поэтому тщеславие хочет стоять на сцене единично. Если это актер, то значит актер-одиночка, сегодня мы уже имеем театр одного актера. Если певец, так тоже с сольным концертом, а не с ансамблем — так тщеславие требует. Если награждают, то чтобы не группу награждали, а меня одного, если аплодируют, то чтобы не группе, а мне одному.

Гордость — влечение к самодостаточности. Я — над всеми один, а все остальные — ниже меня. Высшее проявление гордости — это желание быть императором империи, объединяющей все человечество. Гитлер, например, шел к власти по гордости. Чингисхан — также. Кто-то из нас также идет, но на своем уровне, на уровне своего коллектива, на уровне своей группы и так далее. Влечение к деньгам и к вещам в крайней форме было описано у Пушкина в "Скупом рыцаре". У скупого рыцаря доминантно влечение к деньгам. Для него были важны деньги в наличии, а не вещи или пища, поэтому он деньги ни на что и не тратит. Важно, чтобы они просто были, поэтому он спускается к ним и сидит, перебирая их. Пользовать это? Да у него нет других влечений. У него есть лишь одно ощущение, что у него есть деньги, и все.

Влечение сексуальное очень сильное, могучее. Сексуальное влечение бывает разное: к другому полу, к своему полу, к детям, к старикам. Существует масса разных извращений.

Влечение к гневу. Это одно из сильнейших эговлечений человека. Чувство раздражения, досады, чувство гнева — это все происходит от эговлечения.

Отдавшись этому эговлечению в состоянии гнева, человек обычно не может вырваться из него. Он понимает рассудком, что надо остановиться, но ничего не может с собой поделать. И пока гнев не истощится до конца, человек не сможет внутренне успокоиться и удовлетворить свое влечение к гневу.

Другое влечение — это влечение к унынию, к праздности, влечение проводить время в удовольствиях для самого себя. Человек может быть уныл от дел, уныл от забот, уныл от исполнения нужд окружающих людей. Отклика на нужду это влечение вообще не знает и знать не может, оно есть постоянное внутреннее желание исполнять тот или иной способ безделья. Один из вариантов — это многолежание после того, как человек проснулся. Другой вариант — это многошатание, когда человек шатается из угла в угол и вроде бы не очень понимает, для чего это делает, но в то же время ощущает, что вроде бы чем-то занят. Третий вариант, когда человек весело проводит время: танцует, пляшет, поет. "Лето красное пропела, оглянуться не успела...". Это и есть эговлечение.

Наконец, последнее влечение — влечение к печали. Это самое трагическое влечение, которое сегодня стало главенствующим. Проявляется оно как чувство тоски, одиночества, обиды. Оно обладает способностью к самозакручиванию, возникновению желания быть в одиночестве. По энергетике это влечение наиболее обеспеченное. Ни одно другое влечение инстинкт самосохранения превозмочь не может, только эговлечение печали. Нам кажется, что в печали мы обессилены, а на самом деле это бессилие мощной энергетике, энергетике печали, тоски, из которой вырваться невозможно. Эта энергетика сильнее инстинкта самосохранения, и если человек в этой энергетике закрепляется, погружается в нее, то он обладает достаточной силой для того, чтобы покончить свою жизнь. Ситуация очень тяжелая. С каждым годом в геометрической прогрессии растет число подростков, как девушек, так и юношей, с интенсивно развитым эговлечением печали. Этот процесс связан с массой проблем: в частности, с феминизацией, с инфантилизацией у мальчиков, когда они воспитываются в неполной семье, без отца. Даже в ситуации полной семьи чаще всего мы имеем почти безотцовщину, так как отец постоянно отсутствует и приходит домой лишь спать или отдыхать. Мальчики остаются практически без влияния мужчин, и в результате — сильнейшая феминизация. Все это сильно работает на эговлечение печали, это все — подкрепление ее энергетике. В результате процент детей с этим эговлечением увеличивается с каждым годом.

Все случаи, когда человек считает себя не состоявшимся в обществе, укрепляют эговлечение печали. Всякая несостоятельность по тщеславию, по гордости, по влечению к пище, по влечению к деньгам — все работает на печаль, если в человеке есть каким-то образом проявленное эговлечение.

Надо иметь в виду, что в подростковом возрасте идет очень сильное эротическое разжигание, поэтому все эговлечения активно проявляются в этом возрасте. Заметим, что есть главные, а есть вторичные эговлечения. Независимо от доминантности или не доминантности эговлечения гордости, тщеславия и сексуальности проявляются в обязательном порядке, независимо от силы и интенсивности их запечатления. По гордости, тщеславию также будет происходить обретение себя в группе. Это обязательный процесс.

Обязательно несколько раз произойдет интенсивная эротизация внутренних переживаний. Существуют два-три пика активного возбуждения, которые проявляются во влечении к своему полу, к другому полу и т.д.

Очень сильно идет работа на эговлечение гнева. Это одно из самых сильных, активизирующихся эговлечений подросткового возраста. Малейшая зацепка — и немедленный взрыв гнева. Поэтому, подросток, работая на ударнике и отдаваясь внутренним ощущениям, выдает и ритм гнева. В результате один ударник, независимо от того какие доминанты у него есть, несет все восемь эговлечений и в любой песне выдает всю гамму эговлечений. В итоге, одна песня отличается от другой только тем, что в одной песне превалирует сексуальный ритм, в другой — пищевой, в третьей гневный и т.д. А так как за одну дискотеку исполняется несколько десятков песен, то весь набор эговлечений демонстрируется весьма активно. Именно поэтому сегодняшняя музыка — страшная вещь. Теперь перейдем к вопросам.

На каком эговлечений работает пристрастие к рок-музыке?

Во-первых, вся бит-музыка — эговлеченческая. Рок-музыка разжигает многие эговлечения. Глубинных уровней в ней нет вообще. Ведущим инструментом в рок-музыке является ударник, который выдает ритм определенного эговлечения, многое зависит от того, кто исполняет партию на ударной установке. Если за ней сидит человек, доминанта которого влечение к пище, то он и выбивает ритм этого эговлечения. Талантливым считается музыкант, искренне отдающийся игре, а поскольку он находится в эго, то искренне погружается в доминантное эговлечение.

В рок-музыке используются два мощнейших средства по снятию внутреннего нравственного контроля за собственным поведением: превышение допустимого уровня звука и нарушение зрительного восприятия посредством стробоскопа. Достигается это с помощью новых технических средств. Первое стало возможным после изобретения мощных акустических систем, которые могут создавать звуки, превосходящие по мощности 80 децибел. При уровне звука 100—120 децибел это зон-троговый уровень — все внутренние защитные механизмы срываются, перестают действовать, и тогда человек полностью отдается тому, что работает в его эгоидре. Все внутренние

и внешние табу снимаются, ядро получает полноту его существования в данном человеке. Изобретение лазеров позволило создавать стробоскопическое освещение в огромных залах, где чаще стали проводить рок-концерты. Стробоскоп разрушает зрительное восприятие, искажает ощущение пространства, делает его застывшим. Если человек находится в помещении со стробоскопическими эффектами достаточно долго, то наступает стадия внутреннего шока, затем следуют третья стадия, при которой происходит внутреннее раскрепощение, и четвертая стадия — огульного действия всех эговлечений. Использование этих двух воздействий дает полный эффект раскрепощения эгоядра. В результате, если на ударнике был человек с эговлечением к пище, все начинают испытывать интенсивное чувство голода и после представления активно насыщаются. Многие полагают, что они много едят потому, что там сильно физически истощились. Ничего подобного! Обратите внимание, что даже те подростки, что стояли у стен, но не танцевали на этом вечере, приходят домой тоже голодными.

Если же работающий на ударнике музыкант находится в сильном сексуальном возбуждении, то идет мощный секс-ритм.

— Из вашей периодизации следует, что человек с рождения до зрелости психологически запрограммирован. Скажите, пожалуйста, влияет ли развитие общества в целом на смещение сроков этих периодов? Какие направления были в прошлом и какие тенденции предполагаются в будущем?

— У меня сложилось впечатление, что это какая-то неизбежная застывшая программа, похожая на ту, что у человека в гипоталамусе, и он развивается согласно ей, несмотря ни на что. Давайте рассмотрим развитие растительного организма, допустим пшеницы. Пшеница имеет определенные фазы развития, причем сколько бы лет ни прошло, зерно проходит одни и те же фазы развития. Это естественно и закономерно. Если рассмотреть животное, допустим собаку, то и она проходит определенные этапы становления — физиологические, психологические. Заложенные в природу, они обеспечивают полноту подготовки зрелой собачьей жизни. Таким же образом и природа человека имеет внутреннюю программу становления, которая естественна. Без этой программы подготовка к взрослой жизни пошла бы неверно.

Если вы внимательно всмотритесь во все периоды, то увидите удивительную мудрость природы человека. Основные, фундаментальные действия человека проходят сначала период запечатления, то есть восприятия от взрослых. Потом следует период самостоятельного проигрывания в собственных поступках. На все это накладывается идущее через многие годы осмысление собственного поведения. Вот эта триада, как бы три слоя проживания, дают полноту подготовленности к взрослой жизни, и после 24 лет человек действительно способен жить взрослой жизнью.

— Есть ли шансы все же перевоспитать подростка?

— Ответу сразу: шансов много и они велики. Основных условий два. Первое — удовлетворить глубинную потребность подростка в личном общении. Вы сможете передать ребенку истинные ценности, если на личном общении произойдет контакт, и тогда никакие внешние ценности (телевидение, видео, группы подростков) не будут работать, так как окажутся малозначимыми. Перед глубинной потребностью все остальные потребности подростка окажутся поверхностными.

Если же этот шанс не реализуется по личным трудностям взрослого, если он не готов к такой полноте общения с подростком, тогда остается надежда на второй шанс. Это организация групповых ценностей, выход на доверие с группой и работа с группой, постепенное выведение ее через групповые ценности на глубинные ценности, то есть на душевные свойства. Еще более глубокий уровень — уровень совестливости, который соприкасается с уровнем духовности человека. Постепенно возможен выход на такой уровень, но это труднейшая работа с группой. Уже Макаренко шел именно так, Сухомлин-ский шел так.

Всякий педагог, который работает с группой эффективно, работает именно таким образом. Правда, педагог может работать не по вертикальным, а по горизонтальным ценностям. Но тогда это работа в эгоуровне, поскольку сам педагог живет в эгоуровне, он про глубокие уровни ничего не знает и не стремится к ним. Но, находясь в эгоуровне, осваивая все эгоценности, мы движемся по горизонтали. Это бесконечное освоение. Например, освоение поля деятельности материальных ценностей чисто по эговлечению к деньгам, к вещам. Здесь просматривается бесконечное поле деятельности: частные фирмы, товарищества с ограниченной ответственностью. Пожалуйста, можно и так двигаться, но обретение ценностей на самом деле — это движение по вертикали, по глубине, обязательное движение к духовным ценностям, то есть к самой глубине человеческого "Я", а эгоценности идут по горизонтали.

Так вот, работая с группой, можно и по горизонтали идти, а можно и по вертикали. Все зависит от самого ведущего. Однако вести по вертикали, когда сам находишься в горизонтальном движении, просто невозможно, хотя сегодня именно это провозглашено и постоянно делается. Мы все живем по горизонтали, но приходим на классный час и объявляем тему — "Нравственность человека". Пытаемся говорить о вертикали, но сами живем-то по горизонтали. В этом сегодняшнее противоречие. И только тогда, когда сам педагог начнет быть в вертикали и идти в вертикали, только тогда его слово начнет давать эффект вертикали и в подростках тоже. Это вопрос, конечно, большой, это большая тема, и, может быть, о ней есть смысл вести разговор дальше.

Как Вы считаете, влияют ли детские сады на снижение духовных возможностей?

Очень сильно. Практически сейчас дошкольные детские учреждения приводят к нулю духовные ценности. Ребенок до 7 лет должен находиться в лоне семьи, под покровом матери. Никто другой

не должен подходить даже близко к нему, никто! А тут — несколько десятков детей, таких же, как он; масса воспитателей и нянечек, живущих по эгоуровню. Это вообще ужасная ситуация.

Часть 3. Тихий разговор с совестью

Введение

Все взрослые люди на свете с раннего детства стремились быть любимыми и, будучи детьми, старательно искали тех качеств, за которые, как им казалось, их можно любить. Они очень старались делать приятное любимой маме, слушаться своего папу, помогать бабушке и учиться мастерству у деда.

Трех -, четырех - и даже пятилетний ребенок, через десять минут после выговора (или даже наказанный шлепками), подбегает к своей маме и радостно вопиет: «Мама, дай помогу. Мама, а как это называется?» Он простил, то есть забыл и свою боль и свои слезы, потому что было чем простить — любящей душой, всей своей любовью простил .

Эта чудесная реальность, способность любить, быть заботливым и ответственным — естественная способность, и даже потребность всякого человека. Она вложена в душу каждою Самим Богом, Который есть Любовь.

Что заглушает в человеке с детства эту способность любить, откликаться на нужды близких людей и как научиться преодолеть эти помехи, рассказывает в своих беседах православный священник, директор Волгоградского епархиального училища православной катехизации и церковной педагогики прп. Сергия Радонежского, Анатолий Гармаев.

Эти беседы читались им в семейном поселении под Москвой еще в 1989 году. Люди, которые собирались в эти поселения, делали свои первые шаги в Православии. Но открыто говорить об оглашении тогда было еще небезопасно, потому беседы носили характер больше нравственный, чем духовный.

Прошло десять лет. Беседы эти не потеряли своей актуальности. Язык, на котором ведется разговор, прост и ясен (мы оставляем его без изменений), близок каждой душе, каждому человеку и доступен всем: и детям всех возрастов, и взрослым всех чинов. Слушать беседы могут и нецерковные люди. Их лучше слушать, нежели читать. Они для восприятия на слух...

Беседы будут полезны учителям и воспитателям школ, преподающим детям уроки нравственности.

ХОЧУ, ХОЧЕТСЯ, НУЖНО

Во время наших бесед мы будем размышлять о том, что происходит в каждом из нас. Размышлять, значит, вглядываться в самих себя, испытывая себя.

Каждый раз, когда семья соберется за общий стол или дети в школе приготовятся слушать чтение этой книги, необходимо собраться внутренне, сосредоточиться, примириться с собой, побыть наедине со своей совестью.

Вот и сейчас давайте помолчим 1-2 минуты, чтобы успокоиться и внутренне утихнуть.

В человеке есть два состояния. Мы все их хорошо знаем, только не умеем различать: мы просто живем ими, не осознавая, чего в нас больше. Самое известное состояние — это состояние «хочу», когда чего-то очень хочется. Хотения человеческие ... Например, очень хочется сейчас что-нибудь съесть или погулять, побегать ... Иногда мы говорим, например, что не хочется работать. На самом же деле состояние «не хочется» означает одновременно состояние «хочу».

Если не хочется работать, значит, в это время хочется делать что-то другое. Например, спать. «Не хочется вставать», — говорю я утром. Но ведь это неправда. Не этого не хочется. Как раз наоборот. Хочется. Хочется еще поспать. И чтобы мне это позволили, говорю, что все остальное я не хочу делать. Тогда меня должны спросить: «А что ты хочешь?» И я должен ответить: «Я хочу спать, есть, хочу играть».

В действительности, человек очень четко знает, когда бывает состояние, где «не хочется». Что-то упорно не хочется делать. Состояние «не хочу», как таковое, существует в человеке. Так, я вечером не хочу спать, но меня отправляют в постель, а я хочу играть, смотреть телевизор, беседовать и т.д. Состояние «не хочу» — это, оказывается, «защита». Я что-то защищаю.

Когда у человека «хочу» нет, то и защищать нечего. Тогда «не хочу» не появляется. Такое состояние бывает, когда человек болен. Болит душа. Человек лежит или сидит, не зная, что ему делать. В душе пустота, «хочу» нет. Ничего не хочу: ни есть, ни спать, ни работать. Пустое состояние — это и есть состояние «не хочу». Когда просто не хочу работать — это состояние пустоты в работе. А когда я очень хочу есть — это, наоборот, состояние предвкушения радости, которая начнется с принятия пищи.

«Хочу» начинается тогда, когда в чем-то появляется своя нужда. Где рождается такое «хочу»? Только в нас самих. В желудке, например, рождается «хочу есть». Казалось бы, поел сколько необходимо, больше организму не надо. Почему же остается «хочу»? А потому, что это «хочу» — не организма. Полмиски каши бывает для организма достаточно. Зачем мне нужна целая миска, зачем я прошу еще добавки? Почему возникает это «хочу»? Оно рождается самим организмом? Ничего подобного. Оно рождается моим желудком, его растянутостью до границ, когда живот становится как тугой барабан. Тогда «хочу» прекращается. А пока такого нет, — хочу, еще хочу!

Помимо желудочного «хочу», которое на Руси прежде называли чревобесием, существует еще одно «хочу» — вкусовое. Его называют гортанобесием. Разные люди живут разными «хочу». Одни живут желудочным «хочу», другие — вкусовым, а третьи — и тем и другим вместе. Что значит вкусовое «хочу»? Это то, что очень вкусно и разнообразно, «понемножку, да множко». Бывает гортанобесию и десяти блюд не хватает. Значит, «хочу» рождается в самом человеке. С помощью «хочу» человек удовлетворяет свою нужду.

Есть еще одно состояние, по своему ощущению не похожее на чувство «хочу». Когда видишь нужду другого человека и начинаешь об этом беспокоиться. Хотя, может быть, и нет особого беспокойства, просто видишь, что человеку нужно помочь. Вот аппетитный пряник на столе. Как я могу поступить? Взять и отдать его другому.

Какое же состояние должно быть тогда во мне? Сам я хочу этот пряник? — В этом состоянии с пряником не расстаться! Хочу пряник отдать? — Что это за странное ощущение? Что-то, не похожее на состояние «хочу». Это состояние другое. Какое?

Давайте подумаем над этим непростым вопросом.

Что же это такое в человеке, что может отдать, может поделиться, отступить от своего, первым подойти, прийти на помощь нуждающемуся? Ведь я бы мог книгу полистать, просто полежать, чем-то своим заняться. А вот встаю и иду помогать. Что это такое?

Часто ли такое состояние бывает в нас?

Так, с наступлением утра и до позднего вечера, сколько времени мы будем жить в состоянии «отдаю»: не себе брать, получать, к себе притягивать, а другому отдавать, уступать, помогать? Как долго оно будет длиться это состояние желания помочь?

Само по себе это состояние не возникает. Если мы хотим исполнить это «отдаю», то придется себя заставить, понудить, отказаться от своего «хочу». О, как свое «хочу» будет защищаться, не захочет отдавать. Как оно захочет брать и быть первым!

Как же быть с этим состоянием «хочу»? Нужно перебороть его. Существует большая разница между двумя состояниями «хочу» – «не хочу». Эта разница определяет, чью нужду я чувствую. Если я чувствую свою нужду, то это ощущение «хочу». Если я чувствую нужду другого, то это ощущение «отдаю» — отдачи. Еще можно сказать «жертвую»: я жертвую своим «хочу», чтобы нужда другого состоялась, дабы другой перестал нуждаться.

Дни идут, недели, месяцы, годы! Какими мы будем? Какими? В нас нуждаются родные в семье, друзья, товарищи по классу, больные.

За беседой кто-то хочет сказать. Надо дать ему возможность высказаться. Это его нужда. А вот младший нуждается в моем покровительстве. А вот немощный нуждается в уходе за собой.

Кто же исполнит эту нужду? Кто, как не я.

О ЛЮБВИ

Сегодня мы поговорим об удивительном чувстве любви.

Но прежде соберемся в себе, утихнем, примиримся со своей совестью.

Самое святое, самое доброе чувство в человеке — чувство любви. Возникает вопрос: к какому ощущению это чувство ближе? К ощущению, которое мы назовем «получаю» или «отдаю».

Я получаю тепло, радость, удовольствие от того, что другой рядом. Мне хочется, чтобы другой был всегда рядом, потому что когда он со мною, мне хорошо. Я хочу, чтобы другой давал мне радость встречи с ним, разговора с ним, жизни с ним. Если его не будет, тот не будет этой радости.

Хочу- получаю.

Любовь... Разве это лишь «хочу»? Слишком это высокое слово — «любовь» — и очень неясное по состоянию. Не может быть, чтобы одно лишь «хочу» было любовью. «Получаю» — разве это любовь? Нет. Значит и «хочу» — другое. Любовь — это, скорее, когда «отдаю». Хочу отдавать? Нет. Уже отдаю. Делюсь любовью, отдаю ее. В слове и в состоянии «хочу» любви нет. Отдаю. Сейчас, здесь и только сейчас.

Одно из самых трудных правил жизни, когда действует любовь, звучит просто (но непросто исполняется): ОТДАЙ, ПРОСТИ, УСТУПИ.

Вот и все. Если человек так поступает, действует и живет, — значит, человек любит.

Научиться любви — самая трудная наука в жизни человека. Каждый из нас для того и рождается, чтобы к концу жизни сказать самому себе: я немного знаю, что такое любить, потому, что я немного умею отдавать, прощать, уступать.

Начинается эта великая наука с самого раннего детства. Мы все пробуем дружить. В три года, в семь лет у нас есть друзья, товарищи, а уж в десять, тринадцать — и подавно. В этом возрасте без друзей трудно представить себе жизнь.

Дружить — очень нужно. Нужно для всей будущей жизни. Если не будет этого состояния «дружу», дружбы, значит, не будет полноты жизни, чего-то не будет хватать, и в душе будет тоска.

Кроме дружбы есть еще одно состояние, помогающее прийти чувству любви. Это — забота. Проявляется она, прежде всего, к родным и близким.

Что главное в брато-сестринских отношениях? Забота. Если ее нет, то какие же мы брат и сестра?

Старший — заботится о младшем. Младший — благодарит старшего. Благодарность есть часть почитания.

Это умение слышать и слушаться старшего.

Это умение, которому приходится учиться всю жизнь.

Это умение есть частица большого умения любить.

С самого раннего детства должно учиться трем составным любви:

- УЧИТЬСЯ ЧЕРЕЗ ДРУЖБУ;
- УЧИТЬСЯ ЧЕРЕЗ ЗАБОТУ;
- УЧИТЬСЯ ЧЕРЕЗ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Дружба — между друзьями и сверстниками.

Забота — старшего о младшем.

Благодарность — почитание младшим старшего и послушание ему...

Если в детстве человек научится это делать, то с обретением своей семьи, все три умения начнут соединяться в нем в одно большое чувство, называемое любовью. Через что начнут соединяться? Через действия, которые звучат в правиле: если человек, умеющий дружить, заботиться и благодарить, будет в своей семье отдавать, прощать, уступать, то он узнает, что такое любовь. Если же он всему этому не научится, то слово «любовь» будет для него неправдою или на всю жизнь останется загадкой, тайной. Прожив целую жизнь, в старости он скажет, что любви на самом деле нет, что ее придумали, яко бы, глупые люди.

Голодная кума Лиса залезла в сад;

В нем винограду кисти рделись

У кумушки глаза и зубы разгорелись;

А кисти сочные как яхонты горят;

Лишь то беда — висят они высоко:

Отколь и как она к ним ни зайдет,

Хоть видит око,

Да зуб неймет.

Пробившись попусту час целый,

Пошла и говорит с досадою:

«Ну что ж!

На взгляд-то он хорош,

Да зелен — ягодки нет зрелой:

Тотчас оскомину набьешь».

Человек, проживший свою жизнь как попало, может, как эта лиса из басни И.А. Крылова «Лисица и виноград», слышать слово «любовь», но так и не познать ее. Как лиса с досады со злостью сказала: «на взгляд-то он хорош, да зелен больно, тотчас оскомину набьешь», так и человек, ничего не делая, чтобы познать любовь, может никогда ее не встретить.

ОТДАЙ, ПРОСТИ, УСТУПИ — это непросто. Если попробовать хотя бы один день прожить в этом, то нетрудно будет убедиться, как это сложно. Что-то есть в человеке такое, что очень сопротивляется, не хочет так делать и очень боится этих действий, но если не пробовать — ничего не выйдет. Если не учиться дружить, то и дружбы между людьми не будет, тогда и не состоимся мы, как большая семья.

Дружить непросто. Еще труднее — заботиться.

В каждой семье мама заботится о детях. Старшие братья и сестры должны заботиться о младших. Но часто это забывается. Даже забывается проявить заботу о маме и папе. Если человек не научится заботиться в детстве, то уже взрослому ему будет очень трудно учиться, нелегко понять, что же такое любовь.

Еще одно очень трудное умение — благодарить, т.е. почитать, слушаться, принимать наставления.

Существует наставление и совет. Совет — это то, что старший говорит. Я же могу по-разному принять то, что он говорит. Я могу об этом спорить, могу в этом сомневаться или не принимать. С советом старшего я делаю, что хочу.

Если же старший говорит, а я принимаю его слова, как наставление, значит, я доверяю ему. Доверять слову старшего — это претворять его слова в наставление и принимать их без сомнения. Принять с благодарностью для того, чтобы исполнить.

Научиться от старших принимать слово, как наставление, как наказ, а не как совет или предложение, очень трудно. Но если человек в детстве не научится этого делать, он не научится и не сможет любить.

Благодарить — значит слушаться, быть в послушании. Слушаешься всегда того, кому доверяешь, кого принимаешь, как старшего. А если все время видишь в старшем плохое, значит, не умеешь прощать.

Благодарность начинается с умения прощать, с умения исполнять сказанное старшим. Если старший сказал то, что не противоречит совести, то надо послушаться.

Для того, чтобы получалось слушаться, нужно исполнять три действия: прощать, уступать, отдавать.

ПРОЩАТЬ тогда, когда кто-то сделал что-то недоброе. Не проступок его надо прощать, а его самого, который оступился.

ОТДАВАТЬ тогда, когда другой нуждается в том же, в чем и ты.

УСТУПАТЬ тогда, когда другой хочет что-то сделать первым.

Так, дружба, забота, благодарность через три действия, — прости, отдай, уступи, — приводят человека к большой силе, которая называется — ЛЮБОВЬ.

В добрый путь!

О СОСТОЯНИИ «ВЫСКОЧКИ»

Сегодня поговорим еще об одном состоянии, которое мешает человеческой доброте — о состоянии «выскочки».

Прежде соберемся в себе, утихнем для внутреннего разговора со своей совестью.

Состояние «выскочки» часто живет в нас. В нем мы исполняем свою потребность в том, чтобы оказаться первыми, лучшими, оказаться более сильными, выскочить так над другими, чтобы все сказали: «Надо же, какой он!», чтобы все удивились: «Надо же какую прекрасную идею подал он!», т.е. я, чтобы почувствовали, что сила за мной. Неважно какая. В одних случаях физическая, в других — сила слова («за словом в карман не лезет»), в третьих случаях, — сила каприза, — такую истерику закатил, что все со мной согласилось и сделали так, как я требовал.

Состояние выскочки очень часто возникает в разговоре, но совершенно запрещает быть дружбе. Ведь друг — это тот, для которого я готов сделать все. Но вот друг захотел сказать мысль. Она

пришла к нему первому, и он только вдох успел сделать, а я в этот момент уже начал говорить. Пока друг переводит дыхание, я вставляю свои мысли. А те, кто слушают нас, да и сам друг, все больше видят и понимают: умный-то не он, а я. Первому хорошие мысли приходят мне, а не ему.

Друг-то я, друг. Да разве же это дружба? Никакой дружбы быть не может, когда надо выделиться.

Если всмотреться, то мы со своими друзьями поступаем все время так. Да и не только с ними, а со многими, кто рядом. Когда мне очень нужно, чтобы друг был рядом со мной, он — мой друг. Мне хочется чувствовать его, говорить с ним...

А если мой друг захотел вдруг что-либо? Если у него появилась нужда в чем-то? Могу ли я отдавать? Могу ли уступать? Ох! «Выскачка» не уступает!

«Выскачка» сама хочет состояться.

По улицам Слона водили,

Как видно, напоказ —

Известно, что Слоны в диковинку

у нас —

Так за Слоном толпы зевак ходили.

Отколе ни возьми навстречу

Моська им.

Увидевши Слона, ну на него

метаться,

И лаять, и визжать, и рваться,

Ну так и лезет в драку с ним.

«Соседка, перестань срамиться, —

Ей Шавка говорит, — тебе ль с

Слоном возиться?

Смотри, уж ты хрипишь, а он себе

идет вперед

И лаю твоего совсем не примечает».

«Эх, эх! — ей Моська отвечает, —

Вот то-то мне и духу придает,

Что я, совсем без драки,

Могу попасть в большие забияки.

Пускай же говорят собаки:

«Ай Моська! знать, она сильна,

Что лает на Слона»

Это и есть состояние «выскочки». Главное — опередить. Главное — нашуметь. Главное — себя показать. А что при этом есть дружба, забота о младших, есть еще благодарность, т.е. умение слышать старших, — «выскочке» наплевать.

«Знай лает на слона —

То-то мне и духу придает,

Что я совсем без драки

Могу попасть в большие забияки».

Как «выскочке» всегда хочется быть большой и первой, во всем! В этот момент все стоящие рядом совсем не важны. «Выскочка» занята собою, ради себя и для себя живет. Она перебивает старших, когда те говорят, она может влететь в комнату и с ходу, даже не спрашивая, не прислушиваясь, что тут делается, начать тут же говорить. А в комнате идет разговор, добрый, тихий разговор об очень важных вещах. Но влетела «выскочка», которой ни до кого нет дела, и давай тархтеть.

Или же «выскочке» очень надо что-то у кого-то спросить. И вот, никого не слыша и не видя, кроме того человека, к которому она желает обратиться, «выскочка» бросается к нему и спрашивает.

Человек же в это время разговаривал с кем-то, но выскочка никого не уважает, кроме себя, ей «вынь да положь»!

Выскочка никому ничего не дает, она лишь себе берет. Попробуйте-ка с «выскочкой» начать говорить. Она всех переговорит! Слова не даст сказать. Состояние «выскочки» — это глухое равнодушие к людям. Очень тяжело, когда «выскочка» побеждает в другом человеке, но ведь она зачастую работает и побеждает в каждом из нас.

Мы не умеем подойти к другим и деликатно войти в разговор, не влететь, а войти. Это состояние «выскочки» в нас не умеет помочь другому, потому что для этого надо его, другого, спросить и выслушать ответ. А мы спросим и тут же за него отвечаем, на свой же вопрос. Он и рта не успеет открыть, как мы ответ за него даем. Потом же еще обижаемся, что тот, другой, нас не понял.

Так, выскочка и обида — это два состояния, которые ходят рука об руку. Это две подружки, которые запрещают в нас движение совести. Пока эти подружки сильны — никакая совесть не будет в нас говорить.

Совесть в очень тихих, малозаметных движениях души подталкивает нас к правильным поступкам изнутри. Возникает ощущение, что надо бы не так делать, как я сейчас делаю, как мне сейчас видится. Я вроде бы понимаю, что надо не так, а сил не хватает, чтобы пересилить себя и сделать так, как совесть подсказывает.

Вот и нужно учиться преодолевать свое состояние «выскочки» и делать так, как тихо подсказывает совесть. Она подсказывает робко, кротко, ненавязчиво. Совесть не выскочка, она не может так как «выскочка» влезть поперек всему и всем и настоять на своем. Совесть тихо будет присутствовать в душе и тихо подсказывать, как надо поступать. И мы должны слушать и слышать ее. Если мы выберем движение совести, то поможем ей состояться. А если мы выберем движение выскочки, то так из этого назойливого, мутного состояния никогда и не выкарабкаемся.

Время тишины — это время тихого разговора с совестью, разговора, когда нет «выскочки», когда мы учимся быть в состоянии прямо в противоположном «выскочке». И этому учит сама совесть. Она умеет поступать не так, как «выскочка». Во время душевной тишины каждому из нас остается выбирать: быть или не быть, преодолевать или не преодолевать состояние «выскочки».

О ДРУЖБЕ МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК, ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Соберемся в себе. Помолчим.

В людях мы различаем два пола: мужской и женский, есть юноши и девушки, мальчики и девочки.

Когда двое соединяются, чтобы вместе жить, то рождается семья. Юноша и девушка становятся мужчиной и женщиной. Мужчина и женщина становятся отцом и матерью. Каждый из взрослых был когда-то мальчиком или девочкой. Каждый сегодняшний мальчик и девочка будут когда-то отцом или матерью. Что же нужно сейчас сделать для этого?

Вот мальчик и девочка устроили дразнилку друг другу.

— Зачем?

А просто так, очень хочется, — говорит девочка.

Она сама задирается, — говорит мальчик.

А ты уступи.

Как это?

— А так. Она задирается, а ты не отвечай. Позадирается да и перестанет.

Оказывается, если уступишь, то другой от растерянности не будет знать, что делать. Сначала возникает желание соперника раздражить. Он же все уступает и уступает то с улыбкой, то просто молча. И никак его не раздражишь. А когда не получается, тогда наступает злость и очень хочется сделать ему больно. Если и больно не получается, то девочка говорит: «Дурак». Или еще как-то оскорбляет, унижает, чтобы через это он виноватым себя почувствовал. Не удалось свое «хочется» исполнить, так на тебе — получай! Что же это такое, что возникает и в мальчике, и в девочке, когда так хочется другого вызвать на такое странное общение?

Порою это бывает очень сильное состояние — хочется подразнить кого-то, толкнуть, что-то такое сделать с другим. Еще, бывает, хочется перед кем-то покривляться, пожеманиться, повертеться, похихикать, посмеяться, — «показаться» перед ним. Это возникает, когда другой меня не видит, а мне хочется, чтобы заметил, когда другой не реагирует, а мне хочется, чтобы он ответил. В этих играх мальчик или девочка как бы тренируются, как относиться друг ко другу.

Давайте представим себе, что мама так же будет относиться к папе: вертеться, крутиться перед ним, кривляться. Это очень странно будет выглядеть, не так ли? Согласитесь, что это стыдно, глупо и нехорошо. Да и невозможно себе представить, чтобы мама так себя вела.

А если девочка сегодня учится вести себя так с мальчиками, кривляясь, жеманясь, дразнясь, а то еще и дерясь, то став взрослой, что же она будет делать, как не то же самое?

Если мы учимся ходьбе с правой ноги или письму правой рукой — то как же трудно потом будет переучиваться ходить с левой ноги и писать левой рукой! Так и девочка в отношениях с мальчиками кривлялась, дразнилась, дралась, «показывалась» все детство. Разве она сможет делать что-то другое, когда станет взрослой? Она и взрослой будет продолжать делать то, чему научилась в детстве.

Поэтому очень важно с самого детства научиться правильным отношениям с другими людьми. Тот, кто учится игре на пианино, знает, как важно, чтобы рука была поставлена правильно — тогда играется легко.

Как же девочка на самом деле должна относиться к мальчику?

Так же, как мать относится к отцу, как мама к своим детям. Ведь мать — это та, кто показывает пример, у которой учатся. И если девочка знает, что она будет мамой, значит, она понимает теперь уже, что этому надо учиться.

Мама, которая кривляется, какая же это мама? Мама, которая дерется — обидно за такую маму.

Хочется, чтобы мама была очень добрым, чутким и щедрым человеком. Хочется, чтобы мама была простой, чтобы можно было с ней поговорить о самых трудных, самых горестных своих переживаниях, чтобы у нее можно было спрашивать обо всем на свете ... Чтобы мама могла утешить, помочь.

Хочется маму-друга, маму, которая всегда посоветует, как поступить, и если исполнишь ее совет, то увидишь, что он правилен.

Стать такой мамой — это значит учиться этому с детства быть девочкой доброй, щедрой, быть девочкой способной, девочкой, которая может посоветовать, потому что сама знает, может утешить, помочь, может услышать и понять.

Разве девочка, которая кривляется, дразнится, дерется, обижается или капризничает — разве сможет она быть такой? Кривляться и быть мудрой? Разве можно одновременно то и другое делать? Если она мудрая, разве может она в этот момент драться? Если девочка дразнится, разве может она в это время утешать? А если она утешает, успокаивает другого человека? Разве может она в этот момент дразниться? Разве можно успокаивать, дразнись? Это разные состояния, и поэтому одновременно они невозможны.

А в каком состоянии живем мы с вами?

Мальчик готовится к тому, чтобы стать отцом. Что это означает? Вот он дерется с девочкой, дерется всерьез, до слез. Еще и обижается на нее. Представьте себе его будущее. Вот он стал главой семейства. Вырос в мужчину, отца, который дерется, дразнится. Странно и даже страшно. А ведь если человек с детства только этим и занимается, разве он сможет, став папой, став мужчиной, быть другим — добрым? Чтобы стать настоящим отцом, дети должны учиться этому с пяти лет. Как они привыкнут общаться друг с другом, так и будут поступать до конца жизни.

Быть добрым, уметь утешить — это качество мужское. А если физическая сила соединится с добротой — что же может быть лучше?

Еще одно состояние — состояние капризной натуры. Если это начинает быть в мальчишке — мужчины не будет. Обидчивый, капризный мужчина. Что же это такое?

Как отличить натуру? Натура проявляется в самых разных «хочется». Если очень хочется пообщаться с девочкой, значит это натура. Доброго там ничего нет, мужского тем более. «Хочется» — это не мужское.

Мужское — когда нужно помочь девочке. Утешить ее — это по-мужски. А поболтать, побалагурить, переброситься разными острыми словами, анекдотами, прибаутками — все это возможно, когда «хочется».

Очень хочется поболтать — это качество любой натуры, как мужской, так и женской. А если мальчик видит, что в нем нуждаются и приходит на помощь — это мужское качество.

Можно ли играть? Конечно. Только и в игре нужно уступать девочке, не обижать ее и не обижаться.

А различать заботу о другом и «хочется» нужно научиться. «Хочется» рождает влюбленность. А у влюбленности любви мало. Любовь рождается с «нужно». Говорить с ним, потому, что это нужно ему, выслушать ее, помочь, понять, потому что это нужно ей. И если так учиться с детства, то мальчик и девочка, юноша и девушка научаются любить. Тогда, став отцом и матерью, они смогут стать добрым примером для своих детей.

О МОЛЧАНИИ

Как обычно, немного соберемся в себе.

Есть у людей такой обычай: садиться за стол — обедать или ужинать — молча, не разговаривая в это время друг с другом. И это очень непростой обычай.

Оказывается, мы совсем не умеем за столом молча принимать пищу.

А еще есть такой обычай: в какой-то момент дня находить 20 минут, чтобы в доме наступила тишина.

20 минут тишины.

Хорошо, если эти 20 минут происходят перед едой, и мы, придя в столовую или на кухню, начинаем есть, сохраняя эту тишину. Зачем? Почему? Для чего так?

Молчат уста. Но не о них пойдет речь. Оказывается, в человеке есть еще одно молчание — молчание внутреннее, когда человек внутри себя молчит. Вы ведь уже пробовали это делать? Получалось ли?

Мысли, поток мыслей. Разных разговоров с самим собой, воспоминаний, улыбок, усмешек (от услышанного), а то и прямо — смех. Смотришь друг на друга, и такой смех разбирает — бессмысленный, пустой смех, но такой заразительный, что удержу нет никакого. И пока не отсмеешься — не успокоишься.

Что же это такое, что в нас всегда внутренне присутствует? И если мы не заняты внешним делом, обязательно там, внутри, что-то происходит... Увы, даже если внешними делами заняты, то одновременно происходит и внутреннее, которое часто и к делу-то не относится. В каждом человеке очень много этого шума. Шум возникает от самых разных «хочу». Они сконцентрировались в разных частях тела. Одни «хочу» сидят в мозгу человека, другие в желудке, третьи — во рту. Все они время от времени дают о себе знать.

Время тишины ...

Вроде бы должно все внутри молчать, а вместо этого «желудочная точка», которая хочет есть, вдруг вспоминает о том, что готовится сегодня к обеду. Она соединяется с другой «точкой» в голове. Та думает о порядках, которые взрослые ввели в школе или дома. Появляется много мыслей по поводу тех людей, которые согласились с таким режимом, и две «точки»: «точка желудка», которая голодна, и «точка ума», что напридумывала всякие лихие мысли, соединившись вместе, начнут закручивать в человеке недобрую и злую работу.

Уста молчат, но молчит ли сам человек? Оказывается, когда мы дружим, заботимся или благодарим, такие вот разные «точки» начинают в нас без умолку трещать: говорить, подсказывать и мешать исполнять дружбу, заботу, благодарность. Какая уж тут дружба, когда сплошная ругань и недовольство по поводу пустого желудка? Какая уж тут благодарность к старшим, которые что-то напридумывали, если в душе одна злоба на них?

Время тишины — это такое состояние, когда все недоброе в человеке молчит. Это время, когда каждый из нас может видеть в себе все скверное, ибо только во время тишины оно поднимается и начинает громко говорить не вне, а внутри нас. И только очень внимательный человек, наблюдая за лицом другого, увидит, что тот не молчит. Вот появилась на лице усмешка, вот в досаде скривилось лицо, вот колючими стали глаза. Вот снова человек расслабился, потом напрягся, а вот прыснул вдруг и засмеялся тем пустым, ничего не значащим, гогочущим смехом. Смехом, из-за которого все доброе куда-то улетучивается, и человек остается пустым, действительно молчащим. Только теперь в нем все молчит — и злое, и доброе. Но потом, после пустоты, начинает активно работать зло.

Как же этому противостоять?

Оказывается, именно во время тишины, когда мы устремлены к добру, это можно делать. Это время, когда человек вспоминает о законе доброты, как управляющим его собственной жизнью. Доброта есть среди нас. Она может быть исполнена среди людей каждый день, вчера и сегодня. И завтра тоже!

Получается ли исполнить ее? Получается ли прощать, отдавать, уступать? Получается ли не жить своим «хочу», а жить, жертвуя, отдавая?

Получается ли любить, а значит: дружить, заботиться, благодарить? Получается ли все это?

Когда человек об этом задумывается, в нем пробуждается его доброе начало.

Совесь человека. Она подталкивает его как бы изнутри к доброму поступку. Человек намеревается что-то сделать: взять молоток или книгу. Это захотел и другой ... Совесь подталкивает отдать, но желание «хочу взять» уже опередило, и человек отдается ему. Потом, когда совесь напoмнит ему об этом, человеку станет совестно. Стыдно. Надо было бы послушаться, исполнить этот толчок «отдай», а он не послушался.

В течение дня, оказывается, бывает много таких случаев, когда совесь подсказывает, как надо сделать. Но в эти моменты я начинаю делать что-то другое — противоположное, и у меня не хватает сил исполнить толчок, предлагаемый совесью. Совесь подтолкнула, так теперь помоги ей, и сам сделай то, к чему она призывает. А не получается. Этому надо учиться. Это трудное занятие: учиться слушать тихие, подталкивающие действия совести. Но слышать — это одно. А второе — услышав, исполнить то, что предложила сделать совесь. Она уже предложила — отдать. Она уже предложила — уступить. Она уже предложила — простить.

Чтобы исполнить это действие, нужно превозмочь желание, которое опередило совесь: желание взять, оскорбить, обидеть, желание не уступить, доказать свое, заставить, настоять.

Когда наступает время тишины, мы можем вспомнить каждое такое действие, которое произошло в течение дня. Действие, когда совесь подсказывала, а мне не хватило сил исполнить ее толчок. И во время тишины я снова вспоминаю об этом, чтобы набраться сил... И тогда, когда в следующий раз нужно будет действовать активно по совести, я смогу поступить именно так, укрепившись в этом добром движении поддержки совести. И не предать ее. Это есть мужество.

Попробуйте помнить не столько сказанные здесь слова, сколько впечатление от слов, запавших в душу, и просто жить этим впечатлением, отдаваясь ему, и очень внимательно прислушиваясь ко всем моментам пробуждающейся совести, ко всем ее движениям, ко всем ее толчкам и побуждениям.

Вот так просто, ни о чем ни с кем не говоря, вступить в общение с совестью.

Тогда за стол мы будем садиться в совершенно ином состоянии, нежели в том, в котором рождаются желудочные и вкусовые «хочу». Это не будет торопливостью, это не будет суетой, это будет особое, примиряющее нас с совестью, вдумчивое сокровенное состояние.

Если в семье есть обычай читать вслух Жития Святых, тогда чтение за столом, будет продолжающимся разговором с совестью, ибо там говорится о том, как совесть подсказывает человеку исполнить действие доброты. А чтобы исполнить — необходимо превозмочь в себе злое, недоброе, то, что относится к своим «хочу», к своей нужде.

Начать исполнять нужду другого — трудная, но единственно важная задача, которая стоит перед человеком в жизни. Ради нее человек родился, ради нее растет.

О ДРУЖБЕ И ЛЮБВИ ИЛИ МАТЕРИНСТВЕ И ОТЦОВСТВЕ

Чему же мы уже научились, как будущие мать и отец?

Вот работает телевизор. Мы смотрим кино или эстрадное шоу, слушая разных певцов. Бывает, такого насмотришься! Герои, не став еще матерью и отцом, целуются, жеманятся, забавляются друг со другом. А песни такие сложены, что кажется, и сам сейчас влюбишься.

Но разве из этих песен мы узнаем, что значит быть матерью, что значит быть отцом?

Так наслушается человек, и сам потом захочет попробовать влюбиться, «поиграть», поласкаться.

Но в этом ли материнство и отцовство? Разве из этого создается семья?

Семья, созданная через это, очень скоро становится неинтересной и, конечно, распадается.

А чтобы она была настоящей и год от года крепла, каждый в семье своей должен научиться нужным делам. Например, ухаживать за младшим, чтобы он с утра был опрятен, причесан, т.е. принял внешний облик простой, но такой же добрый и чистый, как и все в природе. Если мы выйдем в лес, на лужайку и посмотрим на траву и деревья, то увидим, как они чисты и умыты росой или дождем.

Сумеем ли мы младших сестру или брата приводить в такое же чистое состояние каждый день, каждое утро? Умеют ли так заботиться о них не только девочки, но и мальчики, юноши? Научились ли мы научать младших ухаживать за собой, исполнять простые дела дома, в классе, в школе? Научились ли исполнять дела помощи соседям из своего села, микрорайона? Чему обучил младших ребят каждый из нас, скольким работам, делам? Чему они от нас научились? Чему научились мы сами и что сами умеем делать?

Может ли каждая девочка заплатку поставить, подрезать и подшить платье, рубашку, рукава? Может ли каждый парень владеть топором, молотком?

Какому действию у взрослых мы хотим научиться? Умеем ли мы спокойно, внимательно всматриваться, как взрослый что-либо делает? Всматриваться, внимая, ощущая душой, как происходит это умение. Потом же, пробуя исполнить, знать, что происходит внутри у взрослого, когда он так мастерски делает свое дело. Каждый из нас знает, как непросто овладеть математикой, научиться химии или физике.

Но научиться быть отцом и матерью — это труднее всех наук на земле. Слишком много должен уметь отец. Слишком много должна уметь мать. Ведь одно дело творить руками, другое — уметь делать душой. Уметь сохранить семью в мире, научиться вести дом так, чтобы лад был в нем: и в том как вещи лежат, и в том, как люди держат себя. Оказывается, взрослый человек не все это знает. Таких людей, которые бы, не учась, все это знали, в мире не существует. Потому взрослые тоже всегда учатся и будут учиться до самой смерти. Это очень трудная наука. Постигнуть ее может только тот, кто пробует сам и вглядывается, как это делают другие, прислушиваясь к их слову, совету, наставлениям.

Услышать совет — очень важное умение. Особенно тогда, когда сам знаешь, как быть. Услышать совет — это значит довериться другому, тому, кто советует. И другому, советующему, тоже надо учиться преуспевать в себе то состояние, которое мешает доверию.

Мешает доверию — СОМНЕНИЕ;

Еще более мешает — УПРЯМСТВО;

Просто запрещает всякое доверие — ГОРДАЯ УВЕРЕННОСТЬ, САМОУВЕРЕННОСТЬ.

Другими словами, я, мол, знаю, что надо делать, я, дескать, «сам с усами». Переступить через это, превозмочь себя в этом, значит прислушаться к другому, а в своем затихнуть. Отложить свое, попробовать быть наедине с собой настоящим, когда упрямство молчит, когда сопротивление взрослому, подающему совет, тоже молчит, потому что отложено. И в эту минуту запомнить слова, сказанные как наставление, дабы принять их как правду, и довериться другому как говорящему эту правду.

Разве будешь против правды свою неправду делать? Но услышать правду в наставлении мешает упрямство и желание все сделать самому.

НАУЧИТЬСЯ СЛЫШАТЬ НАСТАВЛЕНИЕ - ЧАСТЬ УМЕНИЯ МАТЕРИ И ОТЦА.

Если человек не умеет слышать наставление или совет, то невозможно в доме сохранить мир. Там, где совет не исполняется, там начинаются раздоры, непонимания, претензии друг ко другу. Тот, кто советует, сначала говорит с добрым расположением, а потом начинает ссориться, так как не может управиться со своим раздражением, обидчивостью. Оказывается, за советом и наставлением у него стоят притязания и претензии, а любви нет. Это тоже мешает быть миру в доме.

Тот, кто дает совет и хочет настоять на нем, чтобы был мир, пусть наберется терпения и любви, дабы дать другому возможность испытать самому то, что ему так хочется, чтобы он сам увидел, что то, что он делает — неправда, и что дела его против правды, дабы он сам увидел свои дела и правду сказанного, правду данного ему совета или же, тем более, наставления, которого он не послушался.

Тому же, кто советует, если мешают раздражение, обида, желание настоять на своем, необходимо превозмочь это раздражение в себе, обиду. Ему нужно успокоиться, прийти в тишину внутри самого себя, дабы все шумы раздражительности или обидчивости исчезли в душе, угасли притязания и претензии. В этой тишине человек сам вспоминает большие советы, которые он

получал когда-либо в жизни. Он вспоминает, что нужно любить, иметь силу заботы, попечения о другом.

Совет исполняется тогда, когда другой доверяет советчику. Здесь должна быть доброта совета, — и только тогда возможно доверие. Без любви хорошего совета не дашь.

Без любви совет не будет советом, он будет приказом. Без доверия того, кто слушает совет, он не станет советом.

Этот совет будет всего-навсего предложением, которое можно принять, а можно и не принимать, в котором можно сомневаться, и который совсем необязательно есть истина, хотя сказанное может быть и правдой.

То, что другой человек посоветовал, зачастую бывает самой настоящей правдой. Только научиться исполнять ее — задача труднейшая. Это тоже умение отца и матери.

Каждый из них должен уметь принимать совет и уметь давать его.

ДАЮЩИЙ СОВЕТ - ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЛЮБИТ;

ПРИНИМАЮЩИЙ СОВЕТ - ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ДОВЕРЯЕТ.

Любовь рождает доверие. Если с любовью дашь совет, он обязательно родит доверие, потому что любовь пробуждает в другом человеке доверие, и принимающий совет с доверием скоро становится любящим.

Эти два состояния соединены в человеке воедино, потому как они происходят в человеке тогда, когда в нем открыта совесть. Бессовестный человек не может быть в любви или в доверии.

Бессовестный окажется в руках у своей натуры. И вместо доверия он будет упрячиться, злиться, самоуверенно полагая, что справится сам. А тот, кто подает совет, вместо любви будет в состоянии раздражения, а то и гнева или обиды, на того, кто не исполняет его совета. Он будет активно настаивать, имея власть или силу, чтобы другой обязательно исполнил.

Но любить — не значит понукать. Если другой не хочет исполнить что-то важное и по жизни нужное, любовь отнесется к любимому человеку строго, но с терпением. Любовь не позволяет в другом свободу натуры. Ведь если позволить другому быть в натуре, то эта натура начнет делать страшные вещи. Она, свободная от совести, не контролируемая ею, начинает буйствовать и уходить в такую самоуверенность, которая нередко приводит к тому, что дела все разваливаются и

жизнь приходит к полному краху. Самоуверенный полагает, что он умеет все делать сам, и никакие наставления ему не нужны, никакие советчики ему не требуются.

Это буйство натуры не слышит других, а слышит только себя. Натура считает, что вольна делать так, как ей хочется, как ей вздумается...

Разве возможно отдать человека во власть своей натуре?

ЛЮБЯЩИЙ, ЛЮБЯ, ДА БУДЕТ СТРОГ!

Без этой строгости от натуры не спасешься. Но быть строгим к другим без любви к ним невозможно. Тогда вместо строгости будет жестокость. Равно как нельзя быть строгим к другим и не быть строгим к самому себе. Строгость к натуре — это тоже умение отца и матери.

Этому умению необходимо учиться. И чем раньше человек начнет учиться этому, тем лучше.

По канонам человеческого становления строгости к себе лучше всего учиться с пяти лет. Но если начать это делать в 10 или в 13 лет — это хорошо и не поздно.

Детство, юношество — это возраст, когда умение быть строгим к себе, своей натуре укрепляется и приобретает хороший навык. Взрослому вернуть себя к такому умению значительно труднее, чем мальчику или девочке, юноше или девушке.

Строгость к своей натуре нужна для того, чтобы обрести любовь. Без этого сегодня невозможны отношения отца-матери к своим детям и друг ко другу. Равно как и сама строгость вне любви превращается в жестокость.

Учиться строгости — значит обрести в себе состояние открытой совести, слышать совесть в себе и быть свободным в движениях любви; значит нужно прийти во внутреннюю тишину от натуры.

Натура проявляется в самых разных «хочу» и «хочется». Хочется самому, хочется так, как я думаю, хочется здесь, именно в это время, когда натура владеет и правит мною, делает меня своим рабом.

Нужно, чтобы все эти «хочется» замолчали в нас. Обретать тишину от натуры, свободу любви, свободу от «хочется» и «очень хочется» — непростое умение, которому человек навикает в детстве через послушание старшим.

Тогда легко будет быть взрослым.

ПРИМИРИСЬ С ДРУГИМ

Одно из великих умений, которое дано человеку — это умение мириться.

В ссоре кажется, что другой и есть виновник ссоры. Это он начал что-то говорить, не так делать, не так поступать.

Когда ребята ссорятся и их пытаешься остановить, каждый из них кричит: «А что? Это он! Я бы так сделал, да вот он...» Известно, когда говоришь о другом, обвиняя его, примириться невозможно. Примирение возможно только тогда, когда ты признаешь свою вину и потому ищешь примирения. Но где же тут примириться, когда в тебе все кипит: и обида, и злоба, и досада, и негодование, и возмущение. Вот если он, другой, повинится, если он, ДРУГОЙ, исправится, если он, другой, признает свою вину, тогда я соглашусь с ним мириться. Во мне все бурлит, все возмущается против другого. Даже когда кто-то подошел, чтобы нас помирить, все во мне так и рвется в бой, мне так и хочется настоять на своем. Иногда даже достается тому, кто начал примирять. Уж так бывают неостановимы поссорившиеся друг со другом.

Ссора — буйство натуры, где натура получает волюнцию. Попробуйте-ка разбушевавшуюся натуру остановить! Иной раз три дюжих молодца схватывают дерущегося, а он распахивает их и снова бросается на противника. Такая жажда, такое хотение отомстить, настоять, вразумить, показать ему! А если физических сил нет, то злоба с такой же силой начинает буйствовать в человеке. Говоришь ему: «Остановись, так нельзя, перестань обзывать, перестань наговаривать!» А

человек не может унять. Откуда ни возьмись слова появляются. Что-то в нем поселилось неожиданное, да так властно им руководит: кричит, вопит и выдает такое, — в ужас приходишь.

Откуда злоба эта берется? Откуда такая нечисть в человеке неукротимая? Да, натура, оказывается, в нас имеет бездонные колодцы энергии и силы. Дайте только этим колодцам открыться, выплеснуться наружу: сколько грязи вдруг человек обнаружит. И те, кто со стороны наблюдают, и тот, кто поссорился, увидят это. Для того и дается выплеснуться, чтобы человек увидел свою натуру. Если бы она так не проявилась, то разве бы знали мы, что она в нас есть, разве бы ощутили сами в себе такую страшную, разрушительную ее силу, ее язвительность, ироничность, обидчивость? А когда она вот так буйствует, наконец, понимаешь, какой же я глубоко поврежденный в своей натуре! Пусть даже справедливо я возмущаюсь, пусть даже тот, другой, действительно неправ. Но мое возмущение принимает такие формы, такое буйство натуры, что я сам себя не узнаю. Потом, оглядываясь и вспоминая, как я буйствовал и ссорился, испытываю муки совести.

Умение примиряться начинается с желания примириться. Есть ли вообще во мне желание жить в мире с теми, с кем я связан долгом: с моими братьями, сестрами, родителями, детьми, друзьями, соседями, жить, а не враждовать?

Жить — значит созидать и вместе делать преобразования. А если мы ссоримся, постоянно враждуем, разве у нас останутся время и силы на то, чтобы ладным сделать мир? Какое там! Ни сил, ни времени. Наругаешься так, что потом еще полдня, а то и целых три отходить будешь. Отходить...

Желание жить в ладу — лишь первое основание для умения примиряться. Если в душе живет чувство лада и тоска по ладу, то человек будет находить в себе силы, чтобы натуру удержать, чтобы не было ее свободного, буйного и вольного движения. Начинается примирение с самого трудного шага: с остановки в себе раздражения, ненависти, чувства несправедливости другого, с того, что человек пытается видеть, а потом действительно видит свою вину. Если ссора уже началась, остановить ее может только одно действие — осознание в себе своей вины. Нужно вовремя остановиться. Что же делаю я? Натура сразу же кричит: «Я виноват хоть в чем-нибудь? Нет, ни в чем! Это он виноват!»

Натура вопит, но помимо нее есть еще совесть. Могу ли я дать свободу ей, запретив свободу натуре, самого себя отдав в волю не натуре, не раздражению, не гневу, а в волю своей совести, чтобы она тихим, но сильным своим движением могла править мною, править моим состоянием, моими поступками и словами. Тогда именно совесть помогает мне, дает силу искать в себе вину.

Если же я ни в чем не виноват? Если есть ощущение, что виноват другой? Какую же вину я тогда могу в себе найти?

Во всяком спорящем и ссорящемся есть одна вина — само состояние ссоры. Человек виноват в том, что вступив в ссору, он дал своей натуре зацепиться за злобу, раздражение, негодование, возмущение и ввязаться в ссору, раскручиваясь в ней.

Бывает, ссору еще как-то удастся остановить, а спорящих - нет. Расходятся они по разным углам и продолжают про себя ворчать, бурчать, ругаться. И тех, кто их развел, обливают грязью, а того, с кем поссорились, распинают словами. Сами же, придя в состояние ворчливости, обиженности, суровости, мрака и тьмы, будут ходить как тени, бурчащие что-то себе под нос. И не подойти к ним, и не спросить у них ничего.

Разве такое состояние не есть вина? Разве предание себя во власть природы не есть тяжелый проступок?

Человек всегда волен выбирать, быть ли ему в мире со своей совестью или со своей натурой. Если он со своей совестью, тогда натура не может о себе заявлять, не смеет быть. Если он в согласии со своей натурой, значит совесть будет спать.

Когда властвует натура, совесть не может действовать. Она может изнутри напоминать о себе, побуждая человека к совестливым поступкам. Но владеть действием человека, править им, она сможет тогда, когда человек отдаст себя в ее власть, когда он с ней в мире и ею руководим. Если же им руководит натура, то как совесть может направить поступки человека? Если он, будучи в ссоре с другим человеком, каждый раз выбирая между совестью и натурой, отдает себя натуре, разве может он быть справедливым? Будет ли справедливым решение, принятое во зло, ненависти, досаде, раздражении или обиде? Разве он увидит правду другого и себя в неправде? Разве из двух правд — своей и другого — натура сможет вывести истинную правду?

Раздраженное состояние природы видит только свою правду, правду же другого — не видит. А своя правда, которая не видит правды другого, есть уже неправда.

Нет правды, если человек в ссоре. Если он полагает, что у него целая бочка медовой правды, то в состоянии ссоры в этой бочке наверняка найдется не одна ложка дегтя. Вина наша часто в том и заключается, что мы допускаем себя в ссору, даже жаждем ее.

Ссоры часто случаются, когда мы еще маленькие, когда нам 5-6 лет. Тогда они очень быстро выливаются в драку. Так же легко и просто они происходят, когда нам 8, 10, 12 лет. Ох, сколько грязи, неостановимого буйства бывает в них! И мы, не умея найти вину в себе, не можем остановить их. Мы как два барана, столкнувшись на одном месте, не хотим уступать один другому. А если не научиться в ссоре уступать, то мира никогда не будет.

Умение творить мир — дело очень трудное и непростое. Просто настроиться на то, что я мирный, что от меня исходит мир, значит заниматься самообманом. Настоящей проверкой моего умения хранить мир будут отношения с близкими мне людьми, где вокруг меня и со мною не будет возникать ссор, где не будет начинаться молчаливых внутренних споров с другими. А если это все происходит, какой же мир я умею творить? Разве достаточно только настроиться на мир, чтобы справиться с собой, со своей натурой, своим внутренним раздражением, своей способностью творить ссору?

Настройка на мир, как любой аутотренинг, обманывает человека, потому что его действие не снимает натуру. Действием, снимающим натуру, является видение вины в себе. Научиться видеть вину в себе — вот центральное, главное условие, с которого начинается примирение. А там, где натура утихла, мы можем услышать голос совести.

В эти минуты голос совести идет в любви к другому, в той самой любви, без которой невозможно построить отношения в семье с людьми, с которыми жизнью я поставлен быть вместе. Это движение любви, идущее от совести, слышится при тишине натуры. Она, любовь, видя несправедливость другого, может помочь другому с этой несправедливостью справиться. Она видит, что другой отдался натуре и отошел в сторону, что надо ему помочь справиться со своей натурой, перевести ее в состояние тишины, остановить ссору. И она первая пойдет навстречу, первая попросит прощения и тем поможет другому справиться со своей натурой.

Примирение начинается с того, что человек начинает видеть в себе вину. Через это он утишается. И тогда пробуждается в нем главное действие — действие любви к другому, которое помогает другому сделать то же самое, т.е. прийти к совестливости.

Змея лежала под колодой

И злилась на целый свет;

У ней другого чувства нет,

Как злиться: создана уж так

природой.

Ягненок в близости резвился и

скакал,

Он о Змее совсем не помышлял.

Вот, выползши, она в него вонзает

жало:

В глазах у бедняка туманно стало:

Вся кровь от яду в нем горит.

«Что сделал я тебе?» — Змее он

говорит.

«Кто знает? Может быть, ты с

тем сюда забрался,

Чтоб раздавить меня» — шипит ему

Змея,

Из осторожности тебя караю я».

«Ах, нет!» — он отвечал

и с жизнью тут расстался..

* * *

В ком сердце так сотворено,

Что дружбы и любви не чувствует

ОНО

И ненависть одну ко всем питает,

Тот всякого своим злодеем

почитает.

От такого состояния в себе можно уйти. Но для этого нужно учиться примиряться с другими. И чем раньше — тем лучше.

ВЗЯЛСЯ ЗА ДЕЛО - БУДЬ В НЕМ ДО КОНЦА

С древних времен известно мудрое народное правило: «Взялся за дело — будь в нем до конца, даже если другие ушли».

Каждый день нас ожидает много различных дел, ибо без них мы не можем жить, потому как людям необходимо питаться и одеваться.

Но есть дела, которые возникают от любопытства. Так человек увидел, что кто-то что-то делает и сам захотел, взялся, но к середине дела вдруг бросил.

Есть дела, которые особенно хочется делать. Когда появилось такое «хочу», лучше хорошенько измерить его. Что это: «хочу» или «надо»? Если же не разберешься, то не хватит духа исполнить до конца. Возьмешься делать, да и закончится хотение, вот и бросишь все, потому как дело началось с «хочу». А если бы оно родилось от «нужно», тогда, хочешь — не хочешь, доведешь его до конечного результата.

Разные есть дела: нужные и приятные. Прежде, чем приступить к делу, надо посмотреть, необходимо ли оно или его просто хочется делать? И тогда увидится большая разница. Оказывается, «нужно» — это, прежде всего, нужно другим, — моей семье, моим родителям, брату, сестре, моим детям, родственникам. И тогда идешь и делаешь, потому что это нужно делать. Ведь если не сделаешь, мама и папа войдут в грязную комнату, увидят неубранный стол, или младшие дети будут ходить с чумазыми лицами и неприбранными волосами.

Если не поправишь бабушке-соседке забор, то он рухнет и сгниет, и она будет переживать. Если не потрудишься в огороде, то ничего не вырастишь. Значит, нужно делать.

Но вот ты собрался и идешь чинить забор. А тут откуда ни возьмись подруга кричит из окна: «Ты не хочешь порисовать? Я рисовать сейчас буду»

Останавливаешься посреди двора и начинаешь соображать: нужду ли бабушки-соседки исполнить или же пойти к подруге. Как-то вдруг захотелось порисовать и исчезло куда-то желание забор чинить. Состояние нужды бабушки уже не видится. Мне же невдомек, что можно позвать подругу или друга и вместе ей помочь. Но мне не хочется помогать, а хочется рисовать. И такая это сила «хочется», что поворачивает она меня к дому подруги, предлагая рисовать с ней. Рисуешь-рисуешь, 10 минут прошло, и надоело. Надоело, потому что насытился.

Всякое «хочется» всегда насыщается. Нельзя же есть бесконечно. Если сядешь за стол, то какое бы большое «хочется» ни было, все равно больше, чем нужно тебе, не сможешь съесть.

Если хочется купаться, то все равно весь день не просидишь в воде. Твое «хочется» насытится и погаснет. Человеческая натура так устроена, что в ней все время возникают разные «хочу» и заставляют человека подчиняться им. Порой так хочется, что не вмоготу. И пока своего «хочу» не добьешься, невозможно остановиться и начать делать что-то другое. Но вот то, что хочется, сделал, вроде бы должна наступить тишина, маленькая пауза. Но вслед за ней новое «хочу», новое «хочется». Так, если постоянно жить этим «хочется», то что же тогда будет?

Попрыгунья Стрекоза

Лето красное пропела,

Оглянуться не успела,

Как зима катит в глаза.

Как бы и нам не сделаться такой стрекозой с одним желанием попеть, порезвиться, поиграть. Таких «хочу» по жизни много.

Посмотрите в себя и увидите, как каждый раз новое «хочется» поднимается в нас и уводит нас от чего-то очень важного, большого, что могло бы в нас произойти, но не происходит, потому что мы сами отдаем себя во власть «хочется».

Нет, нет, нет, нет, я хочу сегодня,

Нет, нет, нет, нет, я хочу сейчас.

Надо это «хочется» превозмочь, отложить в сторону на время, пока важные дела, нужные моей семье, не будут исполнены. Нужно научиться видеть нужду других.

Взялся за дело — будь в нем до конца, даже если другие ушли.

Почему? А потому, что если не сделаешь дела, будет трудно жить. Поле не даст урожая, дом разрушится, на столе не будет пищи, одежда износится.

Взяться за дело — значит исполнить, услышать нужду другого. Когда человек умеет это слышать, в нем чувство нужды других сильнее, чем собственное «хочу». Только не сразу это происходит, не сразу можно услышать и превозмочь чувство «хочется». Для того, чтобы превозмочь, нужна какая-то внутренняя сила. Это есть сила совести, сила чувства долга. Обе эти силы всегда помогают нам преодолевать свое «хочется».

А если человек не привык слышать совесть в себе и у него не развито чувство долга, если он привык все время жить своим «хочу»? С утра хочется полежать, потом поесть, потом поиграть, попеть, опять поесть, потом опять поиграть.

Попрыгунья Стрекоза

Лето красное пропела

Когда выбираешь дело, необходимо посмотреть, из чего оно рождается: из чувства «хочется» или нужды других. Этим можно точно измерить его важность. Дело по зову совести можно точно отличить от дела, которое идет от «хочется».

Не все дела, которые нужно выполнять, зачастую бывают интересными. Если бы все нужные дела были интересными, то каким состоянием я должен был бы жить? Чувством нужды других или чувством «хочется»? То, что нужно для других, из какого чувства рождается?

Все интересное не совестью диктуется. Более того, дело, которое предлагается, как нужное, совсем иное. В нем нет состояния «интересно и увлекательно». По состоянию оно простое и очень глубокое, уверенное, всеохватывающее и всего меня поглощающее.

Я исполняю это, потому что так нужно, не мне нужно, а другим нужно. Если я этого не сделаю, кто же тогда сделает? Если я этого не сделаю сейчас, то потом может быть поздно. Я делаю, но во мне нет ощущения, что это интересно, увлекательно. Во мне есть чувство, что это нужно. Кстати, с этим всегда связано чувство, что это радостно. Только радость эта тихая — внутренняя.

Давайте посмотрим, как много дел мы исполняем в глубоком и очень большом состоянии «нужно»? И сколько дел происходит у нас потому, что хочется?

Когда человек долго находится в состоянии «нужно», у него наступает усталость, ему хочется отдохнуть.

Слышите? «Хочется»! Состояние «нужно» устало и сразу появилось «хочется».

Хочется полежать, хочется поиграть, попеть, хочется поесть. Как в словах одной известной песни:

Не т, нет, нет, нет, я хочу сегодня,

Нет, нет, нет, нет, я хочу сейчас.

Человеку хочется отдохнуть, но на самом деле у него кончились силы «нужно».

Люди отличаются друг от друга тем, сколько они несут в себе этой силы «нужно». Одни несут столько, что их хватает исполнять дела на два-три часа. Потом же чего-то хочется. Сила «нужно» иссякла, и сразу возникло «хочется». Другие могут находиться в состоянии «нужно» и четыре, и пять, и десять часов. Смотришь на них и думаешь, когда же они захотят отдохнуть, когда же у них кончатся силы? И порою удивляешься, откуда они у них берутся.

Силы рождаются тогда, когда видишь нужду. Нужду поля — чтобы обработать, нужду строящегося дома — чтобы возвести, нужду людей — чтобы помочь им жить.

Человеческая жизнь есть перемена двух состояний — от состояния «нужно» к состоянию «хочется». Всю жизнь человек учится выбирать, набираясь сил для того, чтобы исполнять то, что нужно.

Много людей, которые не знают этого и отдают себя во власть состоянию «хочется». Они все время живут этим состоянием, тренируя его так, что никаких сил «нужно» в них не остается. И по тому, как они оправдываются, ноют, видно, что нет у них никаких сил: «Почему я? Это дело я не буду делать, не могу. Пусть кто-то другой сделает его».

Такие люди отданы во власть своих «хочу». Если им интересно, увлекательно, то они работают, если нет — то и не могут ни за что взяться. Они рабы своего «хочется».

Зачастую очень трудно с такими людьми рядом быть.

Человеческая жизнь дана нам для того, чтобы научиться слышать нужду других. В этом слышании нужды ближнего и ее исполнении и появляются у человека силы «нужно». Тогда и жизнь идет по-другому, и дело получается совсем иным.

О ТАЛАНТАХ И СПОСОБНОСТЯХ

Каждому человеку с рождения даны таланты. Все одарены ими в той или иной степени. Одни имеют вокальные данные, другие — дар рукоделия, третьи одарены математическим складом ума, у кого-то способности к кулинарному делу. Каждый что-то умеет. Поскольку есть способности, общие для всех, то есть и люди, у которых они выражены ярче или слабее. Когда «подсчитываешь» свои способности, непременно обнаруживаешь, что то, что ценится окружающими, тебе не дано. И именно это хорошо было бы обрести.

Вот кто-то, хорошо умея петь, собирает подле себя тех, кто ему аплодирует. И я понимаю, если человек имеет этот дар, то возле него всегда будут люди. А у меня такого дара нет. Как же мне собрать людей вокруг себя? Чем же мне их привлечь? И тогда возникает сложный вопрос — для чего? Оказывается, мне очень нужно, чтобы люди говорили обо мне хорошо, собирались вокруг меня, слушали, как я хорошо пою, и радовались встрече со мной. А если я вдруг потеряю этот дар, от простуды или другой болезни? Будут ли эти люди и дальше собираться вокруг меня? Не знаю... Тот, кто приходил на голос мой, кому нравились мои песни, что теперь будет делать рядом со

мной? Он, конечно же, меня оставит. Тот же, кто радовался за меня и без песен был рядом со мной, конечно же, останется и тогда, когда у меня не будет голоса.

Зачем они приходят ко мне — понятно. А я-то зачем их собираю? Зачем они мне? Оказывается, для того, чтобы чувствовать, что я что-то значу для самого себя. Чтобы такое чувство значимости во мне появилось, мне нужны люди. Если они не будут говорить, что я что-то значу для них, тогда мне будет очень трудно и неуютно в этом мире. Я очень хочу, чтобы кто-то был рядом со мной, не один человек, а много людей. Если я прихожу к ним для того, чтобы они радовались моему появлению и хлопали в ладоши, то я пребываю в состоянии «хочется». Мне хочется от людей внимания, заботы, участия, их радости обо мне, их восклицаний, похвалы. А если этого нет, то на душе становится пусто.

Пусто, когда хочется, но не удовлетворяется. Нет радости людской обо мне. Состояние «хочется» не может никак состояться. В душе образуется пустота. Мне хочется, чтобы люди отдавали мне. Но как можно жить, отдавая? Ради чего я отдаю свой голос, свое пение? Так, если мама попросит: «Останься со мной, спой, я давно не слышала твой голос», а друзья предложат мне: «Пойдем с нами, мы ждем тебя». Что я выберу, кого предпочту? Где мой голос будет литься особенно радостно? Там, где много друзей, или там, где один человек — моя мама? Могу ли я вообще петь для одного человека? Поется легко, свободно тогда, когда понимаешь, что это кому-то нужно. Когда поешь для многих, поешь, чувствуя радость пения, наслаждаясь тем, как люди тебя слушают. При этом купаешься в трепетном удовольствии от того, что тебе внимают. Если на досуге об этом состоянии поразмыслить, в это состояние взглядеться, не окажется ли оно таким сильным лишь ради внимания людей? Свободу дает не исполнение нужды, не жертва собою, а наоборот, сознание того, что меня слушают, меня принимают.

Таланты и разные способности даны человеку, чтобы с их помощью он умел мастерски исполнять нужду людей, исполнять хорошо. А для этого надо уметь видеть эту нужду. Если же таланты и способности служат средством, чтобы собирать славу людскую, то они служат сами себе.

Как хочешь ты трудись;

Но приобрести не лстись

Ни благодарности, ни славы,

Коль нет в твоих трудах пи пользы,

ни забавы

Крестьянин на заре с сохой

Над полосой своей трудился;

Трудился так крестьянин мой,

Что градом пот с него катился:

Мужик работник был прямой,

Зато, кто мимо ни проходит,

От всех ему: спасибо, ...

Мартышку это в зависть вводит.

Хвалы приманчивы, — как их не

пожелать!

Мартышка вздумала трудиться:

Нашла чурбан, и ну над ним

возиться!

Хлопот мартышке полон рот:

Чурбан она то понесет,

То так, то сак его обхватит,

То поволочет, то покатит:

Рекой с бедняжки льется пот:

И, наконец, она, пыхтя, насилу

дышит:

А все ни от кого похвал себе не

слышит.

И не диковинка, мой свет!

Трудился много ты, да пользы в

этом нет.

Так для кого и ради чего служат наши способности? Мы работаем, поем, играем, танцуем ... Что при этом исполняется? Чья нужда? Наша или других людей? Мы вместе веселимся, радуемся. Хорошо это или плохо? Когда вместе — хорошо, ведь даришь свои способности другим.

Ну, а если надо пойти по пути «нужно»! Так, например, в разгар веселья нужно помыть посуду. Как это скучно! Скучным бывает такое дело, которое силой не обеспечено. Желание петь, плясать обеспечено силой, и так хочется, что распирает от этой силы, от этой энергии, этой готовности действовать. А вот мыть посуду — нет никаких сил.

А есть способность мыть посуду?

Есть!

Только она не пользуется популярностью, она не ценится окружающими и мной. Не ценится потому, что сил для «нужно» нет. Но кто-то же эту посуду вымыл. Значит, у кого-то были силы на это.

Так вот, силы и способности, которые идут от «хочется», отличаются от сил «нужно». Эти силы, эти энергии очень разные. Если жить одной силой «хочется», отдаваясь при этом своим способностям, то не может появиться в человеке тонкая, совсем не слышимая сила «нужно».

Счастлив, кто на чреде трудится

знаменитой:

Ему и то уж силы придает,

Что подвигов его свидетель целый

свет.

Но сколь и тот почтен, кто

в низости сокрытый,

За все труды, за весь потерянный

покой,

Ни славою, ни почестями не

льстится.

И мыслью оживлен одной:

Что к пользе общей он трудится.

Увидя, как пчела хлопочет вокруг

цветка,

Сказал орел однажды ей с

презрением:

«Как ты, бедняжка, мне жалка,

Со всей твоей работой и с умением!

Вас в улье тысячи все лето лепят

сот:

Да кто же после разберет

И отличит твои работы?

Я, право, не пойму охоты:

Трудиться целый век, и что ж иметь

в виду?

Безвестной умереть со всеми наряду!

Какая разница меж нами!

Когда расширятся шумящими

крылами,

Ношуся я под облаками

То всюду рассеваю страх:

Не смеют от земли пернатые

подняться,

Не дремлют пастухи при тучных их

стадах;

Ни лани быстрые не смеют на

полях,

Меня завидя, показаться».

Пчела отвечает: «Тебе хвала и

честь!

Да продлит над тобой Зевес свои

щедроты!

А я, родясь труды для общей пользы

несть,

Не отличать ищущих свои работы,

Но утешаюсь тем, на наши смотря

соты,

Что в них и моего хоть капля меду

есть»

Героика будней и героика подвигов. Человек, совершивший самоотверженный поступок — подвиг, «натренирован» в «нужно». Он смог собраться в тот момент, когда потребовалось, и дать всплеск такой силе, на которую не каждый способен. А ведь рядом с героем находились люди, много людей. И они имели точно такую же возможность сделать то же самое, но не смогли.

Почему? Потому, что сил для разных «хочется», для разных способностей у человека много, а вот сил для «нужно» — почти нет. Да, это разные силы. Но ведь если постоянно жить в своих способностях и разных «хочу», силы для «нужно» не родятся.

Счастлив, кто на чреде трудится

знаменитой:

Ему и то уж силы придает,

Что подвигов его свидетель целый

свет.

Но сколь и тот почтен, кто в

низости сокрытый.

За все труды, за весь потерянный

покой,

Ни славою, ни почестями не

льстится,

И мыслью оживлен одной:

Что к пользе общей он трудится.

Человеку хочется обрести в своих способностях и приобрести новые. Для чего же? Для того, чтобы исполнить нужду других в своей семье, в своем классе. Чтобы дело исполнять хорошо, нужно развивать свои способности. Когда способности подчинены делу, подчинены нужде, тогда они будут приложены к «нужно» и будут ее исполнять. Они даны мне для того, чтобы исполнять нужду мастерски.

А если я нужды не вижу, а живу только в «хочется»? Тогда способности развиваются и тоже получают большие возможности. Только не «греет» такой человек рядом с собой никого. Греет его способность, а не он сам.

Так, когда человек живет в способности, рядом с ним хорошо и удобно. Но вот он закончил петь, и теперь с ним просто надо быть рядом. Но, оказывается, что это невозможно, т.к. он другим теперь не помогает, а живет только собой, только и ищет, как бы вновь собрать всех в своей способности и еще пожить в ней. Да, действительно, когда он в своей способности, всем хорошо и радостно. Но разве в этом дело?

Людям требуется человеческое участие, внимание, чуткость, щедрость, любовь. Но он этого не знает. И когда он не в своей способности, он — печальное зрелище! Как бы нам такими не стать!

Нам нужно научиться отдавать, уступать, прощать. Это большой труд души. И тогда мы, нашими способностями помогая исполнять нужду других, не будем требовать ответной благодарности, не будем ожидать почестей и похвалы. Но будем исполнять все хорошо и незаметно для других.

Да, очень нелегко стать простым, неприметным, но нужным людям.

О МАСТЕРСТВЕ

Чтобы чему-то научиться, необходимы три действия: сначала смотреть, потом пробовать и лишь затем исполнять. Если не будет двух первых этапов, и человек сразу начнет все делать сам, то получится дурно и нехорошо. В скором времени он и сам убедится в том, что сделанное им скверно, но до того он доволен всем.

Так, приготовленная им еда кажется ему вкусной, и он сидит и наслаждается ею. А то глядишь еще и вслух хвалит. Все же остальные, превозмогая себя едят с трудом, едят, чтобы его не обидеть. А ему и невдомек, что приготовлено невкусно.

А то делает скамеечку или табурет, полагая, что сделал мастерски, аж самому нравится. Но ведь важно, чтобы другим понравилось. Когда же нравится только самому, тогда других не видишь и не слышишь. Сядишься сам на свою скамейку и с удовольствием качаешься на ней...

Другой тоже сел, покачался и говорит:

—Так ведь она не должна качаться! Плохая скамеечка.

— А мне так не кажется. (Не кажется потому, что он ее сделал).

Говорили в старину: «Чтобы стать мастером, надо долго ходить в подмастерьях». Это значит — учиться, долго и внимательно смотреть, как делает мастер.

Оказывается, смотреть можно по-разному. Можно смотреть глазами, и тогда это будет любопытство.

Мне хочется посмотреть, как ладно у него получается, как хорошо он делает стежок.

Посмотришь — посмотришь, да и надоест, да и побежишь играть, веселиться. А бывает, посмотришь, и самому захочется сделать. И скажешь: «Дай, я тоже попробую». Но только возьмешься — удар по гвоздю, и тот сломался; начнешь пилить, а пила вкось пошла; начнешь вышивать, да и испортишь рисунок. А все потому, что недостаточно смотрел.

Когда смотрит настоящий подмастерье, то смотрит он долго и смотрит чем-то внутренним в себе. Оказывается, это смотрит в нем состояние «нужно». Есть состояние «хочу». Хочется смотреть — и смотрю. А есть состояние «нужно» смотреть, и смотрю. И если я сейчас насмотрюсь, пристально вглядываясь, я потом исполню нужду людей. Потому сейчас смотрю, что мне это очень нужно.

Совсем другое дело, когда человек смотрит потому, что хочет смотреть. Потом ему захочется самому сделать, самому исполнить.

Два состояния — «хочется смотреть» и «нужно смотреть», ибо не могу не смотреть. Во втором состоянии есть подмастерье, а в первом — никакого подмастерья нет, есть только любопытный, любознательный, который остановился и глазеет. Когда человек смотрит, он чувствует, что наступает время, когда он может сам. Но это еще не значит, что он сможет исполнить чью-то нужду. Это значит, что теперь он может сам попробовать сделать ту же скамейку, сварить обед

или приготовить ужин, попробовать вышить, связать, сшить. Попробовать — еще не значит исполнить нужду. Если же человек, поглазев, не пробуя, пошел сразу делать, то он делает и портит дело.

Так, бабушка последние доски отдала, чтобы ей забор починили, а мнимый мастер взял да и испортил все. Забор получился неровным. Оказывается, он не нужду исполнял, а только пробовал. А если бы он исполнял нужду бабушки, то увидел бы, как она огорчилась, как жалела о досках, как переживала о том, что негде их будет больше взять. Если бы он увидел нужду бабушки, то стал бы извиняться и просить прощения, стал бы искать, как исправить дело. А он ходит и в ус не дует. Да еще хвастается и гордится.

Учиться исполнять нужду нужно начинать с чего-то простого, с того, что можно будет потом переделать или же не жалко выбросить. А если человек сначала не будет пробовать, то он никогда не сможет исполнить нужду другого мастерски — хорошо, ладно. Проба мастерски не получается, она часто не профессиональна, так как человек только лишь пробует.

Отправляясь из родительского дома в самостоятельную жизнь, нам нередко приходится самим что-то пробовать. Только чтобы пробовать, нужно уже насмотреться. Было ли это? Насмотрелись ли? Было ли наше смотрение долгим?

Если нет, учиться никогда не поздно.

Тот станет мастером, кто пробу свою будет разглядывать с негативных сторон, кто в пробе своей будет искать изъяны, что сделано неправильно, некачественно, нехорошо, не мастерски исполнено.

Если человек сумеет это разглядеть в своих делах, то он сумеет исправить. Исправляя, научится делать хорошо.

Научиться делать мастерски — значит делать так, чтобы не исправлять.

Тогда тот, для кого это сделано, будет радоваться. Тогда то, что сделано, будет служить долго и хорошо.

Вот басня И. Крылова «Трудолюбивый Медведь»:

Увидя, что мужик трудился над

дугами,

Их прибыльно сбывает с рук

(А дуги гнут с терпением и не

вдруг),

Медведь задумал жить такими же

трудами.

Пошел по лесу треск и стук,

И слышно за версту проказу.

Орешника, березника и вязу

Мой Мишка погубил несметное

число,

А не дается ремесло.

Вот идет к мужику он попросить

совета

И говорит: «Сосед, что за причина

эта?

Деревья-таки я ломать могу.

А не согнул ни одного в дугу.

Скажи, в чем есть тут главное

умень?»

«В том, — отвечал сосед, —

Чего в тебе, кум, вовсе нет:

в терпении»

Терпение нужно, чтобы учиться, чтобы долго смотреть, как другой делает. Терпение нужно и для того, чтобы самому пробовать, пробовать не торопясь, не с ходу, не с налету. Терпение нужно, чтобы исполнить нужду другого.

Терпение — это особое состояние, которое рождается чувством «нужно».

Если нужно, будешь терпеливо смотреть, делать и терпеливо исправлять.

А там, где «хочется» — там какое терпение? Пока хочется — работаешь, а чуть притомился — уже неохота. Хочется что-то другое начать делать — порезвиться или поговорить с кем-либо.

Терпение есть только там, где есть чувство «нужно».

Беда, коль пироги начнет печи

сапожник,

А сапоги тачать пирожник,

И дело не пойдет на лад.

Да и примечено стократ,

Что кто за ремесло чужое браться

любит

Тот завсегда других упрямей и

вздорней:

Он лучше дело все погубит, и рад

скорей

Посмешищем стать света,

Чем у честных и знающих людей

Спросить иль выслушать разумного

совета.

Зубастой щуке в мысль пришло

За кошачье приняться ремесло.

Не знаю: завистью ль ее лукавый

мучил,

Иль, может быть, ей рыбный стол

наскучил?

Но только вздумала Кота она

просить

Чтоб взял ее с собой он на охоту.

Мышей в амбаре половить.

«Да, полно, знаешь ли ты эту, свет,

работу? —

Стал Щуке Васька говорить. —

Смотри кума, чтобы не осрамиться:

Недаром говорится,

Что дело, мастера боится», —

«И, полно, куманек! Вот невидаль:

мышей!

Мы лавливали и ершей» —

«Так в добрый час, пойдем!».

Пошли, засели.

Натешился, наелся кот.

И кумушку провести он идет:

А щука, чуть жива, лежит, разинув

рот, —

И крысы хвост у ней отъели.

Тут, видя, что куме совсем не в силу

труд,

Кум замертво стащил ее обратно в

пруд.

И дельно! Это, Щука,

Тебе наука:

Вперед умнее быть

И за мышами не ходить.

(И. А. Крылов «Щука и кот»)

Из басни извлечем еще один совет. Не стоит браться за дело, к которому не способен. Не стоит браться за то, к чему возраст еще не подошел. Не стоит браться за то, чему еще не научился, а значит, еще не посмотрелся, как другой делает. В жизни любой труд нужно делать мастерски. Нужно потому, что этот труд необходим людям, необходим всем нам. Благодаря этому труду наша жизнь становится возможной. И потому трудимся не ради удовольствия или забавы, а потому, что это нужно. Делаем старательно, хорошо, мастерски, чтобы тот, кто будет пользоваться результатом моего труда, радовался.

Чтобы научиться так работать, нужно много и долго смотреть. А нетерпеха сразу хватается делать, не рассуждая, нужно ли это. Плохое, корявое, неказистое — неважно. Разве есть ему до этого дело? Нетерпехе очень хочется сейчас это сделать, потому он и лезет, и дерется, и отнимает. Готов в ссору ввязаться, лишь бы свое «хочется» удовлетворить. Готов дразниться, обижаться и даже плакать, потому что ему не дали. А не дали-то только для того, чтобы он прежде научился смотреть.

Терпение и труд все перетрут.

Прежде посмотри, потом сам попробуй, и затем лишь только предлагай свою помощь.

Чтобы помочь, надо уметь и знать.

Вот что пишет Василий Белов о мастере-печнике:

«Он знал, сколько и каких сделать поворотов, какие сделать свод, устье и под у печки. Умел так стукнуть по кирпичу, что тот раскалывался там, где как раз и надо. Мастерок и кайло в руках Изохи, мастера-печника, приобретали какую-то силу, как приколдованные».

Человек, рожденный с искрой в душе, пережив детство, неминуемо становится

мастером: плотником ли, сапожником ли, кузнецом ли.

Часто мастерство передавалось от отца к сыну, от деда к внуку. Из века в век по традиции какое-либо дело процветало или в одной деревне, или даже в целой волости. Так, плотницкий мир очень широк и многообразен. Для подростка он начинался с обычного топорища. Сделать топорище — значит сдать первый экзамен. Дед, отец или старший брат подавал мальчишке свой топор и сухую березовую плашку из лучинных запасов. Далеко не сразу получалось первое топорище. Иной испортит немало березовых плашек. Но не было случая, чтобы парень своего не добился и не заслужил похвалы старшего.

В детстве автору удалось испытать жгучий интерес к работе сапожника. Нетерпенье самому сделать хоть несколько стежков при стачивании голенища было столь велико, что приходилось всячески угождать сапожнику.

Мастер никогда не позволит ученику что-либо сделать, если тот не научился азам.

— Тебе хочется непременно тачать, наматывать на кулаки и со свистом продергивать в обе стороны концы дратвы? Ан нет, голубчик! Поучись-ка прежде цыкать дратву.

А вот пример о лодочниках.

Мастера делать лодки были, как правило, и хорошими плотниками либо хорошими столярами. Лодки обычно делались не на продажу, а для себя. Покупать лодку нормальному, хорошо владеющему топором мужику, было как-то совестно, и потому он принимался за нее сам. Испортив пару осин, он добивался-таки своего. Конечно, были и признанные мастера с особым чутьем, особым умением. Они-то, если попросишь добром, и совет дадут, и помогут, и необидно поучат новоявленного «лодочника».

В добрый путь — к мастерству!

КАК НЕ БЫТЬ ОДИНОКИМ

В седьмом веке до нашей эры жил царь по имени Ксеногриф. У царя был советник Акир, который не имел детей. Он очень печалился об этом и потому взял на воспитание своего племянника Анадана. Много мудрого хотелось ему передать Анадану в своих наставлениях. Когда же тот подрос, то захотел занять место Акира раньше, чем это должно было произойти, и потому оклеветал названного отца в глазах царя Ксеногрифа. Акир был брошен в темницу, ему угрожала смертная казнь. Но у Акира были друзья, которые помогли ему бежать и скрыться. Приемный сын Анадан занял его место — должность советника при царе Ксеногрифе.

Египетский фараон стал теснить земли царя Ксеногрифа. Для того, чтобы наступил мир, Ксеногрифу было предложено условие: если он сумеет ответить на три вопроса фараона, то тот оставит земли его нетронутыми. Если же нет — будет платить дань.

Самых лучших людей позвал царь Ксеногриф, чтобы ответить на вопросы египетского фараона. Но никто, в том числе и Анадан, приемный сын Акира, не сумели ответить на них. И тогда друзья Акира сообщили царю, что тот жив. Ксеногриф обрадовался и позвал его к себе. Акиру удалось ответить на все вопросы египетского фараона. Народ и земли царя Ксеногрифа были спасены.

Узнав о предательстве Анадана, царь Ксеногриф жестоко наказал его. Акир был снова восстановлен как советник.

Давно уже нет в живых ни Акира, ни Анадана. Но сохранились послания названного отца к своему сыну, его поучения, которые он писал ему и его детям. Вероятно, Анадан много слушал отца, но ничего не запало ему в душу. Так не раз бывало в истории, когда у мудрого на слово отца вырастали легкомысленные сыновья, не исполнявшие родительского наставления.

Чтобы этого не случилось с нами, необходимо родительское слово принимать как закон, дабы положить его в душе своей, действовать и жить согласно сказанному. Родительский опыт поможет нам, и тогда наша жизнь будет счастливой.

Вот немного из поучений Акира:

«Всякий совет со вниманием выслушай во всякий день жизни своей».

«Даже став взрослыми, мы не имеем права прекращать учиться».

«Сын мой, склони очи твои долу, а голоса не возвышай. Если бы криком строили дома, то осел ревом своим по два дома воздвигал бы каждый день».

«Не будь сладок чрезмерно, не то съедят тебя, но не будь и чрезмерно горек, чтобы не отшатнулся от тебя друг твой».

«Когда в гневе ты, не говори грубого слова, иначе глупцом тебя назовут».

Гнев – это состояние, когда не слышна совесть, ее мудрые повеления и наставления. Разве может их услышать человек, находящийся в ярости или в исступлении? В гневе мы говорим слова, о которых потом много сокрушаемся. Справиться с гневом в гневе невозможно. Упредить гнев можно, не вступая в него, не отдавая себя в его волю.

Вот еще поучение:

«Чадо, если в чьем-либо дому горе, то, оставив их в беде, не иди на пир к другим, но прежде посети тех, кто скорбит, а потом уже иди пировать и помни, что и тебе суждена смерть».

Много лет спустя после Акира жил на Руси человек по имени Сильвестр, оставивший своему любимому сыну Анфиму письменное поучение. Анфим смог исполнить все слова своего отца, ибо положил в душе своей каждое его слово, каждый его совет. И, благодаря этому, сумел прожить жизнь достойную, став примером своим детям.

Из поучения Сильвестра:

«Жену люби и в законе с ней живи, что сам делаешь, тому и жену учи».

Чему же должна научиться каждая жена, каждая мать?

«Научиться... всякому знанию и промыслу, рукоделию и домашнему обиходу. Всякому порядку. Умела бы сама и печь и варить. Всякую домашнюю работу знала бы и всякое женское рукоделие. Хмельного питья отнюдь бы не любила, да и дети и слуги у нее также не любили. Без рукоделия бы жена ни минуту не была. С гостями у себя и в гостях отнюдь бы не была пьяна. С гостями бы вела беседу о рукоделии, о домашнем порядке, о доброй жизни, а не пересмеивала бы кого, не переговаривалась бы ни о ком. В гостях и дома песен всяких разных дурных и всякого срамословия ни себе, ни слугам не позволяла бы. Волхвов, кудесников и никакого чародейства не знала бы».

О каких дурных песнях и срамословиях пишет Сильвестр? Среди песен немало песен дурных по содержанию. Но почему-то именно эти песни хочется петь. Было время, когда в каждом дворе и школе дети распевали небольшие садистские куплеты: «Маленький мальчик по крыше гулял...» и т. д. Все понимали, что в этих песнях много дурного, но почему-то не оставляло желание их петь. Плохое дело, если дети выбирают песни с дурным содержанием, песни развратные, песни о злом и злых, недобрых поступках, об истязаниях, постыдные песни, испытывая особое щекотливое чувство удовольствия.

Это и есть дурная натура в человеке. Это и есть те дурные желания, которые в каждом из нас мешают быть совести, запрещают ей быть. Вместо жизни по совести человек окунается в эти желания с особой усладой, смакуя, напевает эти песни помногу раз, запоминает множество анекдотов, совсем нелепых, развратных, грязных, при этом испытывая беспечную радость жизни. В действительности же это мрачное, тяжелое состояние души. Об этих состояниях человек утаивает говорить, но при всем том очень стремится к тому, чтобы собрать такую компанию, в которой это было бы нестыдно делать.

Замечено, если в такой компании окажется человек, который будет стыдиться петь и слушать подобные песни и сквернословные речи, то его начинают игнорировать. Почему же человека не любят? Почему его сторонятся, вытесняют из компании? Если же посмотреть в себя самого, то окажется, что наша натура тоже не любит нашей совести.

Совесть в человеке натурой нелюбима. Она нелюбима нашими скверными желаниями, потому как запрещает эти падшие «хочется», становясь для них внутренним укором. Они же, в свою

очередь, борются с совестью — не терпят ее, не любят, заглушают ее и приводят к полному неслышанию ее. И тогда больше нет укоров совести, больше нет ее движений, наставляющих нас на правильный путь, правильный выбор. И тогда натура, отпущенная на свободу, на весь свет распекает нечистые песни, мрачные куплеты и с диким хохотом, наслаждаясь, рассказывает сальные анекдоты. Натура, выпущенная на свободу, начинает властвовать над человеком так, что он ради нее отказывается от совести и теперь живет только в дружбе с натурой.

Появление же в компании совестливого человека — это появление немого укора натурным желаниям, которые начинают сопротивляться живому голосу совести. «Вон его из нашей группы, из нашей компании, здесь не должно быть места ему», — вопит падшая натура.

К счастью, совестливые люди сами не желают оставаться в таких компаниях. Они уходят, сторонятся этих отношений «дружбы». Иногда они остаются одни и начинают в этом одиночестве мучиться. Утешим их сразу: напрасные это муки. Что мучается в них? Опять же их собственная натура. Ибо пробужденная совесть мучиться не будет. Натуре, которой хочется быть в кругу друзей, получать от них восторженные восклицания, различные знаки внимания, будет, конечно, скучно, и она будет тосковать и печалиться, что осталась одна.

Но жизнь так устроена, что совестливый человек один никогда не остается. Он, живя в согласии со своей совестью, помогает людям незаметно и просто, потому что исполняет нужное им. Он, конечно же, не для таких компаний, где распевают праздные песни, рассказывают анекдоты и с грубым хохотом передергивают друг друга язвительными фразами и словечками. Он нужен людям, которые действительно нуждаются, которым требуется прямая помощь личным его участием в живой заботе о них. Люди, которые балагурят, разве в чем-то серьезном, жизненно значимом нуждаются? Нет. Поэтому совестливый человек им тоже не нужен. Да совестливый и сам понимает, что нет места ему среди них. Там, где действительная нужда, там ему надо быть. И потому тот, кто приходит к своей совести, не бывает одиноким.

Разве можно быть одиноким, когда вокруг так много нуждающихся? Когда начинаешь выбирать между своими желаниями и нуждой людей, порой не хватает сил справиться с самохотной натурой. А порою она так сильно завладевает, что чувство «нужно» заглушается. Только настоящая, серьезная жизнь вся состоит из «нужно», и люди объединяются в группы тоже по этому чувству. Те, кто живет чувством «нужно», и те, кто живет различными «хочется», не имеют между собою мира и согласия, потому что они слишком полярны. Слишком.

ВРАГ КЛАДЕТ НА УШИ, БОГ ДАЕТ НА СЕРДЦЕ

Вернемся вновь к поучениям Акиры Премудрого:

«Сын мой, свою долю съешь, а чужого не занимай».

«Если муж не слушает совета, с таким не отправляйся в путь и с обманщиком не садись пировать».

«Сын мой, не приближайся к женщине глупой, болтливой и гордячке, и не возжелай красоты женской. Красота женщины в ее скромности».

«Чадо, если кто-то станет наговаривать на друга твоего, ты не слушай его, а не то и о твоих грехах он же другим расскажет».

Очень нужное наставление. В жизни оно часто не исполняется. Мы готовы слушать о всяком человеке, что бы о нем ни говорили. Если говорят дурно, порочно, мы принимаем эти слова за лакомую правду и начинаем к ним прислушиваться и скоро сомневаться в своем мнении. Тем самым мы так легко предаем друга или близкого нам человека. Кроме того, он может быть и тем, кто много для нас сделал или помог нам.

Но вот о нем дурно заговорили, и наше отношение к нему резко изменилось в сторону очернения его. Вместо того, чтобы не принимать ложь в свою душу, не класть ее на сердце, мы, напротив, внимательно все выслушиваем, а выслушав, чуть-чуть уже верим. А если верим, значит и сомневаемся в человеке. Из-за сомнений иногда даже и благодарность к нему высыхает. Так, я очень многим обязан этому человеку, но вот услышал о нем что-то дурное, и тут же вся моя благодарность кончилась. Оказывается, в каждом из нас это плохое о другом собирает наша падшая натура. Мы так любим свое благополучие, что готовы подозревать всех, лишь бы уберечь себя от подвоха.

Если слушать человека, который чернит всех, как уберечься потом от того, что он пойдет и к нашему другу и о нас же ему что-нибудь наговорит? Привычка носить людям разные слухи о других — одна из самых тяжких и очень вредных привычек человека. Это, как бы, насмехательство над людьми, удовольствие от того, что я судьбой другого владею. Другой раз этим занятием так увлекаемся, что только и делаем, что собираем нелепые слухи. Нам и невдомек, что это дурно. Столько в этом страсти, столько удовольствия порой находишь, внимательно слушая, когда кто-то о ком-то говорит злобно.

Есть мнение, что у человека самое большое наслаждение — «перемывать косточки другим». Когда люди встречаются друг со другом, первое, о чем они говорят, — это о знакомых, друзьях или близких. Из этих вестей так и хочется узнать что-то такое потаенное, что сам человек скрывает о себе. Но я теперь через других, со стороны, об этом узнал. Так и хочется «влезть» в эту

внутреннюю жизнь человека, в его тайные, сокрытые дела и делишки. Так и хочется верить, что они в нем обязательно есть. Я же теперь о них знаю: «Надо же, какой он человек! А я-то думал!»

Разве может быть доверие к человеку, если по слухам судить о нем? Голова, доверяющая слухам, не доверяет человеку и собственному сердцу. Доверять может только сердце, а для этого в нем должно быть открыто соvestливое отношение к людям, предвидение в них доброты и совести. А когда душа вся увязла в разглядывании «исподнего», тогда она роется в «грязном белье» другого человека. Разве есть ей дело до доброго и чистого в нем?

УМЕЙ РАСПОРЯЖАТЬСЯ ДЕНЬГАМИ.

Деньги нужны каждому. В них вложен наш труд, наши силы и наше время. Взамен трудов мы получаем деньги. На эти деньги можем приобрести плоды труда других людей. Деньги становятся средством обмена человеческих трудов. Мы работали на совхозных полях, а кто-то в это время работал на заводе. Весь наш труд на поле превратился в деньги, и теперь свой труд мы несем тем, кто сделал одежду, обувь, посуду. Мы отдаем им свой труд в виде денег, а они нам отдают то, что произвели. Этот обмен происходит в магазине. В свою очередь, рабочие на заводе за то, что сделали, тоже получили деньги. Свой труд в виде денег они принесли в магазин и получили то, что мы произвели на наших полях. Так, каждый обменивается своим трудом, а деньги воплощают этот труд.

Если не трудиться, то денег не будет, разве что украсть их. Труд же человеческий не украдешь. Им можно только пользоваться, заставив другого работать на себя. Но плоды труда украсть можно. Так делают воры и разбойники. Человек же, когда трудился, думал, что будет жить результатом своего труда, а результат украли: «На что теперь жить дальше?».

Воровство присутствует в мире, присутствует и в нас. Желание украсть, попользоваться чужим, не вложив своего труда, иногда появляется у разных людей. Если привыкаешь воровать, как не просто от этого отказаться.

Воровство идет от состояния «хочу». А если человек не умеет бороться со своим «хочу», не умеет прислушиваться к голосу своей совести, как же он освободится от этого тяжелого порока, от такого постыдного действия?

Приходит время, когда каждый начинает получать заработную плату, плату за труд. Труд превратился в деньги. И человек держит их в руках и вправе распоряжаться ими. Каждый, имея на руках деньги, оказывается перед выбором: что исполнить — «хочу» или «нужно»? На кого потратить эти деньги? На себя? На других? На папу и маму? На сестру или брата? Если есть привычка исполнять «хочу», то желаний появится очень много: купить что-нибудь вкусное или

какую-либо вещь, о которой давно мечтал, или сходить в парк, повеселиться. В то же время для себя «нужно» купить ботинки, рубашку. Это все равно когда-то придется покупать. «Нужно» купить, а так хочется хоть один день порезвиться наотмашь.

В саду весной при легком ветерке

На топком стебельке качалась Муха,

сидя,

И на цветке Пчелу увидя, спесиво

говорит:

«Уж как тебе не лень»

С утра до вечера трудиться целый

день?

На месте бы твоим я в сутки б

захирела.

Вот, например, мое — так, право,

райское житье.

За мною только лишь и дело

Летать по балам, по гостям»,

И молвит, не хвалясь: «Мне в

городе знакомы

Вельмож и богачей все дома.

Когда б ты видела, как я пирую там,

Где свадьба, именины.

Из первых уж я тут,

И ем с фарфоровых богатых блюд,

И пью из хрусталей блестящих

сладки вина.

И прежде всех гостей беру, что

вздумаю,

Из лакомых сластей.

Притом же, жалую пол нежный,

Вкруг молодых красавиц вьюсь я

отдыхать.

У них сажусь на щечке розовой

Иль шейке белоснежной.

«Все это знаю я, — отвечает

Пчела,

Но и о том дошли мне слухи,

Что никому ты немила,

Что на пирах лишь морщатся от

мухи.

Что даже, часто, где покажешься

ты в дом,

Тебя гоняют со стыдом».

«Вот, — Муха говорит, — гоняют,

что ж такое?

Коль выгонят в окно, так я влечу в

другое».

Можно всю жизнь так поступать. Заработал и сразу все потратил за день-за два, на балах и пирах, в парках и аттракционах, «нужное» же так и осталось неисполненным. А ведь «нужно» не только мне, нужно и маме, и брату, и сестре. Как же распределить заработанные деньги? Как сделать так, чтобы исполнились и мои «хочу», и «нужно»?

Человек чаще утопает в своих «хочу», ибо «хочу» слишком заразительно и привлекательно, потому как оно внутри нас сидит. И оно обладает такой силой, что трудно превозмочь его.

В действительности же, человеческая жизнь заключается в том, чтобы заработанными деньгами, то есть вложенным трудом исполнить два вида «нужно» — для себя и для других.

Деньги — это не просто бумажки — это человеческий труд. Распределяя их в «нужное», человек научается находить меру нужды, свою или другого. По этой мере он и тратит их: где нужда большая — там и большую часть денег надо вложить, где малая — там и отдать меньше. Это непростая наука, которой человек призван учиться всю жизнь: уметь не привязываться к деньгам своими «хочу», уметь, работая, отдавать эту работу другим, чтобы исполнить «нужно».

Человек получает деньги. Как распорядиться ими? На какие «нужно» их истратить? Или же отдаться своим хотениям, которые раздерут по разным прихотям. Оказывается, если человек живет одним лишь «хочу», то и к деньгам у него особая страсть. Как же свои «хочу» удовлетворить, если не через деньги? Как же исполнить их, если нет денег? Когда же они есть, ох, как много «хочу» можно себе позволить! О том, что «нужно», человек мало помнит. Об этом, порой, он даже забывает. Зато исполнить разные «хочу» - тут фантазия развивается стремительно.

Имея общий дом и общую контору,

Какие-то честные торгоши

Наторговали денег гору,

Окончили торги и делят барыши.

Но в дележе когда ж без спору?

Заводят шум они за деньги,

за товар,

Как, вдруг, кричат, что в доме их

пожар,

«Скорей, скорей, товары вы и дом

спасайте! —

Кричит один из них, — ступайте,

А счета после мы сведем».

«Мне только тысячу моих сперва

добавьте, —

Шумит другой, — я с места не

сойду долой».

«Мне две еще не додано, а вот тут

счета ясны, —

Еще один кричит. «Нет, нет, мы не

согласны!

Да как, за что и почему?!»

Забывши, что пожар в дому,

Проказники тут до того шумели,

Что захватили их в дыму,

И все они со всем добром сгорели!»

Так и в жизни бывает. Порой, целую жизнь проживешь, оглянешься — а жизнь сгорела в разных удовольствиях и «хочется». Много денег на это было истрачено, а пользы... никакой. Нужно не сделано. А ведь только из «нужно» рождаются дома и парки, одежда и посуда, и то многое, что человек имеет.

КАК МЫ ХОДИМ В ГОСТИ

Гостеприимство — один из самых добрых обычаев любого народа.

Сильвестр в своих поучениях к сыну Анфиму пишет:

«Помни, сын, как мы жили, никогда и никто не вышел из дома нашего тощ или скорбен».

А вот наставления известного нам придворного вельможи Акира Премудрого:

«Чадо, приди к скорбящему со словом утешения. Это дороже, чем груда золота».

«Сын мой, гнев свой обуздай».

«Если ты не голоден — не наедайся, а не то прослывешь обжорой».

«Сын мой, если кто послушает речи умного человека, словно изнывая от жажды напьется студеной воды».

«Сын мой, если позовут тебя на пир, то по первому зову не иди, а если позовут тебя, тогда знай, что тебя там почитают и достойно примут».

Действительно, в гости просто так человек не приходит. Он идет как родня к родне, по крови или по духу. Правда, в гости ходят еще и для того, чтобы что-то получить. Но в этом случае идут по нужде, приходят, чтобы попросить.

Оказывается, в жизни бывают два гостевания. Одно от нечего делать, когда сидишь и думаешь: «К кому бы в гости сходить?», чтобы там повеселиться да поразвлечься. В гостях появляется свобода всякому «хочу». Хочется поесть — в гостях как раз наешься, поговорить о других людях, перемыслить им косточки — в гостях как раз это возможно, порезвиться вволю — в гостях как раз наиграешься и напрыгаешься. Так появляется праздное гостевание, где без всяких трудов можно повеселиться и одновременно исполнить множество различных «хочу». Невольно возникает привычка к таким гостеваниям и к такому образу жизни: «Лето целое пропела, оглянуться не успела...»

Только есть гостевание другое, когда «нужно»: прийти к другим, чтобы узнать, как они живут, узнать их «нужно», их нужду, порадоваться вместе с ними или разделить беду и горе, побыть, посидеть у них, поговорить не спеша, с пониманием и любовью. За этим простым разговором узнать нужду тех, к кому пришел. Присмотреться, не расспрашивая, увидеть глазами их нужду, услышать ненароком оброненное слово, заметить тоскливый взгляд. И в следующий раз исполнить уже конкретную нужду: что-то принести, что-то сделать, что-то от себя отнять и отдать им, нуждающимся.

Вот такое гостевание в каждом народе было особенно значимо, особенно уважаемо. Для такого гостевания люди приходили нешумно, без воплей и криков, без радостных восклицаний, а в мерной, неспешной, неторопливой умудренности, с простым словом: «Добрый день! Вот зашел на минутку. Как вы — живы? Здоровы? Чуть побуду да и пойду».

В первый раз человек заглядывал ненадолго. Узнав нужду, он затем приходил, чтобы эту нужду исполнить.

Но порой и сам нуждаешься. И тогда идешь к другому за помощью. Так, ненароком, обронишь, что есть нужда и необходимо его участие. Потому и существовало на Руси и у любого другого народа гостеприимство, когда хозяин принимал другого как гостя, полагая, что он пришел с нуждой.

Нужда бывает разная: иногда в общении, в добром слове, в утешении, иногда — в признании. Человек, побывав в гостях, уходит с чувством, что он не один в этом мире, что у него есть друзья, пусть даже малознакомые, но всегда готовые принять его в свой дом, обогреть, приютить, утешить, обласкать и одарить необходимым, показать, что он признан ими. Одарить вещами или продуктами - не безделушкой праздной - тем, что ему нужно и что, принеся домой, он непременно использует в своем хозяйстве, в своем доме.

Сильвестр наставляет:

«Помни, сын, как мы жили — никогда никто не вышел из дома нашего тощ и скорбен...».

«Гостей приезжих всегда корми, а на соседстве и с знакомыми любовно живи. О хлебе, о соли, о доброй сделке, и о всякой ссуде. Поедешь когда в гости, «поминки»* недорогие вези да любовь».

«Вези «поминки» недорогие да вместе с ними любовь...»,

ибо без любви подарок не будет дорог. Любящий и подарок выберет нужный. А тот, кто не любит, тот и не разглядит нужду другого.

«А в пути от стола подавай домохозяевам и приходящим, сажай их с собою за стол и также подавай. А маломощным милостыню давай».

Значит в дороге, с кем бы ни пришлось быть, если есть что с собой из продуктов, разворачивай котомку и приглашай всех, кто случился рядом с тобой. Не у каждого есть такая привычка. А если и есть у кого, то он, наверняка, вспомнит, как неловко и неудобно себя чувствовал, не зная, как пригласить, усадить и предложить свое. А то, глядишь, еще и откажутся. Как стерпеть тогда?

«Если кто делится с тобой — не отказывайся, чтобы не смутился он».

Действительно, когда даешь, а другие не принимают, чувствуя себя неловко, почему-то и сам неловкость испытываешь. Поэтому, есть правило: «Всегда делись». Но есть и другое: «Если делятся — всегда бери, не отказывайся, будь благодарным».

* Поминки — это недорогие подарки, которые оставляют в память о себе. Человек, взглянув на эту вещь, оставленную у него в доме, вспоминает о тех, кто был у него в гостях.

Далее Сильвестр пишет:

«Если так будешь делать, то везде тебя ждут и встречают, в путь провожают, от всякого лиха берегут. Кормят вот для чего: доброго — за добро, а лихого — от лиха, чтобы на добро обратился. Во всем этом убытка нет. В добрых людях хлеб-соль взаимное дело и «поминки» тоже, а дружба вечная и слава добрая».

Обычай гостеприимства позволяет каждого гостя приветить, каждому жизни прибавить. Если гость с радостью уезжает и с чувством большой полноты покидает наш дом, как же много остается в нас той же полноты от его доброго «спасибо», от того, что мы исполнили его нужду! Порой бывает, что гость и не предполагает, что может уйти с такой доброй памятью, когда у него так много тоски по щедрости душевной, по сердечному отзыву, по участию других в нем.

А если гость не ко времени? Если в доме и самому нечего есть? Едва себе хватает. Вот расположишься, а тут вдруг стук в дверь. Так хотелось неторопливо поесть, но, скрепя сердце, идешь, открываешь, с недовольством принимаешь, с легкой досадой сажаешь за стол, извиняешься, что так скудно, а глазами так и смотришь, как уходит, тает со стола то, что должно было попасть тебе в рот.

А то, бывает, наметил дело какое-либо исполнить, а тут вдруг звонок в дверь. И опять с досадой принимаешь гостя, а сам все на часы поглядываешь, сам все торопишься, терзаешься и тянешься к

делам, которые очень хочется начать или продолжить. И снова «хочется». Это многогранное, тяжелое «хочется».

Умение принимать гостей — это умение исполнять чувство «нужно». Обычай гостеприимства — это обычай, с помощью которого в человеке пробуждается совесть. Ибо только совесть может слушать и слышать это чувство «нужно». «Нужно» гостю. Разве можно в этот момент о чем-то своем думать, разве можно привязываться к своим желаниям? Разве можно остаться в своей комнате, когда пришли в твой дом? Разве можно оставаться у стола доедать свою пищу, когда ухом слышишь, что гости уже на пороге? Разве можно что-то пытаться доделывать в тот момент, когда слышишь: «Здравствуйте! А мы к вам». Конечно же, нет! В этот момент все бросается, все оставляется, — гость пришел!

Гостей праздных не бывает. А если случится праздный гость, так его надо не праздно встретить. Ему хочется поболтать, порезвиться, просто поиграть от нечего делать. Я же поведу разговор о нужных делах потому, что сам живу в «нужно». Такому гостю станет скучно у меня, и я продолжу говорить, очень заботливо спрашивая его о его «нужно». И с какого-то момента он забудет о своих «хочу», разговорится о «нужно», и, глядишь, совсем по-другому гостевание пойдет.

Да, конечно, бывают гости, которых не устраивает разговор о «нужно». Но они очень скоро перестанут приходить к нам. Ведь к людям, живущим большим чувством «нужно», ходят в гости такие же люди. А праздные ходят к праздным.

Однако, приходит старость, и смерть обязательно наступает у каждого. Смерть отбирает у человека возможность исполнять разные «хочу». Разве жизнь дана для того, чтобы веселиться, играть и петь? Нет. Смерть уравнивает всех, и ставит каждого человека перед вопросом: «Для чего я жил? С чем я к смерти пришел?» Смерть всегда задает этот очень важный и строгий вопрос. И как непросто будет тому, кто не умел ходить в гости, кто не умел принимать гостей. Кто в гостях, или будучи хозяином, только и делал, что веселился, пел и плясал.

Там, где человек исполнен чувством «нужно», там появляется чувство жизни, там и веселье есть, ибо оно есть отдых после труда. Посмотрите на стариков, которые по-настоящему жили в «нужно». Недаром тот, кто с детства привык трудиться, кто с детства привык исполнять «нужно», тот до самой смерти может без усталости работать. Так, кавказские старики живут по девяносто, по сто с лишним лет и до самых последних дней жизни своей трудятся, ни на минуту не желая развеселого, разудалого отдыха, того отдыха, который рождается, когда «хочу» оказывается сильнее «нужно». Не возникает этого состояния потому, что в них за многие годы жизни и труда столько набрано сил для исполнения «нужно», что они не кончаются ни к девяносту, ни к ста годам. И у столетнего старца не возникает ощущений «хочется», т.к. сил для «нужно» очень много. Именно поэтому они так долго живут. Именно поэтому человек, любящий труд, а значит, набирающий сил для «нужно», называется «долгожителем».

